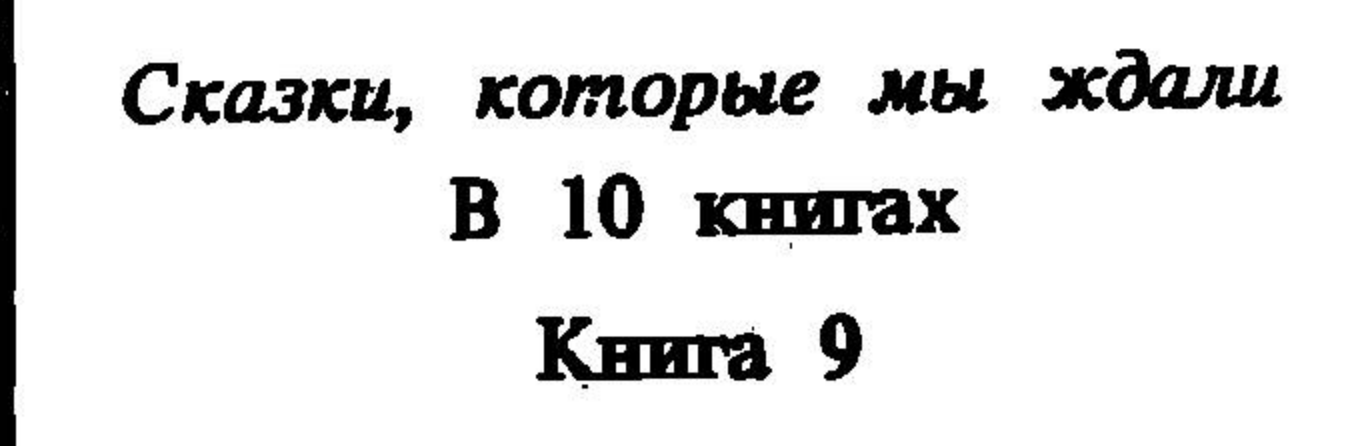

КАЗКИ, НА ЯКІ МИ ЧЕКАЛИ
СКАЗКИ
ИЗ-ЗА
РЕШЕТКИ

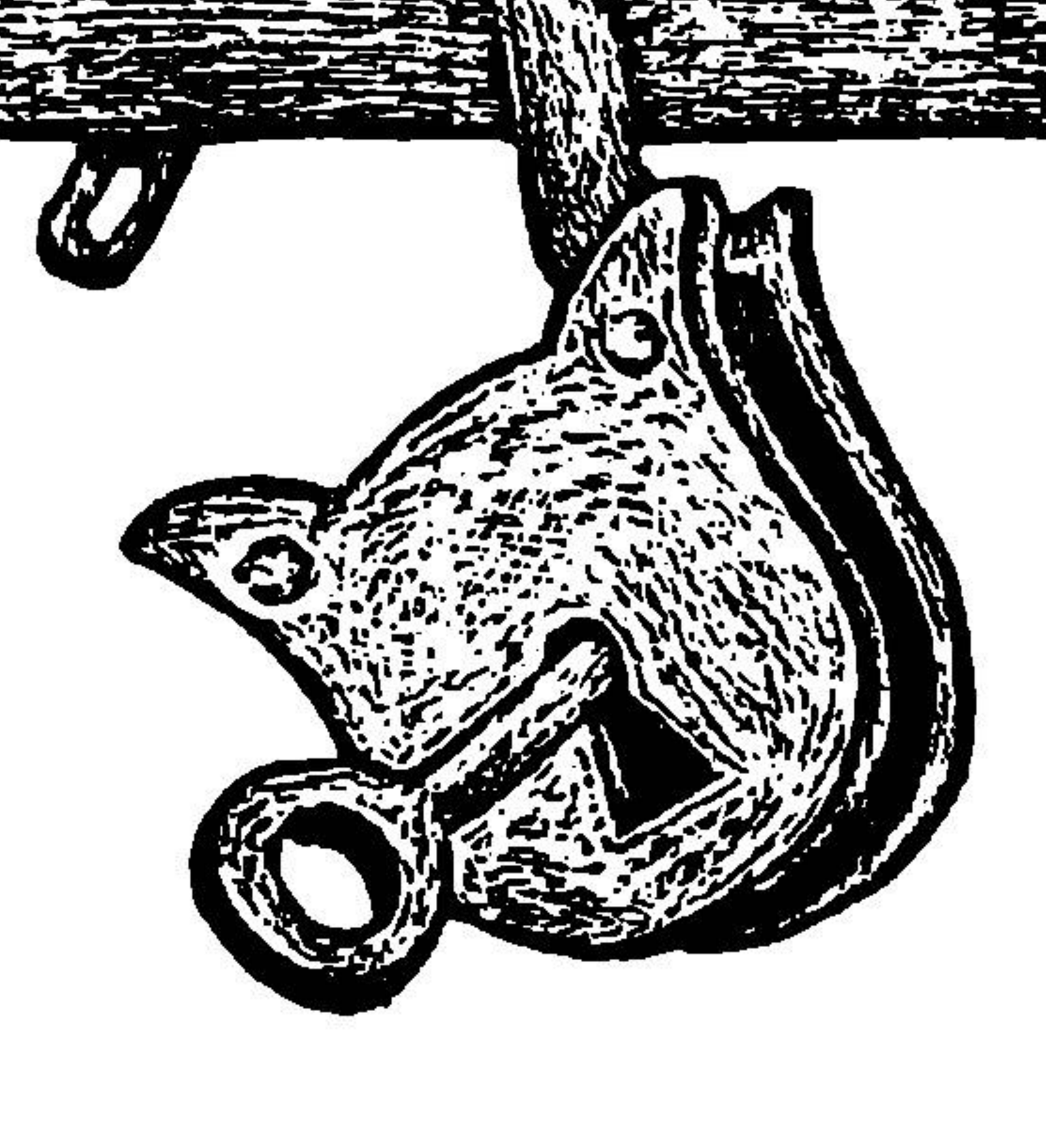
СКАЗКИ ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ

ИЗ
СПЕЦХРАНА—
К ЧИТАТЕЛЮ

Сказки, которые мы ждали
В 10 книгах
Книга 9

СКАЗКИ ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ

КИЇВ
ФІРМА «ДОВІРА»
1992

ББК 82.3 Ук-6
С42

Составление
и перевод с украинского
М. Д. Ходоровского

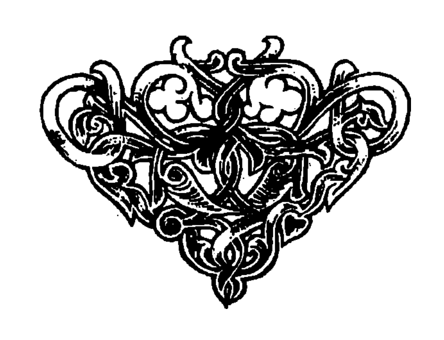
Художник
А. В. Середенко

В книгу вошли произведения, в силу различных причин оказавшиеся пленниками спецхранов. Знакомые и незнакомые герои сказок: мудрые и сильные, находчивые и отважные — воплощают в себе надежды и чаяния народа, стремление его к красоте, добру и справедливости, побеждая зло во всех его проявлениях, утверждая торжество добра на земле.

До книги увійшли твори, що з різних причин потрапили до спецсховищ. Знайомі й незнайомі герої казок: мудрі та сильні, дотепні та відважні — уособлюють в собі надії і сподівання народу, прагнення його до краси, добра та справедливості, перемагаючи зло в усіх його проявах, утверджуючи добро на землі.

К $\frac{4803640104}{92}$ 42-92

ISBN 5-85154-062-1

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!

Наверное, вас удивило название этой книги? И правда, разве сказки попадали за тюремную решетку? А вот послушайте.

Было это во времена не такие уж близкие, но и не очень далекие: почти восемь десятилетий назад. Одна за другой страшные войны — первая мировая и братоубийственная гражданская — обессилили родную землю. Тогда кривда заполонила ее, и много хороших и честных людей вынуждены были уехать за границу. На территории тогдашней Польши и Чехо-Словакии, в Германии и Австрии основали они украинские общества (громады). А для детей организовывали школы, пластунские лагеря[1], печатали сборники сказок, журналы с яркими иллюстрациями: «Світ дитини», «Малі друзі» и др.

Ведь родное слово, как волшебное зелье, хорошему человеку силу прибавляет, а у злого — отбирает. Узнали об этом

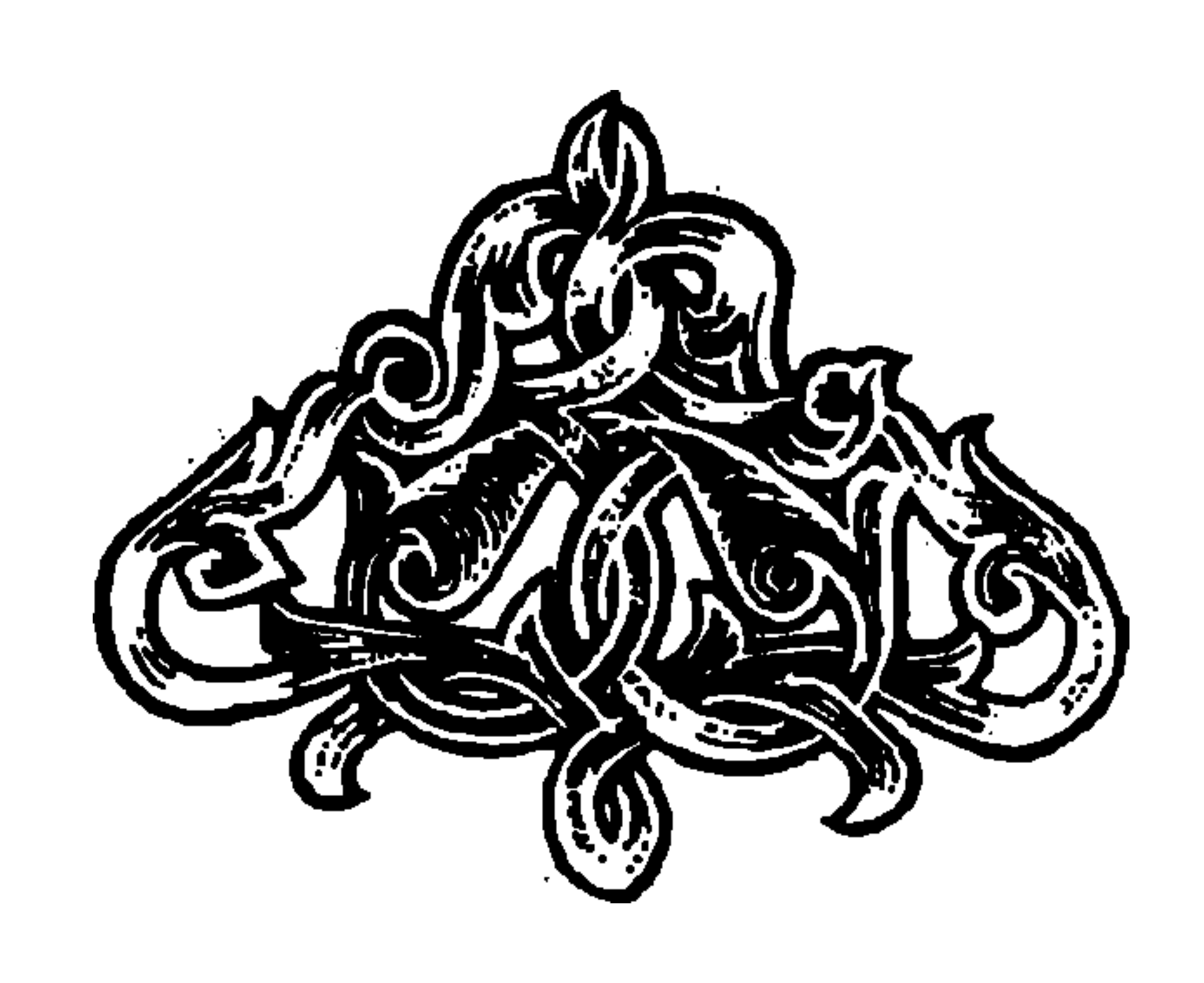

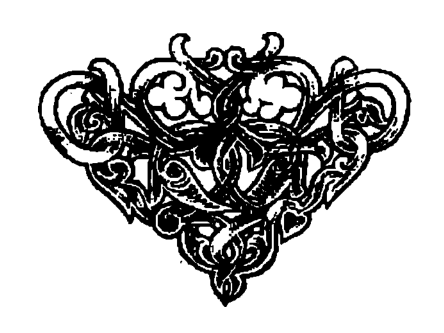
[1] Пластуны — течение, возникшее по образцу европейских бойскаутов в 1911 году с целью патриотического воспитания украинской молодежи.

лихие люди, и когда к ним попадали украинские книги из-за границы, сразу запирали их в библиотечных хранилищах-тюрьмах. Но как ни старалась Кривда, а Правда все равно ее победила (в жизни так всегда бывает).
Сейчас герои запрещенных книг вышли из подземелий. Многие из них вам не известны. А если кто-то и знаком, то все равно, словно в другой одежде.

Итак, наступило время сказки. Закончим наш рассказ словами одного из юных корреспондентов журнала «Світ дитини»:

Сказка, сказка, как мамина ласка,
Отцовское мудрое слово.
Не умерла она, а ожила снова,
Предков наших сила неодолимая
Как отчий край, сказка милая.

НАШЕ БОГАТСТВО

Полная луна стояла высоко в небе и посылала на землю свое чистое сияние; ее ясный лик глядел в окошко небольшого, но аккуратно побеленного, хорошенького домика. В этом домике жила вдова Катерина с дочкой Аленкой. У них был только небольшой домик, огород и вишневый садик перед окнами. Тяжелым трудом зарабатывала вдова на хлеб. Иногда приходилось и бедствовать. А когда голод и холод заглядывали в убогое жилище, она говорила: «Ничего, и в наше оконце заглянет солнце, а у кого есть такое доброе дитя, как у меня, тот и горя не знает».

Аленка действительно была хорошим ребенком. Маму свою любила, уважала старших, со всеми в мире жила. Находилось у нее время и в школе прилежно учиться, и маме в работе по дому помочь.

Однажды вечером, когда луна заглянула к ним в окошко, мать и дочь уже закончили работу. «Мама,— сказала Аленка,— там во дворе так хорошо, пойду послушаю, как соловушка щебечет».

Села она на завалинке возле хаты, а в саду соловушка заливается. Луна, задумавшись, стояла на небе, будто заслушалась этим пением, а ветерок тихонько разговаривал с деревьями, словно боялся помешать дивному пению соловья.

Долго сидела Аленка, глядя на эту красоту. Уже и мама, не дождавшись ее, позвала:

— Иди, дочка, домой, уже пора ложиться спать.

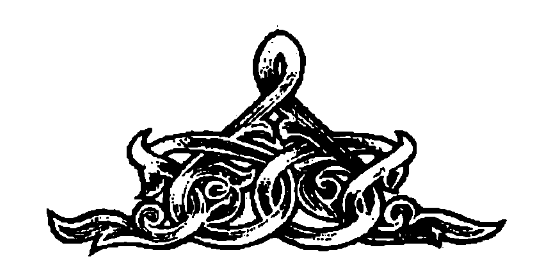
Но Аленке спать не хотелось.

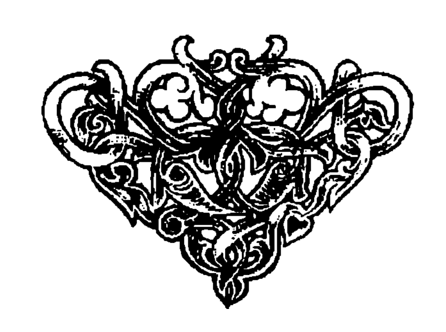
— Еще минутку,— попросила она.— Сядьте, мама, спойте какую-нибудь песню. Смотрите, как хорошо и славно вокруг. Приятно мне слушать, как соловей щебечет, но еще приятнее становится на душе, когда вы поете.

Мать улыбнулась, села около любимой доченьки и стала петь разные песни: и веселые, и печальные, и о козаках. У Аленки личико разгорелось, даже глазки заблестели от радости.

— Мама,— спросила Аленка,— во всех ли краях у людей такие хорошие песни, как у нас?

— В каждом краю, каждый народ имеет свой язык и свои песни,— ответила мать.— Так уж повелось на свете, что каждому человеку милее всего тот язык, которому он ребенком научился от матери, самая дорогая и лучшая та песня, с которой мать его укачивала в колыбели. Язык и песни — это главное богатство каждого народа.

СВЯТОИВАНОВСКАЯ ЛЕГЕНДА

Недавно, после долгих скитаний, вернулся на родину дед Сидорка. Лучшие годы своей жизни провел он на войне. Воевал с турками. Получил медаль за храбрость от самого царя. Пять лет бродил по свету. Возвратился домой, женился, обзавелся хозяйством. Казалось, ничто его не вырвет из-под родного крова. Да где там! Снова потянуло Сидорку в далекие края. Сначала ходил с чумаками по степям Таврии, потом искал счастья на золотых уральских приисках...

Теперь жену он уже не застал. Встретили Сидорку сын с невесткой да двое внучат — Дмитрик и Ганка. Дети полюбили старика за чудесные сказки.

Однажды вечером — а было это в ночь на Ивана Купала — сидел дед с детьми на завалинке. Вдруг Дмитрик испуганно крикнул:

— Дедушка, что это?!

Перед ними мигали маленькие светлячки. Они то взлетали вверх, то опускались вниз.

— Не бойся, сынок, это святоивановские мушки,— сказал дедушка.

— А почему они так светятся? — спросила Ганка.

— Это божьи искорки.

— Почему же они по земле рассыпались?

Дед на мгновение задумался, а потом сказал:

— Вот что, дети, расскажу я вам, откуда эти божьи искорки на земле появились. Было это давно, очень давно, более шестисот лет тому назад, когда родную землю

заполонило монгольское племя — татары. Страшной тучей надвигалась татарская орда; уничтожали все, что попадалось на их пути. Людей убивали или брали в плен. Вырезали целые селения. Кто мог спастись, укрывались в лесу. Страшное было время.

Так вот, слушайте. У самого леса стояла бедная изба. Там жила вдова с двумя детьми: мальчиком и девочкой. Они жили, ни с кем не общаясь, и не знали, что происходило в мире. И когда тревожные вести дошли до них, вдова, не долго думая, оставила детей, а сама отправилась в ближайшее село, чтобы разузнать кое-что у людей. Но в недобрый час оставила мать своих детей. Она больше не вернулась к ним.

В селе вдова не встретила ни одной живой души. Все разбежались, схоронились в лесу. Она уже хотела уйти обратно, но тут ее схватили татары. А что потом с ней случилось — только один Бог ведает...

Долго дети ждали мать. Уже и солнце зашло, а она все не возвращалась. Обнявшись, стояли они у окна. И вдруг увидели красную огненную луну на небе. Хоть и маленькие были, а догадались: это татары подожгли село. Значит, они уже здесь, близко...

Сначала дети горько заплакали. Что случилось с их матерью? Кто им в беде поможет? Но потом вспомнили, что недалеко от их избы висит на дереве Христово распятие. К нему, бывало, водила их мать,и они молились за покойного отца. Говорила матушка, что тот Христос каждую молитву их выслушивал, называла его чудотворцем. И решили дети схоронить Христово распятие у себя.

Если мы его спасем, так и он нас спасет. Взявшись за руки, пошли они в лес. А было это на Святого Ивана Купала. Дети отыскали распятие, припали к нему дрожащими губами и промолвили:

— Христос! Мы пришли спасти тебя от лютого ворога. Не хотим оставлять тебя на глумление злому татарину. Молим тебя, спаси и ты нас и нашу матушку. А если недостойны твоей милости, то хоть землю нашу освободи от страшной напасти.

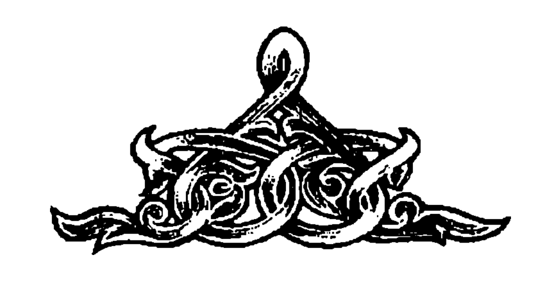
Еще раз обняли Христа и поцеловали его окровавленные ноги. Затем сняли распятие с дерева и понесли домой. Огненная луна стала ярче. Отовсюду были слышны дикие

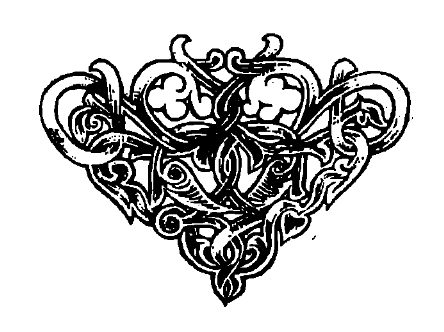
крики татар. Они были уже совсем близко. Дети спрятались в погребе и в ожидании смерти крепко обняли Христа. Вдруг услышали они, как трещат горящие бревна. Это татары, увидев пустую хату, зажгли ее по своему обычаю, а сами вернулись в лес, где расположились лагерем, и скоро уснули.

Долго горела хата вдовы. А когда пламя поднялось вверх, сильный ветер разметал искры по всему лесу. Сухие деревья загорелись быстро. Начался сильный пожар, и все татары погибли.

Три дня горел лес, три дня гулял ветер и метал огонь. Искры высоко взлетали над верхушками деревьев. Потом случилось нечто удивительное: искры закружились над пепелищем и поднялись высоко в небо, к самому Богу, и обратились к нему с жалобой на лютых татар.

Дети с распятием спаслись, только потеряли мать. А Бог вдохнул душу в искорки и рассеял их светящимися мушками по всей земле. А так как дело было в ночь на Ивана Купала,— завершил свой рассказ дед Сидорка,— народ и называет светлячков святоивановскими мушками.

КОЗАКИ — СВЯТЫЕ ЗАЩИТНИКИ

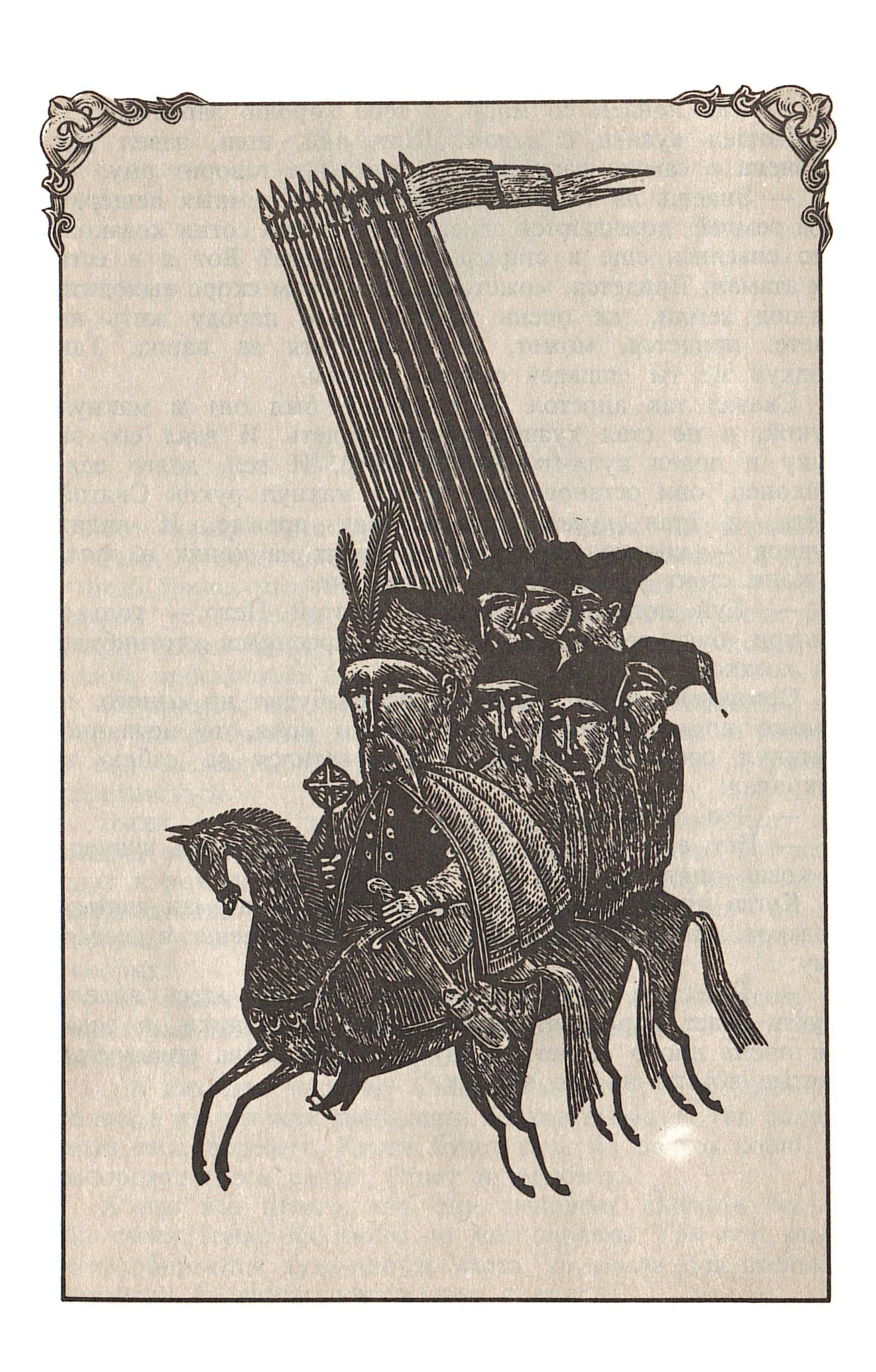
Когда-то давным-давно козаки много воевали — защищали веру свою и народ свой. Бог помогал козакам в их праведной войне и давал им победу над врагами. Но потом уже иначе стали жить козаки: нехорошо стали поступать, начали многие грешить. Разгневался тогда Бог на козаков, и стали одолевать их неверные татары, а потом царь московский совсем разбил козаков. И только триста человек из них спаслись, ускакав в далекие горы Карпатские, в дремучие леса; спаслись самые лучшие, благочестивые козаки, те, что сохранили старые заветы и обычаи.

Перед ними явился Ангел и указал им дорогу к лесу, в котором они схоронились. Атаман их был убит. В лесу подошел к ним старик и принял над ними начальство,— а был это сам апостол Петр. Завел он козаков в глухие пещеры, указал каждому его место и велел дожидаться своего часа, когда он, Святой Петр, придет призвать их на службу. И заснули там в пещере триста козаков, сидя на конях во всем вооружении.

Недалеко от того леса, где в пустых пещерах спали козаки, жил кузнец. Как раз перед тем, как царь даровал волю всем крепостным, случилось так, что у кузнеца не стало работы, и пошел он в город искать работу. Идти ему нужно было через лес. В том лесу повстречался ему старый дед и спрашивает:

— Ищешь работу, кузнец?

— Ищу,— отвечает кузнец.

— Так пойдем со мной, я тебе хорошо заплачу.

Пошел кузнец с дедом. Шли они, шли, завел дед кузнеца в самую чащу леса, а потом и говорит ему:

— Знаешь ли ты, что в этом лесу, в темных пещерах под землей, дожидаются своего часа те три сотни козаков, что спаслись еще в стародавние времена? Вот я и есть их атаман. Придется, может, моим козакам скоро выходить из-под земли, уж очень тяжело стало народу жить на свете; придется, может, им вступиться за народ. Так подкуй же ты лошадей святым воинам.

Сказал так апостол Петр (а это был он) и махнул рукой, и не стал кузнец ничего видеть. И взял его за руку и повел куда-то Святой Петр. И вел, долго вел. Наконец, они остановились. Опять махнул рукой Святой Петр, и стал кузнец видеть, как прежде. И видит кузнец — козаки во всеоружии сидят на конях и спят, а кони стоят у желобов и жуют сено.

— Куй лошадей,— говорит Святой Петр,— только смотри, будь осторожен, чтобы не проснулся кто-нибудь из козаков.

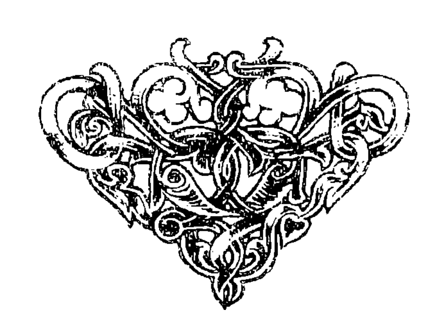
Осторожно ковал кузнец и не разбудил ни одного, и только когда подковывал последнего коня, то нечаянно толкнул соседнего козака. Тот схватился за саблю и закричал:

— Что, пора уже?

— Нет, еще не пора, спи,— догадался ответить кузнец, и козак опять заснул.

Когда окончил кузнец свою работу, то атаман святых козаков, апостол Петр, дал кузнецу много денег и сказал ему:

— Пойди и расскажи про то, что ты здесь видел. Пусть знает народ, что есть у него защитники, и если уж очень плохо станет народу жить, то снова подымутся святые козаки на его защиту.

О ЗАПОРОЖЦАХ

Вот какие богатыри были — земля не держала! У него, у того запорожца, семь пудов голова! А усы у него такие, что как расправит их — один ус — туда, другой ус — сюда, то и в двери не влезет, хотя бы двери были такие, что через них и тройка коней с возом проскочила бы.

Запорожцы на двенадцати языках умели говорить, из воды могли сухими выйти, когда нужно, умели на людей и сон насылать, и туман напускать. Умели и в речке переливаться.

Были у них такие зеркала, глядя в которые за тысячу верст видели они, что в мире делается. Вот как идут в поход, так он, кто у них был за старшего, или предводитель какой, или сам кошевой, так он,— говорю,— возьмет в руки зеркало, посмотрит в него и говорит:

— Туда не идем — там ляхи идут; и туда не идем — там турки или татары заходят, а сюда идем — тут уже ничего нет... Потому и пройдем...

...А как они воевали? Станут, бывало, тут, в Орловой балке, а против них двенадцать полков выведут. Так полки сами себя порежут. Крови будет течь по брюхо коню, а запорожцам все равно. Стоят и смеются.

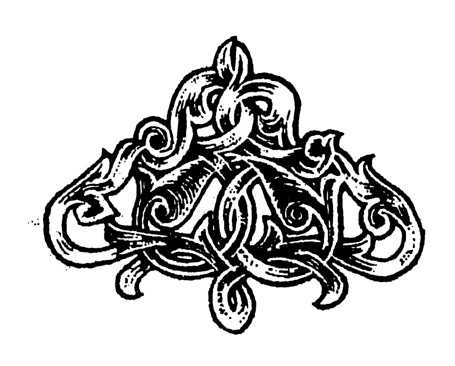
А это все оттого, что они знающим народом были. На своей земле их никто не мог одолеть. Так вот, они, как собираются куда-нибудь ехать, то земли под стельки накладут, в шапки понасыпают и едут.

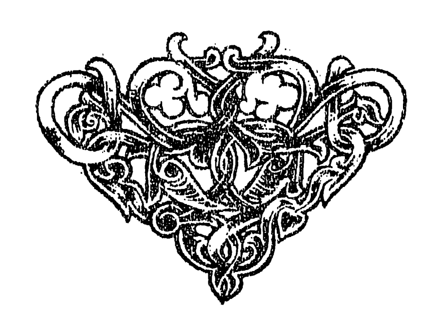
Однажды в Петербурге зашли они во дворец. Им стулья подают, а они уселись на полу и сидят. Приходит к ним Катеринич[1], смотрит, что они сидят на полу, и давай над ними смеяться. Потом поднял руку над одним запорожцем и прицелился, чтоб его ударить.

— Руби, руби, раз руку поднял,— говорит тот.

Да где тебе рубить! Как поднял руку, так она и застыла, так и оцепенела...

[1] **Катеринич** — прозвище кн. Потемкина

КОШЕВОЙ СЕРКО

Кто же он был этот Серко? Кошевой такой. Он такой был, что кое-что знал. Вот, бывало, выйдет из куреня и обратится к своему хлопцу:

— Ану, хлопец, возьми пистоль, стань вон там и стреляй мне в руку!

Этот хлопец возьмет пистоль и только — бу-бу-ух! Ему в руку. А он возьмет в руку пулю, сдавит ее и отбросит. Они, запорожцы, все были знающие...

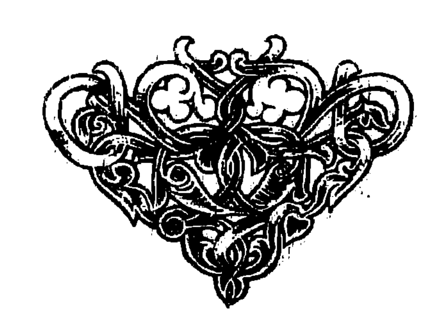
Серко великим воином был. Этот знал, кто и о чем думал. Вон там, на том берегу Днепра, были татары... Да как задумают они, бывало, воевать, так Серко и говорит козакам:

— Собирайтесь вместе — на нас уже орда поднимается!

Он сильным таким был, что кто его саблей ударит по руке, так и не разрубит — только синяк будет. Не то, что пулей, а саблей! Уже татары какие меры против него принимали, и то ничего не сделали. Они его шайтаном[1] так и прозвали...

---

[1] Шайтан (тюрк.) — черт.

КОРОЛЬ КОЯТА

Жил-был один король, звался он Коятою и была у него борода до колен. Три года он жил со своей женой, а детей у них не было. Короля это очень печалило.

Однажды выехал король из своей столицы, чтобы посмотреть, что делается у него в королевстве. Расставшись с королевой, восемь месяцев проездил он по разным странам, а в конце девятого месяца подъезжал назад к своей столице.

В тот день было очень жарко и велел король своей охране посреди чистого поля поставить шатры и дожидаться вечерней прохлады.

Но тут начала короля мучить жажда, а поблизости не было воды. Мучила она его все сильнее и сильнее. Не долго думая, вскочил король на коня и стал искать в окрестностях, нет ли где колодца. И правда, нашел колодец, а в нем вода такая прозрачная, как хрусталь, доходила до самых краев сруба. Сверху на воде плавал ковшик.

Король Коята протянул руку к ковшику — но странное дело! Как только он хотел его схватить сначала правой, а потом левой рукой — ковшик уклонялся и уплывал в противоположную сторону. Не дает поймать себя и все, как будто нарочно короля дразнит! Подождал король, пока вода немного успокоилась, подкрался тихонько к ковшику и только хотел его схватить обеими руками, но ковшик снова проскочил, словно рыбка,

нырнул на дно, опять вынырнул,— ну нарочно короля злит, да и только!

— А, черт тебя побери! — подумал король,— обойдусь и без тебя!

Нагнулся над колодцем и жадно припал к воде, не заметив, что вся его борода нырнула в колодец. Когда же вдоволь напился и собрался встать, не смог поднять голову, кто-то в воде крепко схватил его за бороду. И хотя Коята изо всех сил упирался, тряс головой и дергал во все стороны,— вытащить бороду не мог.

— Что это меня так держит! Да отпусти же наконец! — закричал он.

Никто не отвечал, только из колодца уставилось на него жуткое чудище: два больших зеленых глаза горят, как два изумруда; раскрытый ротище хохочет, показывая два ряда блестящих, как жемчуг, зубов; высунутый язык дразнит короля, а две большие клешни крепко держат его за бороду.

Испугался король, хотел закричать, но не было сил, и показалось ему, что он заколдован. Наконец он пришел в себя.

Между тем гнусный голос из колодца проговорил:

— Бесполезны твои старания, король! Не пущу я тебя, пока не пообещаешь мне отдать то, что есть в твоем доме, но о чем ты сам не ведаешь!

Король, не поразмыслив, в чем дело, решил:

— Что бы это такое я имел в своем собственном доме, о чем я и не ведал бы? Я знаю все, что у меня есть! — и ответил:

— Обещаю, что отдам!

Тот же голос промолвил:

— Ладно! Но смотри, выполни свое обещание, а не выполнишь, будет тебе горе!

Клешни разомкнулись и выпустили бороду из воды, а чудище нырнуло на дно. Король вытащил бороду из колодца, отряхнулся, как селезень, так что всю свою свиту обрызгал, за что все ему низко поклонились...

Когда они приближались к столице, народ валил им навстречу и приветствовал их громкими криками. С крепостных стен палили пушки, звонили во все колокола. Когда король подъехал ко дворцу, королева уже ждала

его во дворе, а рядом с ней стоял первый министр, держа в руках шелковую подушечку, на которой лежало прехорошенькое дитя.

Только теперь стало ясно Кояте и начал он вздыхать и горько упрекать себя. «Вот это оно и есть, о чем я не ведал!» — и заплакал. Все очень удивились, но никто не осмелился и слова вымолвить. Потом взял король ребенка на руки, долго его ласкал, сам положил в колыбель и, затаив в сердце своем горе тяжкое, стал жить дальше, как и раньше.

Никто не знал его тайны, только все замечали его печаль. Все время ожидал, что вот сейчас придут за его сыном и заберут у него. Днем он не находил покоя, а ночью сон бежал от него. Но шло время и никто не приходил. Тем временем королевич рос на чудо красивым мальчиком. Скоро и король забыл о своем приключении.

Но как-то раз выехал королевич на охоту, погнался за зверем, отбился от других охотников и очутился далеко в дремучем лесу. Кругом никого не было, черные сосны стояли стеной и взору его открылась только маленькая полянка, заросшая густой травой и папоротником, посреди поляны росла дуплистая липа. Вдруг зашумела эта липа и вышел из нее необыкновенный старик: борода зеленая, как барвинок, и такие же зеленые глаза.

— Будь здоров, королевич Милан! — молвил старик.— Что-то долго я тебя дожидаюсь, давно уже пришло время тебе к нам прийти!

— Кто ты? — спросил королевич.

— Узнаешь потом, теперь же запомни: отцу своему, королю Кояте, передай мой привет и еще добавь, что я спрашиваю, когда он собирается платить свой долг?

Сказав эти слова, бородатый исчез. Задумчивым возвращался во дворец королевич. Когда же приехал, пошел к отцу и сказал:

— Отец, милостивый король! Случилась со мной на охоте странная история!

А потом все рассказал, что слышал и видел.

Король побледнел.

— Беда,— говорит,— сын мой любимый, королевич Милан! — и полились у него слезы из глаз.— Пришло время разлуки!

И рассказал ему свою тайну, рассказал о своем обещании.

— Не плачь, не печалься, отец мой! — говорит ему королевич.— Не такое уж большое горе! Вели подковать мне коня, я поеду, а вы с королевой меня ожидайте. Тайну же эту никому не рассказывай, чтобы, не дай Бог, мать ни о чем не узнала. Если не вернусь через год, считайте, что я погиб!

Приготовили ему все в дорогу. Король дал ему золотые доспехи, меч и вороного коня. Королева повесила на шею крестик с мощами. Поплакали и благословили в дорогу.

Едет королевич один день, едет второй, третий, а когда на четвертый день солнце стало садиться, подъехал он к озеру. Озеро ровное, словно зеркало, вода высоко стоит, вровень с берегом, а вокруг — никого. Отражается только в воде последний солнечный луч, густые ветки и зеленый берег. Кругом такая тишина, как будто все дремлет: ни ветер не подует, ни камыш не зашелестит.

Королевич Милан посмотрел на озеро и видит: плывут по озеру тридцать чубатых серых уточек, а на берегу в траве лежат тридцать белых рубашек. Осторожно слез Милан с коня, подкрался по высокой траве, схватил одну рубашку и спрятался в чаще, ожидая, что же дальше будет.

Уточки плавали по озеру, трепетали крылышками, ныряли в воду, играли с волнами, а потом подплыли к берегу. Двадцать девять одели рубашки и превратились в девушек. Одевшись, девушки побежали куда-то и исчезли. Только тридцатая не осмеливалась выступить на берег. Одиноко плавала она туда-сюда, жалобно попискивая и испуганно вытягивая шейку. Потом полетела над водой и снова опустилась на озеро. Убивалась так, что стало королевичу ее жаль. Вот он вышел из кустов, и она говорит ему человеческим голосом.

— Королевич Милан! Верни мне мою одежду, я тебя отблагодарю!

Милан послушался: положил рубашку на траву, а сам отошел. Уточка выскочила, и королевич увидел красивую девушку, которая теперь стояла перед ним. Была она такая пригожая, такая славная, что ни в сказке сказать,

ни пером описать! Смутилась, протягивает ему руку и говорит звонким, как серебряная струна, голосочком:

— От всей души благодарю, королевич Милан, за то, что ты меня послушал: этим ты сам себе услужил. Я — дочка волшебника Чернуха и зовут меня Велена. У моего отца тридцать дочек, правит он в подземном царстве, у него много дворцов и всякого богатства. Давно он тебя дожидается и очень гневается, что ты до сих пор не пришел. Однако ты ничего не бойся, а делай так, как я тебя научу. Как увидишь ты Чернуха, подземного царя, тотчас падай на землю и на четвереньках подползай к нему. Если начнет он на тебя ногами топать или станет кричать и проклинать, ты ничего не бойся и ни на что не обращай внимания, а все подползай поближе. Что потом будет — сам увидишь. Ну, а теперь нужно нам торопиться!

Прекрасная Велена топнула своей малюсенькой ножкой, и земля сразу расступилась и они оба быстро спустились в подземное царство.

Увидел Милан дворец Чернуха, весь вырубленный из горючего камня-карбункула, который все под землей освещал ярче солнца.

Чернух сидел на троне, на голове у него была блестящая корона, вместо рук у него было две клешни; он блестел глазами, как двумя зелеными изумрудами. Королевич Милан, как только его увидел, сразу опустился на четвереньки. Чернух затопал ногами, страшно засверкал глазами, а потом закричал так, что все задрожало от его проклятий. Но, помня слова Велены, Милан продвигался на коленях дальше и дальше. Волшебник шумит и кричит, а Милан свое знает — подползает. Наконец Чернух громко захохотал и промолвил:

— Хорошо тебе посоветовали, чтобы ты меня рассмешил! Больше уже не буду ссориться с тобой и кричать. Приветствую тебя в подземном королевстве, но знай, из-за того, что ты долго колебался и не приходил, должен теперь выполнить три задания. Начнешь завтра, а теперь иди к себе!

Двое слуг взяли тогда королевича почтительно под руки и повели в светелку, где было уже для него все приготовлено.

На следующий день утром велел Чернух позвать королевича к себе.

— Ну,— говорит он,— сегодня посмотрим, какое дело ты сумеешь выполнить! На первый раз велю тебе за ночь построить новый дворец. Крыша чтобы была из червонного золота, стены из мрамора, а окна хрустальные. Вокруг дома должен быть роскошный сад, а в саду чтобы был пруд с водопадами. Если сумеешь построить такой дворец, то заслужишь большие царские милости, а не сделаешь,— то так и слетит твоя голова с плеч!

— Ах ты, чертов Чернух! — подумал про себя королевич,— ишь что надумал! Ну, пропадай моя жизнь!

Вернулся он в свою светелку и с грустью стал размышлять о своей судьбе. А уже как начало смеркаться, прилетела к нему пчелка, стукнулась в форточку, а потом послышался ее голосочек:

— Открой! Впусти меня!

Милан открыл окно, пчелка влетела в комнату и обернулась красавицей Веленой.

— Добрый вечер, милый королевич! Почему ты такой печальный?

— Как же мне не печалиться,— отвечает Милан,— если твой отец хочет лишить меня жизни?

— Что же ты думаешь делать?

— А что? — Ничего! Пусть велит снять мне голову с плеч! По мне: от смерти не убежишь, а дважды все равно не умирать!

— Ну нет, милый юноша! Так не годится! Не вешай нос: утро вечера мудренее! Ложись спать, а завтра, как встанешь пораньше, дворец уже будет построен! Ты только прохаживайся с молоточком и постукивай по стенам.

Так все и случилось. Утром, до восхода солнца, вышел королевич во двор, смотрит и глазам своим не верит: стоит чудо-дворец и словами не описать!

Так же удивился и Чернух и тоже сам себе не верит.

— Толковый ты парень! — говорит он Милану.— Вижу, хорошие у тебя руки. Теперь попробуем проверить, насколько ты умный и догадливый! Есть у меня тридцать дочек, прекрасных царевен. Вот завтра поставлю я их всех перед тобой, а ты трижды мимо них пройдешь и

скажешь без ошибки, какая из них самая младшая по имени Велена. Не угадаешь — голова с плеч!

— На этот раз,— подумал про себя Милан,— не хватило у тебя мудрости! Чтобы я да не узнал Велену?! Что-что, а это мне будет самым легким!

— Нет, не так-то легко, как это тебе кажется,— зазвенела пчелка Велена, влетая к нему в светелку.— Если я не помогу тебе, будет горе немалое! Дело в том, что мы все тридцать на одно лицо. Мы так похожи одна на другую, что даже родной отец узнает нас только по одежде.

— Что же мне делать? — спросил Милан.

— Будь очень внимательным и хорошо всматривайся! Узнаешь меня лишь по тому, что мне на лицо сядет мушка. Смотри, не ошибись!

На другой день позвал снова Чернух королевича Милана. Королевны стояли в один ряд, наклонив головы к земле, и все до одной были одинаково одеты.

— Ну-ка, разумная голова! — промолвил Чернух,— пройдись трижды возле этих красавиц, а потом изволь нам указать, какая из них будет Велена!

И правда, все они были такие одинаковые, как будто все это была одна, отраженная в тридцати зеркалах. Прошел в первый раз — не видно мушки. Прошел во второй — тоже нет. А уже когда проходил в третий раз — заметил, как потихонечку крадется мушка по гладкому личику, а личико то как жар горит. Зажглось и в его сердце, протянул он свою дрожащую руку и говорит:

— Вот она — Велена!

— Да тебе будто сам черт помогает! — гундосит Чернух, разгневанно сверкая зелеными глазами. — Твоя правда, ты угадал и действительно выбрал царевну Велену. А только я вижу, что это было сделано не без хитрости и вероломства; не иначе, как ты в союзе с дьяволом! Но погоди! Через три часа ты должен снова сюда прийти. Мы с радостью приветствуем такого гостя и с удовольствием поручим тебе в третий раз проявить свою мудрость. Я зажгу соломинку, а ты, пока эта соломинка догорит, не сходя с места, сошьешь мне пару сапог с голенищами.

Если сошьешь — хорошо, а не сошьешь — голова с плеч!

Печальный возвратился в свою светелку королевич Милан, куда еще раньше прилетела пчелка Велена.

— Почему ты так опечалился? — спросила она.

— Да как же мне не печалиться, если твой отец придумал мне новую мороку?! Я должен сшить ему сапоги да еще с голенищами! Что я ему сапожник, что ли? Все-таки я королевич и не умею сапожничать! И не какой-то там проходимец, и если он себя величает подземным царем, то пусть помнит, что я тоже королевского рода!

— А что ты думаешь делать? — снова спросила царевна.

— Да что я могу сделать? Сапог я шить не умею, вот и все! Пусть рубит мне голову, негодник!

— Нет, это не дело! Ведь мы с тобой обручились! Я позабочусь. Или спасемся вместе, или вместе погибнем. Надо бежать, другого выхода нет!

Потом Велена плюнула на окно — ее слюна в ту же минуту примерзла к форточке. Тогда она вывела королевича Милана, двери заперла, а ключ выбросила. Взялись они за руки и быстро направились к тому месту, откуда пришли в подземное царство. Потом вышли на белый свет около того же озера и увидели, что на зеленом, поросшем травой берегу пасется вороной конь королевича. Сразу узнал он своего хозяина и стал перед ним как вкопанный. Милан, не долго думая, вскочил на него, Велену посадил перед собой и, словно стрела, пустился в дорогу.

Волшебник Чернух напрасно ждал королевича в назначенное время. Не дождавшись, послал за ним своих придворных, а сам удивился, что Милан так опаздывает.

Пошли придворные и увидели, что двери заперты. А когда они постучали, то оттуда слюна Велены отозвалась Милановым голосом:

— Я сейчас приду!

С этим и вернулись посланцы к Чернуху. Он снова ждал-ждал, но видит, что королевич не приходит, тогда отправил новых послов. И снова тот же самый ответ:

— Да я сейчас приду!

И снова — нет.

Тогда уже разгневался подземный царь и говорит:

— Да что же это он будет надо мной насмехаться? Бегите скорей, взломайте двери и приведите сюда негодника!

Побежали слуги и давай ломать двери. Никого в комнате не нашли, только слюна хохочет. Чернух так рассердился, что чуть не лопнул от гнева.

— Ах ты, ничтожество проклятое! — заорал он.— Кто где есть, все немедленно в погоню! Всех вас повешу, если ему удастся удрать!

Началась погоня.

— Слышу я далекий топот! — шепчет Велена, прижимаясь к Милану.

Королевич соскочил с коня, припал ухом к земле и говорит:

— Это погоня за нами, и уже недалеко!

— Нельзя медлить,— говорит Велена, и сразу превратилась в речку, а Милана обратила в железный мост, его же конь стал черным грачом. Да еще сделала Велена так, чтоб за мостом дорога разбегалась на три стороны.

Летят гонцы по свежим следам, но, прискакав к речке, стали, словно вкопанные: след доходил лишь до моста, а дальше исчез. За мостом дорога разделилась на три дороги. Нечего делать, нужно возвращаться домой.

Страшно разгневался на них Чернух!

— Ах вы, недотепы! — кричал он вне себя от ярости.— Это же они и были — тот мост и та речка! Быстро назад! Если и теперь мне их не приведете, то я не знаю, что с вами сделаю!

И снова началась погоня.

— Слышу топот,— шепчет снова Велена Милану.

Юноша быстро слез с коня, припал ухом к земле:

— Твоя правда: скачут за нами и уже недалеко!

В ту же минуту превратилась царевна Велена с Миланом и вороным конем в густой лес, а в лесу было тысячу тропинок и дорожек, да еще сделала так, чтобы гонцам казалось, будто лесом от них убегает конь с двумя ездоками.

Вот прибежали они к лесу по свежим следам и погнались за тем призраком (а лес доходил до границ

владений Чернуха). Гонят они и гонят, а конь с ездоком все впереди них скачет, только они его никак не могут догнать. Им кажется, что уже так близко, что вот-вот рукой схватят, а он только мелькнет, а схватить не дается. И так они оказались около того места, где уже начиналось царство Чернуха, собственно говоря, откуда они отправились в дорогу. Тогда все перед ними исчезло: не видно уже ни коня, ни того густого леса!

Чернух осатанел, словно пес на цепи:

— Коня мне сюда! Я сам за ними погонюсь!

И снова шепчет Велена Милану:

— Слышу далекий топот!

А он ей отвечает:

— Гонятся за нами и уже близко!

— Вот это уже нам горюшко: это сам Чернух, мой злой отец! Его сила и власть пропадут разве что возле первой же церкви: не посмеет кинуться в церковь!.. Давай мне скорее свой крестик и мощи!

Послушно снял Милан с шеи крест и отдал Велене, и в тот же миг превратилась она в церковь, он — в монаха, а конь — в колокольню. И сразу прискакал к церкви Чернух.

— Не видел ли ты кого на коне, святой отец? — спросил он монаха.

— Нет, только вот перед этим отъехали королевич Милан с царевной Веленой. Как же!.. Останавливались у нас возле церкви, поставили восковую свечку и велели тебя поприветствовать, когда ты приедешь!..

— А чтоб их черт побрал! — воскликнул Чернух, повернул коня, словно у него голова загорелась, поехал со свитой домой, а всем своим придворным велел всыпать горячих.

Тем временем королевич Милан с Веленой ехали дальше уже не боясь новой погони. Скоро и солнце стало садиться и тогда увидели они впереди красивый город.

— Любимый мой Милан, не езди туда! Не зря мне печаль сердце сжимает, не предчувствую я ничего хорошего,— просит его Велена.

— Не бойся ничего, моя любимая! Зайдем туда на часок, посмотрим город и поедем дальше!

— В город въехать будет легко, тяжелее будет оттуда

вернуться! Делай, милый, как хочешь. Только будь осторожен, когда выйдут тебе навстречу король с королевой и их дочь. С ними будет хорошенький ребенок. Но ты его ни за что не целуй, а если поцелуешь, то сразу забудешь обо мне. И не будет мне больше жизни на белом свете, умру я от горя и печали. Буду тебя здесь ждать три дня. Ну, поезжай, если тебе уже так хочется!

Попрощался Милан с Веленой и поехал в город, а она осталась, превратившись в белый придорожный камень.

Прошел день, прошел и другой, прошел и третий, а Милана все нет и нет. Не выполнил он того, что ему советовала Велена. Как въехал в город, вышли ему навстречу король, королева и их дочь, прибежал и хорошенький ребенок, такой веселый, а глазки у него, как звездочки! Он прибежал да так и кинулся в объятия к Милану. Забыл он в ту минуту все, что говорила Велена, схватил мальчика на руки, очарованный его красотой, и начал его целовать. И тотчас забыл о царевне Велене.

Затосковало сердечко Велены. И вместо белого камня стала она лазоревым цветком у самой дороги, чтобы ее там затоптали прохожие. А на том маленьком цветочке блестела роса...

Случилось так, что раньше всех шел той дорогой какой-то старик. Увидел он лазоревый цветочек у дороги и взял его с собой домой, посадил в горшочек, поливал и ухаживал за ним. И с той поры, как принес старик в свой дом лазоревый цветочек, все изменилось в его доме. Когда он просыпался утром — все уже было прибрано, нигде ни пылинки! А придет в полдень домой — стол застелен белой скатертью, на столе стоит вкусный обед, только садись и ешь, чего душа пожелает!

Дивился старый хозяин, не знал, что и думать. Иногда даже страшно ему становилось, и пошел он посоветоваться к бабке-знахарке, которая понимала в колдовстве.

Она ему и рассказала, и посоветовала:

— Встань до рассвета, пока петухи не пели, и понаблюдай. Если что-то в доме начнет двигаться или шелестеть, ты быстренько подбеги и накрой платком!

Целую ночь пролежал старик не сомкнув глаз. А как стало светать и в его дом проник первый луч утренней зари, увидел он, что лазоревый цветочек задрожал, выскочил из горшочка и начал в комнате хозяйничать. И где он проходил, там все было прибрано, мусор выметен, а в печке разжегся огонь. Тут старик быстро соскочил с кровати, прикрыл цветок платком и перед ним оказалась красавица — царевна Велена.

— Что ты наделал? — печально спросила она у старика.— Зачем заставляешь меня жить? Мой жених, королевич Милан, меня бросил, забыл меня!

— Твой королевич Милан собирается жениться. Все уже готово к свадьбе. Даже гости уже съехались.

Горько заплакала Велена. А потом вытерла слезы, оделась просто, как деревенская девушка, и пошла в город. Пришла она к королевской пекарне, а там все были так заняты, не было времени даже на минутку остановиться: все суетятся, шумят, дым коромыслом стоит. Вот подошла Велена к главному повару и обратилась к нему ласковым голосом:

— Уважаемый повар, позволь мне испечь свадебную шишку для королевича Милана.

Повар, которому из-за работы некогда было и голову поднять, хотел было на нее рассердиться, но как глянул на девушку, так слова и застряли в горле — так она была прекрасна, и он ей ласково ответил:

— Ты вовремя пришла, славная девушка! Делай, что хочешь. Я сам поставлю перед королевичем Миланом твою шишку!

Скоро шишка была испечена. Тем временем приглашенные гости уселись за столы и стали пировать. Главный повар торжественно поставил перед королевичем Миланом на серебряном подносе большую свадебную шишку. Все гости удивились, увидев такую шишку, какую им никогда не приходилось видеть. И вот, только королевич отрезал себе кусок, случилось чудо. Сизый голубь с белой голубкой вылетели из этой шишки и давай себе по столу прохаживаться: голубь вперед, а голубка за ним, да все воркует так жалостливо к голубю:

— Голубок, мой голубок! Подожди, не убегай! Знаю

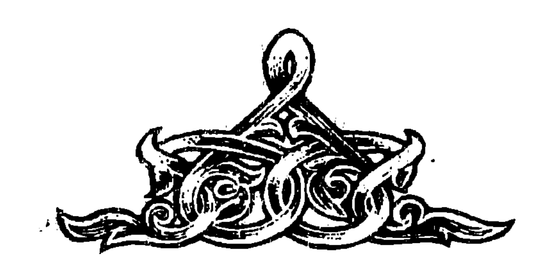
я, что и ты так же обо мне забудешь, как королевич Милан о своей царевне Велене!

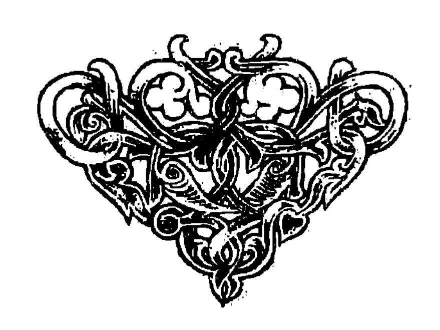
Вздохнул королевич, услышав голубкины слова, вскочил с места и без памяти выбежал за двери. А за дверью уже стояла Велена и подкованный конь нетерпеливо ржал и бил землю копытами.

Не теряя времени, вскочил Милан на коня, схватил в объятия Велену и мигом вылетел со двора. И летели они так, пока не прилетели к королевству отца Милана — короля Кояты.

Ох, как обрадовались король и королева! Устроили они такой пышный пир, что о подобном и слышать никому не приходилось. Созвали гостей и устроили шумную свадьбу.

Гостей там было видимо-невидимо, а среди них на том празднике был и я. Пил я там мед и пиво, и вино, аж по бороде текло! Жаль только, что в рот не попало.

ИВАН БОГДАНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве жил богатый мужик и не имел он детей. Стали они с женой Бога молить — и дал им Бог сына. Когда он родился, окрестили его и дали имя Иван Богданец. Бог дал, вот и назвали его Богданцем. Не растет он по годам, а растет по часам, так растет, как из воды идет. За восемнадцать часов, как за восемнадцать лет вырос.

— Батюшка мой любимый! Почему другие люди ходят в гости и к ним гости ходят, а вы никуда не ходите и к вам никто? Неужели у вас родни нет никакой?

— Есть,— говорит,— сынок, в другой деревне брат, да только очень бедный, так я к нему и не хочу ходить.

— А,— говорит,— батюшка! Над нами только один Бог богатый. Дайте мне хлеба, я к нему схожу сам.

Приходит он к нему:

— Здравствуйте, дядечка!

— Доброго здоровья, Иван!

А дядя его был кузнецом.

— Сделайте мне палицу, чтобы мне сражаться было удобно.

Пошел в город, купил сто пудов железа.

— А ну-ка, дядечка, будем палицу делать!

— Что же,— говорит,— я эту палицу не могу поднять.

— Я ее сам буду на горн ставить. А вы только молотком подковывайте.

Сделали палицу. Он пошел во двор и подбросил ее вверх.

— Смотрите вверх. Туча будет наступать, мелкий дождик будет моросить, палица будет лететь — гром будет греметь. Тогда меня разбудите, потому что я лягу спать.

Как раз через сутки смотрит кузнец: туча наступает, мелкий дождик моросит, палица летит, будто гром гремит.

— Вставай, племянник, палица твоя летит.

Он вскочил, встал, подставил плечо, палица ударилась о плечо, надвое раскололась.

— Легкая, дядечка!

Пошел, еще сто пудов железа принес. Выковали другую палицу. Он вышел во двор и снова подбросил вверх.

— Смотрите вверх. Через двое суток туча будет наступать, мелкий дождик будет моросить, палица будет лететь, как гром будет греметь.

А сам опять лег спать.

Как раз через двое суток смотрит дядька — туча наступает, мелкий дождик моросит, палица летит, будто гром гремит.

— Вставай, племянник, палица летит, будто гром гремит!

Он вскочил, подставил колено, палица упала — согнулась.

Пошел он снова в город, купил еще сто пудов железа. Приносит и снова стали ковать. Выковали третью палицу. Иван вышел во двор, подбросил ее вверх и говорит дядьке:

— Теперь смотрите, уже через трое суток туча будет наступать, мелкий дождик будет моросить, палица будет лететь, будто гром загремит, тогда меня разбудите.

А через трое суток кузнец и говорит:

— Вставай, племянник, палица летит!

Иван встал, подставил ладонь, она упала в ладонь — не согнулась, только немножко с краю помялась.

— Теперь, может, хорошей будет. Прощайте. Я узнал, что есть за морем рак Вир и никто его не может одолеть.

Приходит к морю, никак не может через море перейти. Смотрит — лезет рак.

— Слыхом слыхать, превеликого богатыря Ивана Богданца в глаза видать. То было слышно, а теперь и в глаза видать. По воле или по неволе?

— Добрый молодец никогда по неволе не ходит —

все по воле. Что ты, рак,— говорит,— можешь меня переправить через море?

— Как не могу? Еще таких двоих могу переправить, как ты!

Перевез он его через море и спрашивает:

— Куда же это тебя Бог несет?

— Я,— говорит,— услышал, что есть за морем такой рак Вир, которого никто не одолеет.

— Бог тебе в помощь! Иди же,— говорит.— Выйдешь в степь, будешь идти через камыши, увидишь рака, голова у него прячется. Если найдешь туловище — не буди!

Приходит он в ту степь, видит — тропинка. Он по той тропинке идет — лежит рак. Прошел мимо, идет дальше — еще две версты. Смотрит — лежит голова. Подходит — палкой тронул голову — голова спряталась в туловище.

— А... слыхом слыхать!..

— Дурень,— говорит рак,— зачем ты меня будишь? Я и не таких богатырей со свету сживал! Ну, пойдем же ко мне в дом.

Вошли они к нему в дом, садятся за столы тесовые, за скатерти шелковые, начали пить и гулять.

— Ну, пойдем теперь,— говорит,— во двор биться!

Пришли во двор. Поставил рак шесть бочек с одной стороны и с другой стороны шесть — в одних сильная вода, в других слабая. С той стороны, где Иван Богданец,— слабая, а с той, где рак,— сильная.

— Напьемся,— говорит рак,— воды и тогда будем биться.

Напился Иван слабой, а рак Вир напился сильной воды.

Как ударил рак Ивана Богданца — вогнал по колени в землю. Как ударил Иван — вогнал рака только по косточки.

— Теперь дай,— говорит,— рак Вир, отдохнуть.

Рак Вир уснул. А Иван Богданец не спит. Смотрит — лезет к нему тот рак, который его перевозил.

— Возьми эти бочки, перекоти на ту сторону, а его бочки перекоти на свою сторону, потому что около тебя — слабая вода. Так ты будешь пить сильную воду, а он будет пить слабую.

Так и сделал.

3 49-3

Встали они и начали опять биться: ударил рак Ивана Богданца — уже по косточки не вогнал. Как ударил Иван рака — по пояс вогнал. Ударил рак другой раз Ивана Богданца — по колени вогнал, ударил другой раз Иван Богданец рака — по шею вогнал.

— Иван Богданец, подари мне жизнь,— дам я тебе три такие вещи, что они тебе пригодятся.

— Хорошо,— говорит,— давай!

Дал он ему бычка-самоходца, яблочко-покотигорошко и целебную и живую воду. Забрал Иван все, а рака Вира таки убил. Приползает к нему тот рак, что его перевозил. Свистнул — начали раки сползаться отовсюду.

— А что,— спрашивает,— все приползли?

— Еще,— говорят,— нет одного старого, что уже триста лет за скалой сидит.

Приполз и тот, и начали они себе царя выбирать, потому что старого убили.

— Что же ты, рак,— спрашивает Иван,— можешь меня назад перевезти?

— Не могу,— отвечает рак,— теперь уже у тебя много силы. Пускай тебя тот старый перевезет.

Пошел Иван к старому раку.

— А что ты, старый, можешь меня перевезти?

— Я еще,— говорит,— таких три перевезу, как ты.

Сел он на рака и переплыл море. Приходит домой, отдал матери бычка, яблочко и воду.

— Возьмите,— говорит,— мама, спрячьте это все в кладовке, а я опять уеду. Если долго меня не будет, садитесь на бычка, пустите яблочко и воду с собой возьмите... Где мои ноги ходили, туда яблочко и покатится, бычок пойдет. Если меня убьют и закопают — на том месте яблочко и остановится. Выкопайте меня. И если найдете от меня хоть одну косточку — сбрызните целебной и живой водой — я оживу.

Откланялся и пошел. Идет он в другое государство, в десятое царство. Смотрит — стоит человек — Крутиус — посреди дороги. По обеим сторонам дороги — мельницы: с одной стороны шесть мельниц и с другой шесть. На эту сторону повернет одним усом — эти шесть мельниц мелют, повернет на другую сторону другим усом — те шесть мельниц мелют.

— Здравствуй,— говорит он,— земляк!

— Здравствуй! — отвечает Иван.

— Куда тебя Бог несет?

— Да вот отправился в путь-дорогу.

— Пошел бы и я, брат, с тобой, да боюсь, что меня мой хозяин догонит и убьет.

— Иди,— говорит Иван,— не бойся!

А сам перевернул мельницу и оставил такую надпись: «Шел Иван Богданец и взял товарища с собой. И не догоняй, потому что где догонишь, там и пропадешь!»

Идут они в другое государство, в десятое царство, видят — Вернигора горы передвигает.

— Здравствуйте,— говорит,— земляки!

— Доброго здоровья!

— Куда Бог несет?

— Пойдем,— говорят,— в путь-дорогу.

— Пошел бы и я, братья, с вами, да боюсь своего хозяина.

— Иди! — говорят.

Оставил Иван на часовенке надпись: «Если будешь за нами гнаться,— где догонишь, там и пропадешь, потому что шел Иван Богданец и взял себе товарища». Идут — Вернидуб пересаживает дубы. Где много дубов, там вырывает и насаживает их там, где мало.

— Здравствуйте,— говорит,— земляки!

— Доброго здоровья!

— Куда Бог несет?

— Пойдем в путь-дорогу.

— Пошел бы и я, братья, с вами, да боюсь своего хозяина. Если догонит, так убьет.

— Как же твоего господина зовут?

— Господин Барановский.

Вот снова оставил Иван надпись: «Шел Иван Богданец и взял с собой товарища. Не гонись, потому что, где догонишь, там и пропадешь!»

Идут в другое государство, десятое царство и видят разошлась дорога на три стороны. Посреди стоит столб и на столбе — надпись: «Кто пойдет этими дорогами — будет хорошо, а этой кто пойдет — будет сытый и битый!»

Они стали и думают: не пойдем той дорогой, где будет хорошо, а пойдем той, где будем сыты и биты.

Идут, идут — видят — дом трехэтажный. Вошли в дом — стоят там три откормленных быка. Переночевали там. Трое пошли на охоту, а одного оставили обед варить.

— Оставайся,— говорят,— ты, что усом мельницы крутишь.

Крутиус взял откормленного быка убил, шкуру снял, сварил обед. Сидит у окна и песни поет. Смотрит он в окно — летят четыре утки. Прилетели, спустились на землю и обернулись красными девицами, сбросили с себя платья.

— Пойдем, сестрицы, в парную.

Пошли они в парную, а Крутиус и думает, как бы их задержать, пока товарищи приедут. Пошел, принес мельницу на плечах, закрыл выход из парной и сел сам на мельницу. Попарились, самая старшая захотела выйти, потрогала двери.

— Сестрички, кто-то нас запер!

— Не может нас никто запереть. Смог бы это сделать Иван Богданец, он бы с нами пошутил. Но ворон и костей его сюда не занесет.

Разогнались они, толкнули двери, открыли, мельницу перевернули и Крутиуса мельницей накрыли. Взяли одежду, оделись, съели то, что он сварил, и улетели. Выбрался Крутиус из-под мельницы, смотрит — все съедено. Зарезал он другого быка, снова стал обед варить. Тут и друзья вернулись.

— Что ты так долго возился с обедом?

— Так,— говорит Крутиус,— братья, я опоздал. Поднялась большая буря. Как начали мельницы молоть и стали ломаться, я побежал и остановил их.

И не признается, что девушки были, так как ему стыдно, что не задержал их.

Сели они, поужинали. На другой день остается уже другой, а те идут на охоту.

— Оставайся,— говорят,— ты, что горы передвигаешь.

Вернигора остался, быка убил, сварил, сел у окна и песни поет. Смотрит он в окно — летят четыре утки. Прилетели, опустились на землю, и превратились в красных девиц, пошли в парную. А он и думает: как бы их задержать пока приятели приедут. Передвинул гору и поставил ее под дверью.

Средняя подбежала к двери и говорит:

— Ох, сестрицы, кто-то нас опять запер.

— Никто не смеет с нами шутить. Есть где-то Иван Богданец, тот только может пошутить.

Разбежались, ударили в дверь, гору перевернули и его землей накрыли. Выбежали, платья надели, съели, что было сварено, и полетели. Вылез он из-под земли, быка убил, начал снова варить, а друзья возвращаются с охоты.

— Что это ты так опоздал?

— Э, братцы, сейчас узнаете. Такой со мной случай приключился. Стали большие горы с малыми спорить. Большие заняли место, а малым некуда расти. Так я пошел и всех их разбросал, чтобы было маленьким куда расти.

На третий день остается уже Вернидуб обед варить. Быка убил, освежевал, сварил и сидит у окна. Смотрит — летят четыре утки. Опустились на землю, превратились в красных девиц и пошли в парную.

Он пошел, дуб вырвал, дубом подпер и сам сел на дубе. Они попарились, подбегают к двери — снова закрыто.

— Кто это, сестрички, нас запер?

— Есть тут Иван Богданец, тот может с нами пошутить.

Как разбежались, дверь свалили, дуб сломали и Вернидуба придавили. Выбегают, платья надели, съели то, что он сварил, и улетели снова. Вернидуб убил быка, шкуру снял, нарубил мяса и снова начал варить еду. Приходят его друзья и спрашивают:

— Как? Ты, Вернидуб, еще с обедом не справился?

А он им отвечает:

— Кто из вас знает, а кто еще узнает.

Улыбаются те: «Так что же?»

— Да так. Стала роща шуметь, начали дубы биться. Старые дубы много места занимали, а молодым негде и ветви раскинуть. Я пошел и расставил их.

Пообедали. На четвертый день Иван Богданец говорит:

— Идите уже вы, братцы, на охоту сами, а я останусь.

Пошли. Он быка убил, шкуру снял, мяса нарубил, обед сварил, сидит у окна и песни поет. Смотрит — летят четыре утки. Прилетели и спустились во двор, превратились в красных девиц. Сбросили платья и говорят:

— Пойдем, сестрицы, в парную.

Он думает, как бы их задержать, пока друзья приедут. Взял свою палицу боевую, закрыл дверь плечами и стоит.

Самая младшая попарилась, прибежала к двери, потрогала и говорит:

— Сестрицы, кто-то нас запер!

— Не может,— говорят,— никто нас запереть, только Иван Богданец, но его костей ворон сюда не занесет.

Разогнались ударили — нет не поддается. Другой раз разогнались — не поддается. Третий раз разогнались — не поддается.

— Это ты и есть, Иван Богданец? Открой!

— А что, — говорит,— если станете нашими женами, так открою.

— Будем,— говорят,— верными женами, только открой.

Он выпустил их. Вот они надели платья, вышли, сели у окна и стали песни петь. Сошлись друзья и взяли сестер в жены.

Вот живут они сутки, живут двое, живут и третьи. А те девушки были дочерьми бездушного Костия[1]. Он ждал, ждал — дочерей нет. Тогда послал он на поиски войска по морю. Смотрят царевны — большие полки идут морем. Вот они и говорят:

— Иван Богданец, послал бездушный Костий полки по морю.

Говорит Иван Богданец усатому:

— Иди к морю.

Крутиус пошел. Подходит к морю, одним усом повернул — море начало играть. Вторым усом повернул — все войска в море утонули.

Переночевали. Смотрят — еще больше идет войско.

Иван Богданец говорит:

— Смотри-ка, еще большее войско идет по большим оврагам.

Вот один и сказал:

— Вернигора, иди!

Тот пошел, пустил их в овраги, горы сдвинул и раздавил их всех.

Переночевали. Смотрят — еще большее воинство идет.

---

[1] В украинском фольклоре Кощей Бессмертный.

Говорят:

— Иван Богданец, еще больше бездушный Костий полков посылает.

— А как они идут? — спрашивает.

— Густыми кустарниками, большими лесами.

— Где ты, Вернидуб?

— Вот, брат.

— Иди против них.

Только впустил их в густые кустарники, в большие леса, как начал большие дубы валить — их всех уничтожил.

На четвертый день сидят девушки у окошка и песни поют. Только смотрят — идет уже сам бездушный Костий, войска уже нет.

Теперь Иван Богданец спрашивает:

— А как он идет?

— Просто,— говорят,— дорогой.

— Теперь надо мне самому идти.

Пошел. Встречает его бездушный Костий и говорит:

— Здравствуй, Иван Богданец! Я думаю, кто это моих дочерей держит, а это ты, поганец! А что? Будем биться, или мириться?

— Нет,— говорит Иван Богданец,— будем биться.

Иван Богданец побил его так, что на нем не было ни одной невредимой косточки. Если живой, так только потому, что он бездушный. И все-таки убил тот Ивана Богданца, вырыл яму и закопал его там. Друзья-товарищи убежали. Костий дочек забрал и пошел к себе домой.

А в том городе, где Иван Богданец родился, мать его вспомнила, что он говорил, когда уходил. Открывает кладовку и выпускает бычка-самоходца, садится на него, пускает яблочко-покотигорошко и берет в руки целебной и живой воды. Куда яблочко катится, туда она на бычке едет. Где ее сына ноги ходили, где он на охоте бывал, так там всюду яблочко и катилось. Прикатилось на то место, где он был зарыт, и остановилось. Откопала она и нашла только одну его косточку. Сбрызнула целебной водой — исцелился. Сбрызнула живой водой — ожил и говорит:

— Ах, мама, как я долго спал!

— Сынок мой,— сказала она,— ты был неживой!

— А я думал, что мне снилось, будто меня Костий бездушный посек, порубал.

Отвел мать домой, а сам снова отправился за теми девицами. Приходит к бездушному Костию, а тот пошел со своей женой в сад на прогулку.

Вошел Иван Богданец к Костию в дом и говорит:

— Здравствуйте, прекрасные девицы!

— Откуда ты,— говорят,— взялся? Он же тебя посек, порубал!

— Нет,— говорит,— то он не меня порубал, а копну соломы. Слушайте-ка, где его душа хранится?

— А как же мы его спросим?

— А что же,— говорит.— Скажите ему так: «Отец наш любимый, скажи нам, где твоя душа, чтобы мы знали. Если ты куда-нибудь пойдешь, так мы будем за нее молиться».

Заперли они Ивана Богданца в сундук. Вот приходит Костий. Они его и спрашивают:

— А что мы, батюшка, хотим спросить...

— Что, мои дочери любимые?

— Скажи нам, где твоя душа обитает, чтобы мы знали. Если ты куда-нибудь пойдешь, так мы будем молиться за нее, чтоб нам не так было грустно.

— Моя душа, дочки, обитает внутри вола.

Он куда-то вышел, а Иван Богданец и говорит им:

— Врет он. Возьмите, раскрасьте его, позолотите рога, прилепите к рогам свечки, зажгите, станьте на колени и молитесь к нему.

Сделали они так. Вошел бездушный Костий и спрашивает:

— Что это вы, дочери, делаете?

— Молимся о твоей душе.

— Вот, сказано, глупые бабы. Где ж это видано, чтоб моя душа была внутри вола?

Они в плач:

— Так ты бы нас, батюшка, и не обманывал, ты бы так и сказал.

— Моя душа,— говорит,— в селезне.

Иван Богданец снова говорит:

— Врет он. Возьмите, раскрасьте того селезня, позолотите и в углу посадите.

Взяли, разрисовали, посадили в углу и молятся.

Вошел Костий бездушный:

— А что это вы делаете?

— О твоей душе молимся, отец.

— Ну и глупые бабы! Где вы видели, чтобы моя душа в селезне была?

Они в плач:

— Так ты нам так и говори, батюшка, а не обманывай!

— Ну что ж,— говорит,— дочери, моя душа далеко. Моя душа в море. Там, в море, остров, а на острове камень, а у камня дуб, а на дубе гнездо, а в гнезде утка, а в утке яйцо, а в том яйце моя душа.

— Вот это он вам правду сказал. Выпускайте меня,— говорит Иван Богданец.

Идет он, смотрит — хатка. Он к той хатке молитву сотворил. Старик открыл ему.

— Слыхом слыхать, богатыря Ивана Богданца в глаза видать. То было только слыхать, а то и в глаза видать. Куда тебя Бог несет?

— Иду к морю. На море остров, а на острове камень и дуб, а на дубе гнездо, а в гнезде утка, а в утке яйцо, а в яйце душа бездушного Костия.

— Иди же,— говорит,— пускай тебе Бог помогает. Подойдешь к морю, помяни меня. Скажешь: «Помяни, Господи, того старика, у которого я первую ночь ночевал».

Распрощался он и пошел. Идет — снова хатка. Он к той хатке молитву сотворил. Старик открыл ему.

— Слыхом слыхать, превеликого богатыря Ивана Богданца в глаза видать! Куда тебя Бог несет?

— Иду к морю. На море остров, на острове камень, у камня дуб, а на дубе гнездо, в гнезде утка, а в утке яйцо и в яйце бездушного Костия душа.

— Теперь иди, пускай тебе Бог помогает. Помянешь и меня. Скажешь: «Помяни, Господи, того старика, у которого вторую ночь ночевал».

Идет он — стоит хатка. Он к той хатке молитву сотворил, старик открыл.

— Куда тебя Бог несет?

— Иду к морю. На море остров, на острове камень, у камня дуб, на дубе гнездо, а в гнезде утка, а в утке яйцо, а в том яйце бездушного Костия душа.

— Иди же,— говорит старик,— помяни и меня. Скажешь: «Помяни, Господи, того старика у которого я третью ночь ночевал».

Подошел к морю. Походил, походил и говорит:

— Помяни, Господи, того старика, где я первую ночь ночевал!

Как ударит мороз, замерзло море на двенадцать аршин, он и пошел к острову. Приходит к дубу и видит, что сидит утка, но нельзя ее достать. Вот он и говорит:

— Помяни, Господи, того старика, где я вторую ночь ночевал!

Тут началась сильная жара, солнце печет, сам он на землю падает.

Убивалась та утка в гнезде, убивалась — жарко ей, не может выдержать, начала вниз спускаться. Спустилась утка и сомлела. Он взял ее, убил, яйцо вынул и пошел к морю. Начал обмывать и упустил в воду. Ходит у моря и плачет:

— Помяни, Господи, того старика, где я третью ночь ночевал.

Как поднялся ветер, как заиграет море, как помутится,— выбросило яйцо на берег. Взял он это яйцо, в платочек завернул, спрятал в карман.

— Помяни, Господи, того старика, где я первую ночь ночевал.

Ударил мороз, замерзло море на двенадцать аршин, вот и пошел по нему.

Приходит он к бездушному Костию, а тот полуживой лежит. Когда уходил Иван Богданец, сказал девушкам печь растопить, чтобы жар выходил.

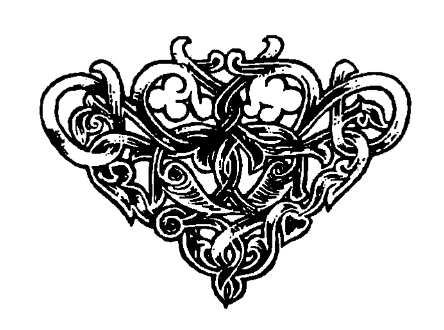
— Здравствуй, бездушный Костий!

— Доброго здоровья, Иван Богданец! Подари мне жизнь! Дай мне хоть перед смертью душу в руках подержать.

— Дам,— говорит.

Вытащил яйцо из кармана и бросил в печь. Яйцо лопнуло и сгорело, а бездушный Костий умер.

Забрал Иван Богданец девушек, привел домой. Собрал всю братию, и теперь они живут, хлеб жуют и добра наживают. И я там был. Как начали из пушки стрелять. Забили меня в пушку, как стрельнули, так я аж тут очутился.

ТРЕМ-СЫН-БОРИС

Жили-были муж и жена. И пошли они в поле жать. Был у них маленький ребенок, они повесили колыбель с ребенком в лесу. Откуда ни возьмись — прилетел орел, украл ребенка, понес и положил в своему гнезде. В том же лесу, где было гнездо орла, жили три брата. Вышел один брат — слышит, кто-то кричит. Вошел он в дом и говорит:

— Братья! Кто-то кричит — человеческий голос слышен. Пойдем, поищем!

Пошли они и нашли этого мальчика, принесли они к попу и стали совет держать, какое ему дать имя.

— Поскольку нас три брата, дадим ему имя: Трем-сын-Борис.

Взяли его к себе, пока вырастет. Кормили втроем. А потом он им и говорит

— Я хочу, родители, от вас уйти.

Они спрашивают его:

— Что же тебе дать за то, что ты у нас служил?

— Ничего,— говорит,— мне от вас не надо. Только подарите мне жеребенка.

— Что же ты, сынок, будешь делать с жеребенком? Бери коня.

— Нет,— говорит,— не хочу. Дайте мне жеребенка.

— Ну, бери.

Идут они вдвоем с жеребенком через лес и видят: что-то блестит. Нужно подъехать и узнать.

— Ах, если бы ты меня, жеребенок, подвез?

— Эй, Трем-сын-Борис, подожди хоть немного,— отозвался жеребенок.— Я тебе скажу сам, когда садиться на меня.

Дошли до того, что блестело, а это — перо жар-птицы. Вот Трем-сын-Борис и говорит:

— Возьму это перо.

— Нет,— говорит жеребенок,— не бери. Это не простое перо, это сверхперо! Будет тебе из-за этого пера большая беда.

Но он все-таки взял. Пришли они к царскому дворцу. Нанялся Трем-сын-Борис царю конюхом чистить по ночам лошадей, которые навоз вывозят. За ночь пером лошадей так очистил, что они засияли. Все удивились. А царь на этих лошадях ездить стал. С тех пор полюбил он Трем-сын-Бориса и все допытывался у него:

— Ты,— говорит,— что-то знаешь, потому лошади стали такие красивые.

Трем-сын-Борис божился, что не знает ничего, а другие конюхи подсмотрели за ним и сказали царю, что у него есть перо жар-птицы.

— Он,— говорят,— может и жар-птицу поймать.

Вот царь его и позвал к себе:

— Что, Трем-сын-Борис, достал от жар-птицы перо

— Достал,— отвечает.

— А теперь достань мне жар-птицу. А не достанешь — мой меч, а твоя голова с плеч!

Пошел Трем-сын-Борис к своему жеребенку и заплакал.

— Чего ты, Трем-сын-Борис, плачешь? — спрашивает жеребенок.

— Как мне не плакать, когда загадал царь такую загадку, что нельзя ни мне, ни тебе отгадать.

— Говорил я тебе не бери пера жар-птицы! А ты не послушал меня. Ну, не горюй: пойди скажи царю, пускай даст четверть водки и четверть гороха, да водки самой крепкой.

Вот он пошел и сказал царю. Царь дал с радостью. Поехал Трем-сын-Борис во чисто поле и выкопал там яму глубокую: так ему посоветовал жеребенок. Дал ему царь четыре человека в помощь. Высыпал он в ту яму

горох и налил водки. Прилетела жар-птица, наелась гороха и напилась водки. Конек говорит:

— Смотри, как напьется жар-птица, как перевернется вверх лапками, как задрожит — вот тогда лови!

Он так и сделал, а птица закричала:

— Не для тебя, Трем-сын-Борис, предназначалась, да тебе в руки попалась.

Принес он ее к царю, а царь так обрадовался, что не знает, где посадить Трем-сын-Бориса... Щедро наградил его. А другие слуги за это возненавидели Трем-сын-Бориса и наговаривали на него царю:

— Не только перо жар-птицы и саму жар-птицу, он может добыть в море прекрасную девицу.

Позвал его царь к себе:

— Достал ты,— говорит,— от жар-птицы перо, достал ты жар-птицу, достань же ты мне из моря прекрасную девицу. А если не достанешь — мой меч, а твоя голова с плеч!

Пошел Трем-сын-Борис к жеребенку и заплакал. А тот спрашивает его:

— Почему ты, Трем-сын-Борис, плачешь?

— Как же мне не плакать, когда загадал царь загадку — такую, что ни тебе, ни мне не отгадать.

— Какую?

— Повелел, чтоб я достал из моря прекрасную девицу.

— А что? Я тебе говорил — не бери от жар-птицы перо — будет тебе большая беда. Ну, не горюй! Пойди скажи царю, пускай даст сети с зеркалами, тысячу платьев и большой ящик.

Он так и сделал, расставил зеркала вокруг моря, платья развесил. Вот вышла из моря Настасья, прекрасная девица, одевалась в каждое платье и в каждое зеркало смотрелась, сама себе удивлялась:

— Ах, какая я красивая!

Как одела последнее платье, схватил ее Трем-сын-Борис. Закричала Настасья:

— Ах, Трем-сын-Борис, выпусти меня из неволи! Я тебе подарю свое венчальное кольцо и ты будешь счастливым.

Он ее не послушал. Настасья порвала на себе ожерелье из двенадцати нитей и бросила в море. А Трем-сын-Борис

привез ее в царский дворец. Царь снова его наградил, а другие слуги пуще завидуют и царю наговаривают. Тогда Настасья говорит

— Достал ты жар-птицу, достал ты и меня, прекрасную девицу, так достань со дна моря мое ожерелье из двенадцати нитей.

А царь говорит:

— Если не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Заплакал он и пошел к жеребенку. Тот спрашивает:

— Почему ты, Трем-сын-Борис, плачешь?

— Как мне не плакать? Загадал царь такую загадку, что нельзя ни тебе, ни мне разгадать.

— Какую?

— Повелел Настасьино порванное ожерелье со дна моря достать.

— Пойди,— говорит,— скажи царю, пусть даст сто бочек мяса, сто тысяч слуг.

Царь дал. Вот жеребенок и говорит:

— Подойдешь к морю, положи мясо вокруг. Вылезут раки, начнут есть. Схвати беленького: это их царь! Они будут у тебя просить его, ты не давай, пока ожерелье не принесут.

Трем-сын-Борис так и сделал. Только раки вылезли, он и поймал беленького. Раки плачут-молят:

— Что угодно проси, мы все сделаем, только верни нашего царя.

Трем-сын-Борис и говорит:

— Найдите мне порванное ожерелье из двенадцати нитей, тогда отпущу.

Нырнули они в море и нашли одиннадцать нитей ожерелья. Трем-сын-Борис хотел отпустить царя раков на волю, а жеребенок закричал:

— Не отпускай, еще нет одной нити!

Раки снова нырнули и вытащили щуку. Трем-сын-Борис распорол брюхо щуке, нашел двенадцатую нить ожерелья и отпустил на волю царя раков.

Привез Трем-сын-Борис ожерелье. Все восхищаются, а Настасья говорит царю:

— Пошли его к солнцу. Пусть спросит, почему раньше оно всходило рано и было красного цвета, а теперь всходит поздно — и не красное, а белое.

Заплакал Трем-сын-Борис и пошел к жеребенку.

— Почему ты плачешь? — спрашивает жеребенок.— Не горюй. Не такие загадки отгадывали.

Поехали они к солнцу. Вот едут они к солнцу, едут и видят сад, а возле него — стража. Спрашивают стражники:

— Куда ты, Трем-сын-Борис, едешь?

Рассказал им Трем-сын-Борис, какую загадку загадали ему.

— Напомни там,— говорят,— и о нас. Когда-то сад плодоносил, весь мир кормил, а теперь и сторожей не прокормит.

— Хорошо, напомню.

Вот едет дальше. Вдруг видит — стоят два солдата к цепи прикованы. Спрашивают они его:

— Куда, Трем-сын-Борис, едешь?

Он все и рассказал.

— Спроси у солнца, сколько нам стоять здесь?

— Хорошо, спрошу.

Едут дальше. Видят: на дубе жена и муж пару голубей ловят. Спрашивают его, куда едет. Он им все рассказал.

— Напомни там,— говорят,— и о нас: сколько мы будем ловить этих голубей?

— Хорошо, напомню.

Едут, едут. Вдруг видят хозяйку корчмы. Она переливает воду из колодца в колодец.

— Куда ты, Трем-сын-Борис, едешь?

Он и ей рассказал.

— Спроси у солнца, сколько я еще буду воду переливать?

— Хорошо, спрошу.

Едут, едут. Смотрят: лежит рыба-кит. По ней люди ездят и уже такую дорогу сделали, что ребра видны. Она пить хочет, да только ртом чавкает, а напиться никто ей не дает.

Рыба-кит спрашивает:

— Куда ты, Трем-сын-Борис, едешь?

Рассказал и ей обо всем.

— Напомни там: сколько еще по мне будут люди ходить и ездить?

— Хорошо, напомню.

Поехал дальше. Смотрит — стоит избушка. Заглянул в нее, а там бабка старая-старая, мать Солнца.

— Куда ты,— спрашивает,— Трем-сын-Борис, идешь?

— К солнцу. Хочу узнать, почему когда-то всходило оно рано и было красного цвета, а теперь всходит поздно и не красное, а белое?

— Я же,— говорит,— сынок, его мать!

Тогда Трем-сын-Борис рассказал ей, кого встретил по дороге.

— Видел я,— говорит,— сад большой: когда-то плодоносил, весь мир кормил, а теперь и сторожей не прокормит; двух солдат на цепи; мужа и жену, которые голубей ловят на дубе и никак не поймают; хозяйку корчмы, что из колодца в колодец воду переливает — никак не перельет; рыбу-кит, что лежит и по ней люди ходят-ездят, ребра видны, а воды ей не дают.

Старуха дала ему поужинать и спрятала. Пришел Солнце. Поужинал. Легли они спать. Встали утром. Вот старуха и говорит сыну-Солнцу:

— Что мне, сынок, снилось.

— А что, мама?

— Снилось мне, что есть где-то сад большой. Раньше тот сад плодоносил и весь мир кормил, а теперь и сторожей не прокормит.

— В нем припрятаны разбойничьи деньги. Тогда он начнет плодоносить, когда выкопают их.

— И еще мне, сынок, что снилось.

— А что, мама?

— Где-то стоят два солдата к цепи прикованы.

— Если бы они те деньги, что в саду спрятаны, пожертвовали на бедных, то пошли бы восвояси.

— И еще что мне, сынок, снилось.

— А что?

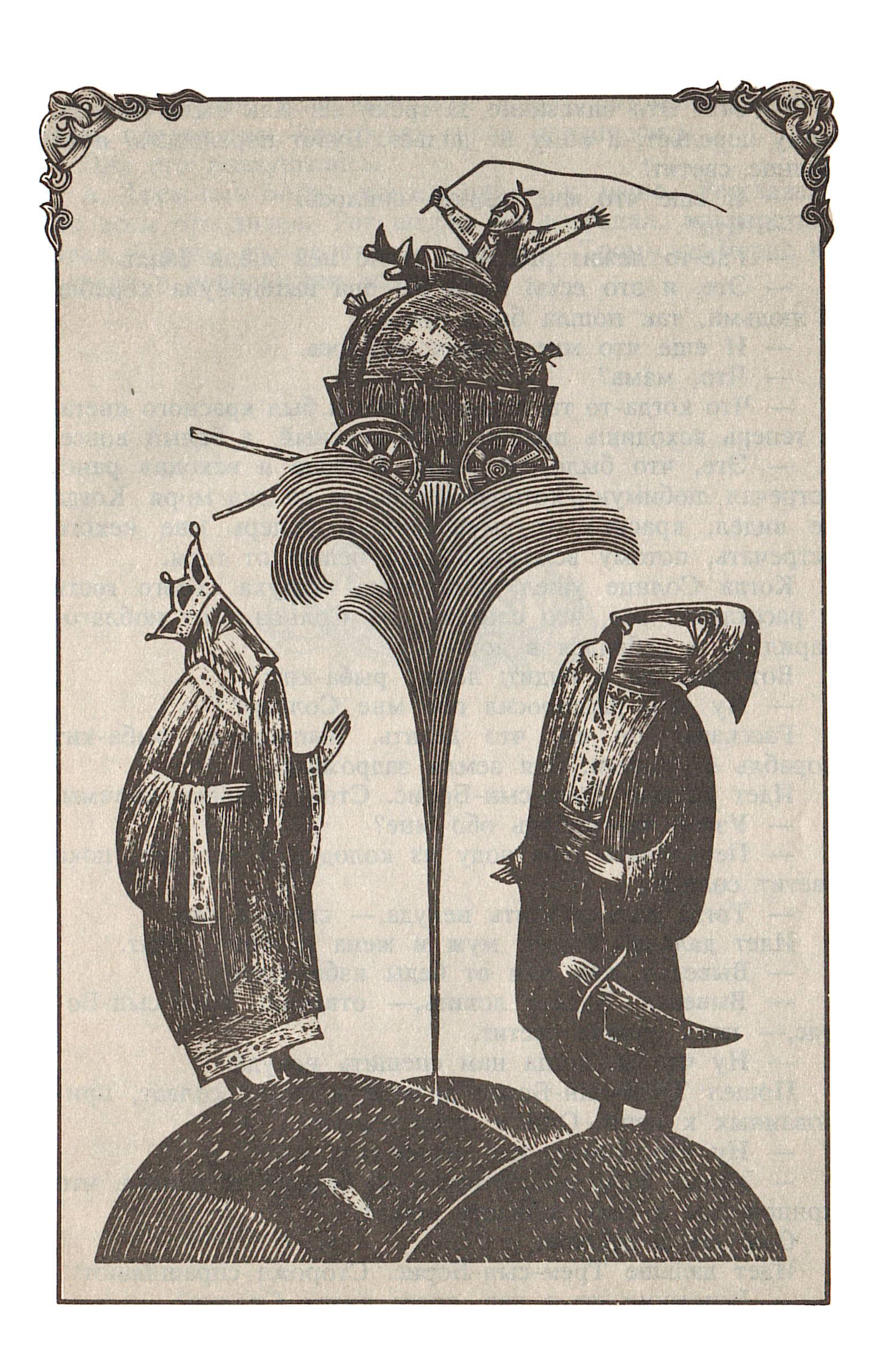
— Где-то есть муж и жена, пару голубей ловят на дубе и никак не поймают.

— Будут ловить, пока солнце светит: потому что когда были молоды, детей своих сгубили.

— И еще что мне, сынок, снилось.

— Что?

— Где-то есть хозяйка корчмы: из колодца в колодец переливает воду и никак не перельет.

— Эге! Это наказание за грехи ее. Как была молода, кому перельет, а кому не дольет. Будет переливать, пока солнце светит!

— И еще что мне, сынок, снилось.

— Что?

— Где-то лежит рыба-кит и по ней люди ездят.

— Эге, и это есть! Если бы она выплюнула корабль с людьми, так пошла бы в море.

— И еще что мне, сынок, снилось.

— Что, мама?

— Что когда-то ты всходил рано и был красного цвета, а теперь всходишь поздно и не красный, а белый вовсе.

— Эге, что было, то было. Раньше я всходил рано, встречал любимую, которая выходила со дна моря. Когда ее видел, краснел от смущения. А теперь мне некого встречать, потому всхожу поздно белый от горя.

Когда Солнце ушел, покормила старуха своего гостя и рассказала все, что слышала от Солнца. Тот поблагодарил ее и собрался в дорогу.

Вот идет он и видит: лежит рыба-кит:

— Ну что, расспросил обо мне Солнце?

Рассказал он ей, что делать. Выплюнула рыба-кит корабль с людьми. Вся земля задрожала.

Идет дальше Трем-сын-Борис. Стоит хозяйка корчмы.

— Узнал что-нибудь обо мне?

— Переливать тебе воду из колодца в колодец, пока светит солнце.

— Тогда мне спешить некуда,— сказала она.

Идет дальше. Видит: муж и жена голубей ловят.

— Выведал, как нам от беды избавиться?

— Выведал. Будете ловить,— отвечает Трем-сын-Борис,— пока солнце светит.

— Ну что ж, тогда нам спешить некуда.

Пошел Трем-сын-Борис дальше и видит солдат, прикованных к цепи. Они и спрашивают:

— Ну что, узнал, как освободить нас?

— Узнал. Если пожертвуете на бедных те деньги, что припрятаны в саду, пойдете домой.

Они так и сделали.

Идет дальше Трем-сын-Борис. Сторожа спрашивают:

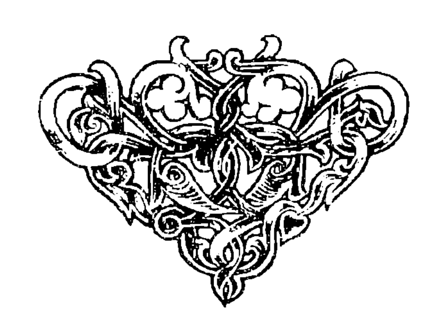
— Вспомнил ли о нас, когда видел Солнце?

— Вспомнил. Если выкопаете деньги разбойничьи, что здесь припрятаны, сад будет снова плодоносить.

Они его послушались.

А Трем-сын-Борис пошел прямо к царю. Рассказал обо всем что видел. Тот щедро его наградил, полцарства отдал, братом его величал. С тех пор Трем-сын-Борис в радости и довольствии живет.

О БОГАТЫРЕ СУХОБРОДЗЕНКО ИВАНЕ И НАСТАСЬЕ ПРЕКРАСНОЙ

В некотором царстве, в некотором государстве жил себе мужик и было у него два сына. Растут они не по годам, а по часам,— так растут, как из воды идут. Отдал их отец в школу, и они там так выучились, даже лучше того, кто их обучал. Приходит старший сын к отцу и говорит:

— Отец мой любимый! Дай мне лучок и стрелок пучок: я поеду себе рыцарство добывать.

Отец заплакал, дал ему коня... И поехал он в десятое царство. Выехал в степь, поставил шатер и лег на двенадцать суток спать. А как проснулся, начал с бабой Ягой воевать.

Долго ли, коротко ли — прошло семь лет.

Приходит младший сын к отцу и говорит:

— Отец мой любимый! Дай мне лучок и стрелок пучок — я поеду себе рыцарство добывать.

Дал и ему отец коня, и провожая, сказал:

— Поезжай, сынок мой Иван, Бог с тобой! Может, тебе в степи придется с каким-нибудь рыцарем сражаться — прежде чем сражаться, расспроси, как зовут, потому что, может, встретишь брата. Ты будешь Сухобродзенко Иван, а тот — Сухобродзенко Василь.

Сел Иван на коня и поехал в десятое царство. Долго ли коротко ли приехал, видит — в степи стоит шатер, около него конь — пламя пьет и яровой пшеницей

заедает. Пустил коня к коню — конь с конем не бьется. Пустил борзую к борзой — не кусаются. Пустил сокола к соколу — сокол сокола не рвет.

Вошел Иван в шатер, а там богатырь распростерся. На двенадцать суток спать лег. Он около него походил, походил и сам в том шатре лег спать на двенадцать суток. Через некоторое время просыпается хозяин шатра, видит — лежит кто-то около него. Схватил меч и хотел снести ему голову с плеч да призадумался:

— Он на меня, сонного, не напал и я не буду. Пускай проспится, я его расспрошу, кто он такой.

Проснулся младший брат, умылся, помолился Богу. А старший-то не знает, что это его брат, стал угощать незнакомца. Вот старший и говорит:

— Ну, теперь садимся на коней и поедем в степь биться!

Поехали. Стали биться. Ударились раз, отскочили. Ударились другой раз, отскочили. Потом разогнались в третий раз. Старший младшему хотел голову с плеч снять. Младший вспомнил отцовское слово, упал с коня и говорит:

— Кто ты такой? Подожди, не убивай!

Тот ему отвечает:

— Я Сухобродзенко Василь.

А младший ему говорит:

— А я Сухобродзенко Иван.

Тогда старший брат соскочил с коня, обнял брата за шею, заплакал и сказал:

— Мы родные братья! Хватит биться, пойдем в шатер!

Говорит старший брат:

— Вот что, брат, теперь мы отдохнули, ты побудь здесь, а я поеду в степь с бабой Ягой сражаться.

— Поеду и я с тобой,— говорит младший.

— Нет, ты оставайся, ты младший, еще убьют тебя. Поеду я сам.

Тот подождал немного, пока старший брат скрылся, оседлал своего коня и поехал за ним. Приезжает, видит: брат уже воюет. Взмахнул и он мечом. Видит: баба Яга убегает. Он погнался за ней, а она нору нашла и заползла туда. Только успел он мечом отрубить ей полноги. Стоит

он у норы и жалеет, что только половину ноги ей отрубил...

А старший брат ходит и ищет его, тревожится, думает, что Иван уже давно убит.

— Ах, Боже мой, только нашел себе брата, а он уже убит!

Но смотрит, а его брат сидит у ведьминой норы и плачет.

— Отчего ты плачешь, Иван?

— Как же,— говорит тот,— мне не плакать, когда в этой норе скрылась проклятая баба Яга.

— Да черт ее бери: пускай убегает.

— Э, нет,— говорит,— не хочу. Я ее вытащу. Нарви камышей и сплети канат!

Сплели канат и влез он сам в эту нору, а брату говорит:

— Ну, смотри же, как я дерну канат — тащи меня из норы.

Влез в нору, видит — сидит краса-девица и платок вышивает. Увидела его и говорит:

— Слыхом слыхать, Сухобродзенко-богатыря в глаза видать. Зачем ты,— спрашивает,— сюда так глубоко залез?

— Сюда,— отвечает,— залезла баба Яга, я хочу ее поймать.

— Не поймаешь ее,— говорит девица.— Если возьмешь меня в жены, так я тебе помогу, тогда ее поймаешь.

— Я тебя,— говорит,— в жены не возьму. А есть у меня наверху старший брат Василь, за него выходи.

— Иди же,— говорит,— и смотри — за печкой стоит ткацкий станок, а за станком ведьма сидит и войско для себя вышивает.

Идет он и видит: сидит баба Яга, на эту сторону бросит — конь, на ту сторону бросит — казак.

Он подходит и говорит:

— Здорово, бабка!

— А, здоров, вражий сын! Отрубил ты мне половину ноги, еще и сюда пришел? Ну что, будем биться или мириться?

— Нет, не затем я сюда шел, чтобы мириться!

— Ну, пойдем во двор, давай биться!

Как схватились они, как схватились... ни он ее, ни она его. Баба Яга устала и говорит красе-девице:

— Насыпь, дочь, под него горох, а под меня уголь.

А краса-девица наоборот сделала: под Бабу Ягу горох насыпала, а под Ивана — уголь.

Баба Яга говорит:

— Сыпь, вражья девка, под него горох!

Краса-девица еще больше насыпала гороху. Баба Яга упала, а Иван ее убил. Потом набрали дорогой одежды. Иван дернул канат и Василь их вытащил наверх. Красу-девицу выдал Иван за старшего брата и поехали они к шатру. Говорит краса-девица мужу:

— У меня есть сестра еще краше меня.

Думала она, что Иван спит, а он все слышал.

— А где твоя сестра? — спрашивает ее муж.

— Похитил ее Белый-Полянин.

— А как же ее зовут?

— Прекрасная Настасья.

Утром Иван встал, умылся, оседлал коня. А старший брат и спрашивает его:

— Куда ты едешь?

— А что же,— говорит,— брат, тебе добыл жену, поеду и себе добывать.

Приезжает он в десятое царство. Смотрит — стоит избушка.

Он молитву сотворил. Бабка отворила дверь. А у нее голова обручем стиснута.

— А, слыхом слыхать да в глаза видать Сухобродзенко-богатыря. По воле или по неволе?

— По воле,— говорит тот,— потому что добрый молодец не ходит по неволе.

— Куда же тебя Бог несет?

— Что, старая, не слыхала ли ты о Белом Полянине? Сам белый, поле белое, борзые белые, все белое.

— Не слыхала,— говорит.— Едь к моей сестре средней, может, она тебе скажет. Нечего тебе, голубчик, и поесть дать, возьми головку капусты, где-нибудь попаришь и съешь.

Он взял и поехал. Видит — избушка. Он молитву сотворил. Бабка отворила дверь — двумя обручами у нее голова стиснута:

— Слыхом слыхать, Сухобродзенко-богатыря в глаза видать. Куда тебя Бог несет?

— А что,— спрашивает,— уважаемая, не слыхала ли ты о Белом Полянине? Сам белый, поле белое, борзые белые, кони белые — все белое.

— Нет,— отвечает,— не слыхала. Едь к моей старшей сестре: может, она знает. Нечего дать, голубчик, тебе на дорогу. На, возьми круп пшеничных немножко, может, где кашу сваришь.

Поехал он. Смотрит — скачет заяц и четверо маленьких зайчат лезут за ним, так бедные исхудали. Он взял головку капусты, разрезал на четыре части и бросил им. Зайчата поели, а заяц и говорит ему:

— Спасибо тебе, Сухобродзенко Иван, что ты моих деток покормил. Я тебе пригожусь.

Поехал дальше. Смотрит — избушка. Он сотворил к той избушке молитву, бабка открыла двери — тремя железными обручами у нее голова стиснута.

— Слыхом слыхать, превеликого богатыря Сухобродзенко Ивана в глаза видать. То было слышно, а теперь и в глаза видно.

— Не видала ли, старуха,— спрашивает он,— Белого Полянина? Сам белый, конь белый, все белое?

— Не видала,— говорит.— Едь к моему самому старшему сыну. Если он тебе не скажет, так уже никто не скажет. Нечего тебе, мой голубчик, дать покушать. Одного поросенка имею, возьми себе. Где-нибудь зарежешь и поешь.

Едет он дальше, вдруг видит: идет утка и маленьких утят ведет. Маленькие бедняжки пристали. Он посмотрел на них, взял и высыпал им крупу; они подкрепились, а старая утка и говорит ему:

— Спасибо тебе, Сухобродзенко Иван, что ты деток моих немного покормил. Я тебе когда-нибудь пригожусь.

Он себе и думает: «Господи, Боже мой, как она может мне пригодиться, когда она такая маленькая?»

Поехал дальше. Видит: идет волк и ведет за собой волчат — те волчата еле плетутся. Он смотрел, смотрел на них и жалко ему стало маленьких волчат. Вот он взял и бросил им того поросенка; они разорвали его и подкрепились. Тогда волк обернулся и говорит ему:

— Спасибо тебе, Сухобродзенко Иван, что ты моих деток покормил; за это я тебе, может, когда пригожусь.

Поехал он. Приезжает в десятое царство, смотрит — стоит избушка. Он к той избушке сотворил молитву. Святой Юрий отворил.

— Слыхом слыхать, Сухобродзенко — превеликого богатыря в глаза видать. За чем Бог так далеко занес?

— Не слыхал ли чего о Белом Полянине?

— Нет,— говорит Святой Юрий,— ничего не слыхал. Подожди, я своих собак позову, если они не знают, так уже никто в мире тебе не скажет.

Поставил Ивана за дверью, а сам вышел и крикнул. Пришли звери — полон двор нашло! Всякие здесь были.

— А что,— спрашивает Святой Юрий,— все собрались?

— Все,— отвечают,— только еще нет хромой волчицы.

— А не слыхали ли чего о Белом Полянине?

— Нет,— говорят.— Кажется, рассказывали, что его собаки твоей волчице ногу перекусили, а больше мы не слыхали.

Вот идет та старая волчица, идет и хромает.

— Ах ты,— говорит,— старая кривуля, что ты так замешкалась? Не слыхала ли ты чего о Белом Полянине? Сам белый, поле белое, кони белые, собаки белые — все белое?

— Как же,— говорит она,— хозяин, не слыхала, когда в его дворе мне его же псы ногу перекусили.

Вот Святой Юрий отпустил всех, а ее оставил и говорит Ивану:

— Ну, смотри же, если будешь ехать и она скажет: «Видишь город?», говори: «Не вижу!» Пока не подъедешь к городу и не увидишь околицы. Потому что она боится собак.

Берет он ее на коня, поехали. Она говорит:

— А видишь, Сухобродзенко, город Белого Полянина?

— Нет,— говорит,— не вижу.

Проехали немного — она снова спрашивает:

— Видишь ли?

Он уже видит, но не говорит. Вот подъезжают к околице, она и спрашивает:

— А что, уже видишь?

— Вижу,— говорит.

Она как сорвалась с лошади, как помчалась, что и конем не догнать, уже и не хромает совсем, так собак боялась! Прошел он околицу. Смотрит — стоит избушка. Он молитву сотворил. Открыла дверь старуха.

— Слыхом слыхать, Сухобродзенко Ивана в глаза видать!

— А что,— говорит,— бабушка, не знаешь ли ты Белого Полянина?

— Как,— говорит,— не знать мне, когда я его бабка. А на что он тебе?

— Я хочу взять у него прекрасную Настасью себе в жены.

— Помогай тебе Бог.

— Пойдите, бабушка, и расспросите ее, когда он из дому поедет и скажите ей, что приехал такой-то и хочет ее украсть!

Пошла бабка. Приходит к Настасье и говорит:

— Прекрасная Настасья! Приехал великий, славный богатырь Сухобродзенко Иван и хочет тебя в жены взять!

— Боже,— говорит Настасья,— ему помоги, я давно сама того хочу.

— А где же твой муж?

— Поехал,— говорит,— на охоту. Скажи богатырю, если есть у него время, пускай сейчас едет и забирает меня.

Приехал Иван, забрал ее, уплатил бабке и поехал. Едет он, едет. Приезжает в десятое царство.

Белый Полянин со своим Игнатом-Булатом, верным слугой, возвращается с охоты. Бьет свою лошадь тесаком промеж ушей.

— Но,— кричит,— скорее к прекрасной Настасье на чай поспевай!

Конь ему отвечает:

— Господин любимый, господин милый, уже прекрасной Настасьи нет.

— А где же она? — спрашивает Белый Полянин.

— Сильный богатырь Сухобродзенко Иван взял.

— Ничего, мой конь,— говорит.— Еще мы приедем, вспашем, насеем ржи, рожь вырастет, скосим, намолотим, наварим пива, напьемся и поедем догонять, тогда и догоним.

А конь только на трех ногах. Приехали домой, сделали так, как говорил Белый Полянин. Потом погнался в погоню и догнал Сухобродзенко, отнял прекрасную Настасью, а его изрубил, как капусту, и коня его так же изрубил. Лежат они оба. Идет зайчик, посмотрел, узнал его. Сел и плачет.

— Это же мой хозяин, тот, что моих деток голодных накормил.

Летит уточка и спрашивает:

— Зайчик, зайчик, чего же ты плачешь?

— Как же,— говорит,— мне не плакать, когда это лежит изрубленный мой хозяин, что моих деток накормил.

Утка узнала его и говорит:

— Он же и моих деток накормил.

Сели они и вдвоем стали плакать. Идет волк и спрашивает:

— Зайчишка-братишка, а чего это ты плачешь?

— Как же,— говорит,— мне не плакать, когда он моих деток накормил, а теперь я ему не могу ничем помочь.

Волк сел и себе стал плакать:

— И моих,— говорит,— деток он накормил.

Втроем уже плачут. Уточка говорит им:

— Чего мы будем плакать! Давайте что-нибудь придумаем.

Утка полетела, зайчик побежал за ней. А волку они сказали, чтобы он стерег.

— Смотри же,— говорят,— волк, стереги его и не трогай. Не гляди, что мы такие маленькие, мы тебя так же посечем, как вот он посеченный лежит.

Побежал зайчик к гончару и взял два горшочка: один прицепил уточке под правое крылышко, другой — под левое. Зайчик побежал, уточка полетела. Прибежал зайчик в Чуй-лес. В том Чуй-лесу есть колодец, а в том колодце целебная и живая вода, а около него стоят двенадцать человек сторожей.

Теперь уточка села на яблоню, а зайчик начал бегать между охраной. Они вот-вот поймают его.

— Глядите, братцы, зайчик! Если бы мы его поймали, было бы чем пообедать.

Шесть человек побежали за ним, вот-вот поймают. А он все так делает, чтобы только отвести их от колодца.

— Братцы,— кричат они,— лови, лови зайчишку!

И все дальше от колодца за зайчиком. А уточка с дерева нырнула в тот колодец, набрала целебной и живой воды и полетела. Они оглянулись, бросили зайчика и — к колодцу. Зайчик за уточкой побежал — и след их простыл.

Прибегают. А волк все сидит и стережет.

— А что,— говорят,— волк, не трогал?

— Ей-богу,— говорит,— не трогал!

Вот они побрызгали целебной водой, он исцелился. Побрызгали живой — он ожил.

— Вот,— говорит,— как я уснул!

— Эге,— говорят,— господин любимый, смотри, ты уснул бы так, как твой конь.

Побрызгали коня, он исцелился и ожил. Вспомнил Иван, что у него отнял Белый Полянин Настасью и решил поехать за ней снова. Приезжает.

— Здорова была,— говорит,— старая!

— Здоров, Иван! Он же тебя, как капусту, изрубил!

— Нет,— говорит Сухобродзенко,— то он не меня порубил, а куль соломы. Пойди, старуха, спроси и Настасья пускай спросит, где Полянин такого коня добыл?

Пошла старуха и говорит:

— Здорова была, Настасья прекрасная! Приехал Сухобродзенко Иван!

— Но он же,— говорит,— Ивана, как капусту, изрубил.

— Нет, не его, а куль соломы. Просил, чтобы ты разузнала, где Белый Полянин такого коня взял?

Приезжает Белый Полянин. Она его и спрашивает:

— О чем я тебя хочу спросить? Скажи мне, где ты такого коня взял, что как мы ни убежали, а ты нас все равно догнал.

— Прекрасная Настасья! Этот конь дорого стоит. Есть,— говорит,— Чуй-лес. В том лесу есть три старухи, и у одной есть три кобылы. Кто этих кобыл попасет три дня, тот заработает коня. А кто не устережет, не сносить тому головы.

Настасья рассказала старухе. А та это все пересказала Ивану Сухобродзенко. Поклонился он бабке и пошел. Шел, шел, в десятое царство зашел. Кушать ему очень захотелось. Смотрит он — над дорогой гнездо шершней. Он полез на дерево, а тут матка выскакивает из гнезда и говорит ему:

— Слыхом слыхать, Сухобродзенко Ивана в глаза видать. Зачем ты так высоко к нам забрался?

— Я очень есть хочу и вас всех вместе с гнездом съем.

— Не ешь,— говорит она,— я тебе пригожусь!

Подумал он, подумал, бросил их и пошел. Смотрит — муравьев куча, собрался их есть. Матка выскочила и говорит:

— Не ешь, я тебе пригожусь.

Подумал, подумал он и пошел дальше. Идет над морем, смотрит: по песку лезет рак. Сам высох весь, а живой. Он посмотрел — есть нечего — взял и бросил в воду. Рак пришел в себя, вернулся и говорит:

— Спасибо тебе, Сухобродзенко Иван, что ты меня спас, я тебе пригожусь.

Пошел он дальше. Смотрит — частокол. На всех кольях головы посажены, только на одном нет головы. Вот он и думает:

— Здесь для моей головы место!

Идет дальше. Смотрит — избушка, а в той избушке старуха. Вот он и говорит:

— Здоров, бабка, а не у тебя ли тут,— говорит,— можно подрядиться кобыл пасти?

— У меня,— говорит она.— Три дня попасешь — возьмешь жеребца, а не устережешь — голову сгубишь. Ночуй,— говорит,— у меня. А я тем временем пойду к кобылкам слово замолвить, чтоб тебе был жеребец за эти три дня.

Пошла она. А ее дочка и говорит ему:

— Не ужинай, а иди послушай, что она им будет говорить.

Пошел он и слушает, а она и говорит:

— Смотрите же, когда он погонит вас пасти, убегайте в Чуй-лес, да так, чтобы он вас не нашел.

Он вернулся в избу, а девушка и спрашивает его:

— А что, слыхал?

— Слыхал! — говорит.

— Ну, смотри же! Стереги добро, потому что пропадешь! Поужинал он, лег спать. Утром встал, собирается гнать кобылок на пастбище, а бабка и говорит ему:

— Ну, смотри же, паси хорошо! Возьми лучок — убьешь тетерева и зайчика. И как вечереть станет, так чтобы и кобылок пригнал, и принес тетерева да зайца. Дала ему пирожок с сон-травой и говорит:

— Если есть захочешь, так это тебе полдник.

Погнал он. Пасет. Захотелось ему есть. Вот он съел тот пирожок и уснул. Проснулся — нет кобылок. Плакал он, плакал — ничего не помогает. Тогда он встал, натянул лучок — убил зайчика, натянул лучок — убил тетерева.

Летит к нему шершень и спрашивает:

— Господин любимый, чего ты плачешь?

— Как же мне, мушка, не плакать, когда я не устерег кобылок.

Шершень как крикнет, как свистнет!.. Как начали со всех сторон лететь шершни, вот он им и говорит:

— Смотрите мне, чтобы кобылки были здесь, да поскорее!

Полетели они и нашли их в Чуй-лесу в овраге. Как стали их кусать, так те не выдержали, давай бежать.

Вот и пригнали их к Ивану. Он тогда взял хорошую палку и погнал их домой. Загнал в сарай, а сам входит в избу.

— А что,— спрашивает старуха,— пригнал кобылок?

— Пригнал,— говорит.

— А зайчика принес?

— Принес.

— А тетерев есть?

— Есть.

— Ну, садись ужинать, а я пойду к кобылам.

Девица снова говорит ему:

— Не ужинай, а иди послушай, что она им будет говорить.

Пошел тот. Когда слышит, а она кобыл лупит палкой и кричит:

— А я же вам говорила, чтобы вы от него убежали!

— Мы, бабушка,— говорят,— убегали, но что-то рыженькое, маленькое как начало нас гонять, так мы к нему прибежали.

— Ну, смотрите же, чтоб завтра вы убежали в такой лес, чтобы вас там и птица не нашла. Залезьте в гнилую колоду, там никто не найдет.

На другой день утром она снова дает ему пирожок с сон-травой и говорит:

— Возьми лучок — подстрели тетерева и зайчика, да чтоб кобылок вечером пригнал.

Он снова съел тот пирожок и уснул. Просыпается — нет кобыл. Он сел и плачет. Натянул лучок — подстрелил тетерева и зайчика. Маленькая букашечка приползла к нему и спрашивает:

— Чего ты плачешь?

— А как же мне не плакать, когда мои кобылки убежали.

— Подожди, не плачь!

Полезла сейчас же к своим, собрала всех, отправились они в лес. Нашли кобыл в лесу в гнилой колоде. Как начали их кусать, так к Ивану и пригнали. Он их погнал домой, а сам вошел в избушку. Старуха его и спрашивает:

— А что, пригнал?

— Пригнал.

— А тетерева и зайчика принес?

— Принес.

— Ну, иди ужинать, а я пойду к кобылкам. Еще день попасешь и будешь иметь коня.

А девица снова говорит:

— Иди, смотри, что она будет делать.

Пошел он и видит, что она бьет их палкой и кричит:

— Почему вы не убежали?

— Мы, бабушка, убежали, но что-то маленькое, рыженькое как стало нас кусать, так мы прибежали назад.

— Ну, смотрите же, чтобы завтра вы убежали в море. Там вас уже никто не найдет.

На другой день дала старуха Ивану с сон-травой пирожок и говорит:

— На, возьми лучок — убей тетерева да зайчика и чтоб кобылок пригнал!

Он съел пирожок и уснул. Просыпается — нет кобыл. Он сел и плачет. Знает, что они в море, но никак не выгонит их оттуда. Видит он — лезет рак и спрашивает его:

— Господин любимый, господин милый, почему ты плачешь?

Тот ему и рассказал.

— Стой,— говорит рак,— не плачь, может, я тебе помогу.

Как крикнет, как свистнет, сбежались все раки и большие и малые. Вот рак и говорит им:

— Чтобы вы мне сейчас же выгнали из моря тех кобылок.

Они нырнули. Как начали их там кусать, кобылки не выдержали и выскочили к Ивану. Вот он их побил палкой и пригнал к старухе.

— Ну, садись ужинать, а я пойду к кобылкам, чтобы тебе завтра было чем уплатить.

А девушка ему и говорит:

— Иди, посмотри, что она будет делать.

Пошел он, слышит, как старуха кричит, а потом взяла она и из двух красивых жеребцов вынула печенку и легкие и вложила в неказистого.

А девица ему и говорит:

— Будет она тебе давать красивого жеребца — не бери, потому что, ты же видел, они внутри пустые. «Уже,— говори,— три дня службы не стоят красивого жеребца». И уздечки красивой не бери, а проси из лыка.

Переночевали. Вот идут в конюшню. Она и говорит:

— Ну, бери, какого хочешь жеребца. Вот стоит красивый — бери!

— Нет,— говорит,— бабушка, я этого не хочу. Дайте мне этого неказистого и дайте мне лыковую уздечку, чтобы мне греха не было, что за три дня службы такого понабирал.

Взнуздал жеребца и ведет. А тот ему и говорит:

— Господин мой любимый, позволь мне отлучиться на эту ночь, хочу материнского молока пососать.

— Иди,— говорит.

Пошел он. Высосал мать, высосал теток.

Приходит к нему и говорит:

— Ну, господин мой любимый, садись теперь на меня.

— Выдержишь ли ты меня,— говорит Иван.

— Выдержу ли,— говорит конь,— не выдержу ли — увидишь. А вот лучше скажи мне, как тебя нести: ниже леса стоячего или выше тучи ходячей?

— Нет,— говорит,— неси меня по суходолу к Настасье Прекрасной.

Понес тот. Принес его к бабке. Входит он в избушку и говорит:

— Здорова была, бабушка!

— А, здравствуй, Иван Сухобродзенко. А я уже думала, что ты не живешь на свете.

— Нет,— говорит,— бабушка, живой! Пойди-ка и спроси Настасью, как только не будет Белого Полянина дома, так я ее и заберу.

Пошла баба и говорит:

— Приехал Сухобродзенко Иван. Он спрашивает тебя, когда Белого Полянина не будет дома, чтобы тебя взять.

— Скажи ему, бабушка, что теперь именно время, потому что его нет дома, поехал на охоту.

Приходит бабка к нему и говорит все. Сел он на коня, взял Настасью и сбежал с ней.

Возвращается Белый Полянин с охоты, гонит своего коня и говорит ему:

— А ну-ка, быстрее поспевай к Настасье на чай!

— Нечего нам спешить,— говорит конь,— потому что уже твоей Настасьи Прекрасной нет и не будет. Взял славный, могучий богатырь Иван Сухобродзенко.

— Как,— говорит,— Иван Сухобродзенко? Я же его, как капусту, изрубил!

— Нет,— говорит конь,— не его ты порубил, а куль соломы.

— Ну,— говорит,— ничего, пускай убегает. А мы еще вспашем, посеем рожь, выкосим, соберем, смолотим, наварим пива, напьемся и тогда поедем и догоним, отберем Настасью.

— Нет, господин мой любимый, если думаешь

5 49-3

догонять, так едем сейчас, потому что будет поздно. У него теперь конь — мой родной брат.

— Раз так, едем! Я ему покажу, как чужих жен воровать!

Поехали. Тот конь летит выше дерева стоячего, а он его промеж ушей тесаком бьет и все погоняет. Вот уже догоняют, вот догонят! Только Сухобродзенкова лошадь оборачивается к своему брату — коню Белого Полянина — и говорит ему:

— Неужели,— говорит, брат мой милый, ты против меня пойдешь? А мы же,— говорит,— сыновья одной матери.

— Что же,— говорит тот,— мне делать, если он меня промеж ушей тесаком бьет.

— Подними,— говорит,— ты его под облака и стряхни там, так он и погибнет!

Поднял конь Белого Полянина под облака, стряхнул. Упал тот на землю и разбился. И полезли из него гады, змеи, лягушки, ящерицы и всякая нечисть.

Сухобродзенко взял себе его коня, слугу Гната-Булата и поехал домой к отцу. Ехали целый день. Вечером остановились переночевать. Вот Сухобродзенко с женой уснул, а Гнат-Булат не спит. Только слышит: на дереве сели кукушки и одна другой говорит:

— Едет,— говорит,— славный богатырь Сухобродзенко Иван домой. А дома отец родной, мать неродная; отец рад, мать не рада. Как приедут домой, будет ему первая смерть: даст ему мать на ночь белую рубашку. Он ее наденет, сразу умрет. Кто эти слова слышит и ему расскажет, тот по колени камнем станет.

Записал эти слова Гнат-Булат и молчит, никому не говорит. Утром все встали и поехали. Ехали целый день. Вечером стали на ночлег. Иван и Настасья напились чаю, поужинали и уснули, а Гнат-Булат не спит. Снова прилетели кукушки и одна другой говорит:

— Едет славный богатырь Сухобродзенко Иван домой, в гости. А дома отец родной, мать неродная; отец рад, мать не рада. Будет ему другая смерть: как приедет домой, как сядут ужинать, так мачеха ему даст стакан вина. Он как выпьет, так сейчас же у него внутри загорится и он

умрет. Кто это слышит и ему передаст, тот по пояс камнем станет.

Записал это Гнат-Булат и молчит. Утром встали и поехали дальше. И опять в пути пришлось заночевать. Снова прилетают кукушки и одна другой говорит:

— Едет,— говорит кукушка,— богатырь Сухобродзенко Иван в гости к отцу. Отец родной, мать неродная; отец рад, мать не рада. Будет ему третья смерть: когда он уснет, мать превратится в гадюку и укусит его, и он от этого умрет. Кто это слышит и ему передаст, тот по шею камнем станет.

И это записал Гнат-Булат. На другой день утром встали и поехали. Приезжают домой. Отец так рад, так целует их, так обнимает, такой веселый. Мать тоже веселая, как-будто и она рада.

Только поужинали, она дает ему белую рубашку на ночь. Гнат-Булат это видел и взял да ту рубашку сжег, а ему дал другую.

На следующий день за ужином мать подает ему стакан вина и просит его выпить. Он только хотел выпить, а Гнат-Булат вырвал у него из рук стакан и бросил. Вино разлилось и, где оно разлилось, там пол обгорел. Иван немного посердился на Гната-Булата, что тот вырвал у него из рук стакан, а потом и успокоился.

На третий вечер, когда они легли спать, мачеха превратилась в гадюку и ползет к ним в комнату. А Гнат-Булат не забыл, что третья кукушка говорила, стал за дверью и дожидается. Только она к кровати — он как махнет саблей, но в гадюку не попал, а перерубил ножку у кровати. Кровать перевернулась, Сухобродзенко проснулся и видит, что Гнат-Булат стоит и меч поднял вверх,— а гадюка уже убежала.

Вот он и говорит:

— А,— говорит, — такой-то ты верный слуга? Ты меня зарезать хотел. Подожди же, я тебя отблагодарю, будешь ты меня помнить! И захотел он его убить. Только Гнат-Булат и говорит ему:

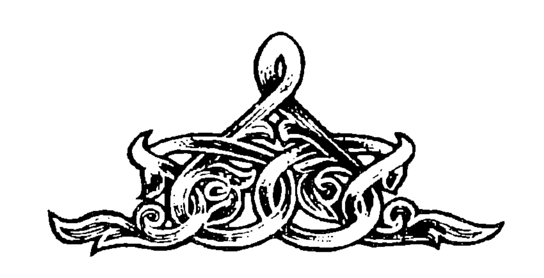
— Подожди,— говорит,— не убивай меня, дай я тебе о своих приключениях расскажу.

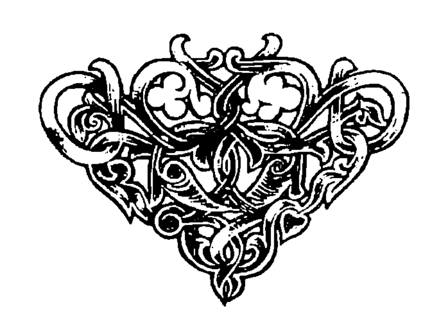
— Ну, рассказывай, послушаем!

Вот он и рассказал то, что слыхал от тех трех кукушек

и как рассказал, так по шею камнем стал. Вот тогда Сухобродзенко и увидел, что за человек был Гнат-Булат. И жалко ему его очень стало, а не знает как помочь.

Стоял тот камень, пока дитя Иваново не вылезло на него. А как вылезло, так упало и нос себе разбило. Кровь брызнула на камень, камень раскололся и Гнат-Булат вышел. Смотрит Сухобродзенко, а Гнат-Булат носит его дитя по двору. Вот тогда он очень обрадовался и задал пир на весь мир. Я там был, мед-вино пил, по бороде текло, а в рот не попало. Забили меня в пушку и как выстрелили, так я залетел в эту избу и теперь тут сижу.

О ЦАРЕВНЕ, ДУША КОТОРОЙ БЫЛА В ЯЙЦЕ В ОСОКОРЕ

Было у одного царя двое детей — сын и дочка. Вот умер царь, умерла и царица — осталось их двое. А в другом царстве был царевич. Вот и пишет брат царевны тому царевичу, что есть у него сестра, такая, что как засмеется, то жемчуг рассыпается, а как заплачет — золото сыплется, а как пойдет танцевать, так цветы расцветают.

Отвечает царевич: «Пришли мне твою сестру, я женюсь на ней».

Снарядил брат сестру в дорогу, попрощались они. Поехала она со своей служанкой, а служанка была очень похожа на нее и лицом, и статью. Вот подъехали они к речке — царевна захотела искупаться, разделась, вынула глаза. А ее служанка надела на себя платье царевны, взяла глаза, села в карету и уехала. Приезжает к царевичу. Понравилась она ему. Только странным показалось, что царевич ему неправду написал: смеялась она, но жемчуг не рассыпался, плакала, а золото не сыпалось, танцевала, а цветы не расцветали, и все-таки женился он на ней, уж очень она красивая была. Живут они.

А настоящая царевна вышла из воды — нет ее платья и глаз. Она надела платье служанки, села и плачет, а золото сыплется — много наплакала. Едет мимо старик — слышит: кто-то плачет, подходит и видит: сидит прекрасная девушка, наплакала целую кучу золота и говорит ему:

— Возьми меня к себе.

Взял ее старик к себе и золото то забрал. Засмеялась она — рассыпался жемчуг, пошла танцевать — расцвели вокруг цветы. Вот начала она вышивать рушник — золотом, жемчугом и цветами. Вышила такой рушник, что в доме сияет.

— Возьми,— говорит,— этот рушник и понеси на базар продавать. Не отдавай ни за какие деньги, а все говори: «Дай глаз».

Старик пошел на базар. А его рушник на весь базар сияет — люди собрались! Чего только не давали за тот рушник, а он все просит глаз. Все удивляются: как так можно — глаз, где его взять? Подошел царевич — понравился ему тот рушник.

— Продай, старик,— говорит царевич.

— Купи.

— А что тебе за него дать?

— Глаз,— говорит старик.

— Ты что сдурел? — говорит,— отдать глаз, кто ж тебе отдаст глаз? Проси у меня денег, сколько хочешь, я тебе дам.

— Не нужны мне деньги, дай глаз.

Пошел царевич домой и говорит жене:

—. Какое я чудо видел: такой рушник — золотом, жемчугом и цветами так и сияет, только,— говорит,— глупый старик просит за него глаз.

— Да у меня есть,— говорит ему жена,— где-то там один глаз (очень, видите-ли ей захотелось этот рушник).

— Давай же,— говорит,— скорей тот глаз. Я пойду и куплю тот рушник.

Достала она из сундука глаз, понес он, дал старику глаз, а сам взял рушник.

Принес старик тот глаз — обрадовалась царевна, смеется и плачет, а золото и жемчуг так и сыплются. Соткала она платок — еще красивее.

— Неси,— говорит,— старик, проси еще глаз.

Понес. Собрались опять люди: дивятся все. Кто ни спросит: «Почем платок?»— «Глаз» — отвечает. Пришел и царевич. И захотелось ему купить этот платок.

— Что тебе, старик, дать?

— Глаз,— говорит старик.

Пришел царевич к жене.

— Нет ли у тебя еще одного глаза? Там такой красивый платок продается, что и сказать нельзя!

Не хотелось ей отдавать, видимо что-то заподозрила, но муж как стал просить — отдала. Дал царевич старику глаз, взял платок.

Принес старик глаз, царевна рада, так рада, что нашлись ее глаза.

Жена царевича видит, что дело плохо, вспомнила, что душа царевны спрятана в осокоре в яйце. Побежала, нашла тот осокор, взяла яйцо, принесла домой и заперла в сундук.

А как взяла она то яйцо, то царевна и говорит старику:

— Теперь я умру. Возьмите золото, сделайте мне гроб, поставьте часовню над дорогой и похороните.

Умерла она. Сделал старик все, что просила: и золотой гроб, и золотую часовню, и похоронил ее.

Как-то раз в праздник едет царевич в церковь, видит — часовня, да такая красивая, вся сияет. Велел кучеру остановиться, входит в часовню, видит гроб, а в гробу лежит такая прекрасная девушка, совсем как живая, словно заснула. Царевич не утерпел и поцеловал ее. Часто стал ездить царевич и все к ней приезжал.

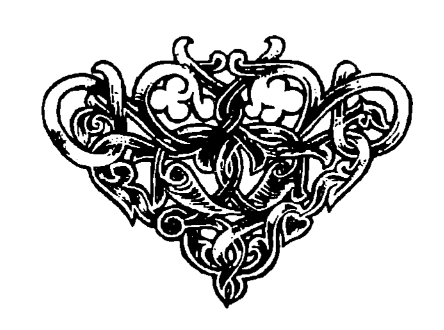
Вот как-то собрался он ехать в церковь на Пасху. Только жена открыла сундук (ей что-то нужно было взять), он увидел яйцо и говорит:

— Дай мне это яйцо, я возьму его с собой в церковь.

Ей очень не хотелось этого делать, но подчинилась.

Поехал царевич, зашел к мертвой царевне похристосоваться и случайно упустил яйцо, оно разбилось — царевна ожила. Обрадовался царевич. Стал он ее расспрашивать, она ему и рассказала, как ее служанка взяла глаза, оделась в ее платье, как она вышивала рушник и платок, как продавала за глаз, как и душу ее служанка из осокора вынула.

Тогда царевич видит, что вот это и есть его невеста, приехал домой, привязал обманщицу к конскому хвосту, а сам женился на царевне. Вот так теперь и живут.

БЕДНЫЙ ПАРЕНЬ И ЦАРЕВНА

Стояла в роще избушка, а в той избушке жила женщина с сыном. Поля у них не было, потому что кругом была роща густая, а хлеб они покупали. Вот не стало у них хлеба. Женщина и посылает своего сына за хлебом.

— На тебе,— говорит,— сынок, эти деньги, пойди и купи хлеба.

Взял сын деньги и пошел. Идет, идет. А навстречу ему мужик, ведет собаку вешать.

— Здравствуй, дяденька!

— Здравствуй!

— Куда ты собаку ведешь?

— Поведу,— говорит,—в рощу и повешу, а то в хозяйстве ничего нельзя удержать из-за нее: выведет наседка цыплят — она, проклятая, удушит их. Забудет жена запереть дом — она лапой дверь откроет, влезет, проклятая, на стол и поест хлеб. Сколько она побила горшков, мисок!

— Не вешай ее, мужик, продай лучше мне.

— Купи.

— Что же ты хочешь за нее?

— А ты что дашь?

Вот он отдал те деньги, что мать ему дала на хлеб, а собаку повел домой. Пришел домой, а мать его и спрашивает:

— А что, сынок, купил хлеба?

— Нет, мама, не купил.

— Почему же ты не купил?

— Я шел, вдруг вижу — ведет мужик собаку вешать, я ее и купил.

Дала ему мать денег и послала его снова за хлебом. Пошел он. Встречается ему мужик — несет кота.

— Здравствуй, дяденька!

— Здравствуй!

— Куда ты, дяденька, идешь?

— Несу кота в рощу.

— Зачем же ты его несешь в рощу?

— Повешу. Нельзя из-за него ничего в доме удержать. Что бы ни поставил, чтобы ни положил, уже его он не минует!

— Ты бы,— говорит,— мне его продал.

— Купи.

— Что же тебе дать за него?

— Я не буду торговаться: что дашь, за то и продам.

Вот он те деньги, что мать ему дала на хлеб, отдал. Взял кота и пошел домой. Приходит, а мать спрашивает:

— А где же ты хлеб девал?

— А я и не купил!

— Почему же ты не купил? Куда же ты деньги дел? Может еще какого черта купил?

— Купил,— говорит.

— Зачем же ты купил?

— Нес мужик в рощу кота и хотел его повесить, так мне его жалко стало,— я взял и купил.

— Возьми же еще денег и смотри — ничего не покупай: в доме уже ни ломтика хлеба нет.

Пошел он. Идет, идет, вдруг видит — бьет мужик гадюку!

— Отчего же ты, мужик, гадюку бьешь? Ты бы лучше мне ее продал.

— Купи,— говорит,— продам.

— Что же тебе дать?

— Что дашь, то и будет.

Отдал он ему все деньги. Тот мужик забрал и пошел себе дальше. А гадюка и говорит:

— Спасибо тебе, человек добрый, что ты освободил меня от смерти. На, тебе вот перстень. Если тебе чего надо будет, так ты перебрось его с одной руки на

другую — сейчас прибегут слуги. Что бы им ни велел, что бы ты ни придумал, все сделают тебе.

Взял он тот перстень, поблагодарил и пошел домой. Подходит к избе, перебросил его с одной руки на другую — явилось слуг видимо-невидимо!

— Чтобы мне,— говорит он им,— был хлеб!

Он сказал и тут же появилось хлеба много-премного. Пришел он в избу и говорит:

— Ну, теперь, мама, уже не будем хлеб покупать! Дала мне гадюка такой перстень, что как перебросить его с одной руки на другую, так сейчас прибегут слуги. Что бы я им ни сказал, что бы я им ни велел — все сделают.

— За что же она тебе его дала?

— За то, что я ее спас от смерти. Ее мужик хотел убить, а я купил ее у него за те деньги, что вы дали на хлеб.

Прожили они месяц или, может, и два. Чего ему захочется, он сразу перебросит перстень, слуги прибегут и сделают все.

Захотелось ему жениться. Вот он и говорит своей матери:

— Пойдите, матушка, и сосватайте за меня царевну.

Пошла она к царевне, рассказала, зачем пришла, а царевна и говорит:

— Коль сделает твой сын такие туфельки, чтоб на мою ногу как раз пришлись,— пойду за него замуж.

Пошла она домой и говорит сыну:

— Сказала царевна, если ты сошьешь ей такие туфельки, чтоб на ее ногу пришлись, так пойдет за тебя замуж.

— Хорошо,— говорит,— сошью.

Вечером вышел он во двор, перебросил с руки на руку перстень — сбежались слуги. Вот он и говорит им:

— Чтобы мне к утру были туфельки, золотом шитые, а серебром подбитые и чтобы эти туфельки как раз пришлись на ногу такой-то и такой-то царевне.

На другой день встал он — уже туфельки готовы; стоят на столе. Взяла мать туфельки и понесла царевне.

Примерила она — как раз на ее ногу. Вот она и говорит:

— Скажи своему сыну, чтобы он сделал мне за одну

ночь подвенечное платье и чтобы это платье было не длинное и не короткое, не узкое и не широкое — чтобы как раз на меня пришлось.

Приходит женщина домой и говорит сыну, чего пожелала царевна.

— Хорошо,— говорит,— матушка, ложитесь спать. Все сделаю, что бы она мне ни велела.

Легли все спать. А он вышел во двор, перебросил перстень с руки на руку — сейчас слуг нашло видимо-невидимо.

— Чтобы мне,— говорит,— к утру было платье из такой материи, что светится, как солнце, и чтоб это платье как раз пришлось на такую-то и такую царевну.

— Хорошо, все сделаем.

Лег он спать. На другой день встает и говорит матери:

— Ну, идите, матушка, к царевне и несите платье. Что она еще скажет?

— Что же я,— говорит,— сынок, понесу? Где же это платье?

Подошел он к столу, поднял платок — в доме и засияло, будто солнце взошло.

— Вот, мама, на столе платье лежит под платком, несите его.

Взяла она платье и понесла. Приходит к царевне, а та спрашивает:

— А что ты нам скажешь, женщина добрая?

— Принесла,— говорит,— вам подвенечное платье.

Как показала она это платье, так в покоях и засияло все. Надела его царевна, стала перед зеркалом, посмотрела — подпрыгнула: так обрадовалась, что такой красивой стала. Прошла она раз по комнате, прошла второй — словно солнышко, так и сияет...

— Ну,— говорит,— женщина добрая, пускай он еще сделает мост от моего дворца аж до той церкви, где мы будем венчаться, и чтобы тот мост был сделан из серебра и золота. Когда мост будет готов,— пойдем к венцу.

Приходит эта женщина домой и говорит сыну:

— Велела царевна, чтобы был мост от того дворца, где она живет, к церкви и чтобы мост тот ты сделал из чистого золота и серебра.

— Хорошо, матушка, ложитесь отдыхать.

Легли спать вечером. А он вышел во двор, перебросил с руки на руку перстень — столько слуг явилось, что и двор тесным стал. Вот он им и говорит:

— Чтобы мне к утру был мост из чистого серебра и золота от дворца такой-то и такой царевны к такой-то церкви (я там буду венчаться). И чтобы, когда туда я буду с царевной ехать, с обеих сторон цвели яблони, груши, вишни, а когда назад буду ехать, так чтобы уже все созревало.

— Хорошо,— говорят,— к утру все будет так, как вы хотите.

На другой день встает он, идет во двор. Смотрит — стоит мост и с обеих сторон сады растут. Вот он вернулся в дом и говорит матери:

— Идите, матушка, и скажите царевне, что уже и мост готов, пускай идет к венцу.

Пошла мать к царевне, сказала ей; а она и говорит:

— Я уже мост видела — очень красивый. Скажи своему сыну, пускай он приезжает венчаться.

Пришла женщина домой и говорит сыну:

— Сказала царевна, чтобы ты завтра ехал венчаться.

Вот он через ночь построил себе дворец, а на другой день поехал к церкви, повенчался с царевной и возвращаются назад. А на мосту уже все поспевает: и яблоки, и груши, и вишни, и черешни — разные-разные фрукты, какие только на свете есть...

Приехали они во дворец, отпраздновали свадьбу и живут себе. Пожили там, может, месяц, а может и больше — вот она и спрашивает своего мужа:

— Скажи мне, милый мой муж, как ты сшил мне туфельки и платье: ты же с меня и мерки не снимал? Как ты,— говорит,— за одну ночь построил такой мост, и где ты набрал столько золота и серебра?

— У меня,— отвечает,— есть такой перстень. Когда его переброшу с одной руки на другую, так сейчас сбегается ко мне полон двор слуг. Что бы я им ни велел — все сделают. Так они сделали и туфельки, и платье, и построили мост и этот дворец, в котором мы живем, — все они мне делают.

— А куда же ты, мой милый, кладешь на ночь тот перстень?

— Я,— говорит,— кладу его под голову, чтобы никто его не украл.

Вот она дождалась, пока он уснул, нашла тот перстень, перебросила с руки на руку, так столько слуг нашло, что страшно и глянуть. Она им и говорит

— Чтобы сейчас же здесь были кони и карета: я поеду за море к своему брату. А из этого дворца сделайте столб такой, чтобы можно было моему мужу стоять и лежать. Но смотрите мне, чтобы вы его не разбудили, и он проснулся уже в столбе.

— Хорошо,— говорят,— все будет так, как вы приказали.

Вышла она во двор — стоит карета. Села она. Черти как подхватили, так и перетащили через море.

На другой день утром проснулся муж, видит: нет ни жены, ни дворца, ни перстня — ничего, только столб стоит. Хотел он выйти во двор — дверей нет. Пощупал он одну стену, пощупал другую — нельзя выйти. Только окошко маленькое открыто. Живет он, бедный, там; там и днюет и ночует. Никто ему и есть не дает. Там бы он и пропал, если бы не собачка и кот: а так, собачка побежит в поле, достанет из торбы у какого-нибудь хлебороба кусочек хлеба и принесет, а котик возьмет в зубы, влезет на столб к окошку и отдаст ему. Насобирали немного хлеба, вот собачка и говорит коту:

— А что,— говорит,— есть у нашего хозяина хлеб; пойдем за море, может как-нибудь добудем перстень.

— Пойдем,— говорит кот.

Пошли. Бегут и бегут, прибегают к морю. Сел котик на спину собачке и поплыли. Вышли на берег, согрелись немного на солнце и побежали. Бегут и бегут, а котик говорит:

— Ты оставайся у моря, а я побегу ко дворцу. Когда добуду перстень и прибегу к морю, сяду на тебя и буду отдыхать, а ты меня перевезешь.

— Хорошо,— говорит собачка.— Иди же ты ко дворцу, а я вернусь к морю.

Вот собачка вернулась, а котик побежал. Бежит и бежит, бежит и бежит и не отдыхает, и все бежит. Вдруг видит — стоит дворец, а около него стража. Котик по двору бегает. Подошла та царевна под окно, смотрит: кот

ходит по двору. Она взяла и пустила его в комнаты. Когда уже все легли спать, котик схватил перстень и убежал. Прибегает он к морю, вскочил собачке на спину, собачка бросилась в воду и поплыли.

Посреди моря кот хотел что-то сказать собачке и выпустил изо рта перстень. Переплыли через море, а собачка и спрашивает:

— А где перстень?

— Был,— говорит,— да сплыл.

— Как сплыл? Отняли?

— Никто и не гнался за мной. Я перстень ночью схватил, ночью выбежал из дворца — никто и не знал, куда я девался. Прибежал к тебе и поплыли мы через море. Когда уже были посреди моря я разинул пасть, хотел сказать, чтобы ты быстрее плыл, и выпустил перстень.

— Что же мы теперь будем делать?

— Что будем делать? Будем ходить у моря и спрашивать, может найдется кто-нибудь такой, что нам его достанет из моря.

Согрелись они немного на солнце и пошли вдоль моря. Кого бы ни встретили, кого бы ни увидели, всё расспрашивают, может ли он достать перстень со дна моря, не знает ли того, кто бы мог достать: никого такого не найдут. А кот говорит:

— Знаешь что? Пойдем берегом и будем душить жаб и раков. Кто скажет, что вынесет нам перстень, того и отпустим.

— Хорошо,— говорит собачка,— пойдем!

Пошли они. Найдут жабу и спрашивают:

— А что, вынесешь нам из моря перстень?

Так иная и говорит им:

— Если бы я знала, где его искать, так я бы вам нашла и принесла. А так, где же я вам его найду: море большое!

Вот они ее и убьют. Уже все жабы их знали хорошо. Если какую поймают, им так она и говорит:

— Я знаю, где ваш перстень. Отпустите меня, я вам его принесу.

Они отпустят ее, а она себе поплывет, а о перстне и забудет. Сначала жабы боялись их, а потом перестали.

Которая попадется— так сейчас же и говорит, что принесет перстень,— они ее и отпускают. Идут они как-то вечером по берегу моря, смотрят — жабка скачет. Они поймали ее и спрашивают:

— Ты знаешь, где в море лежит перстень?

— Не знаю... квак, квак!

— Если ты не знаешь, так мы тебя убьем!

И стали душить ту жабку. Старая жаба увидела, вылезла из воды такая огромная, как ведро, и говорит:

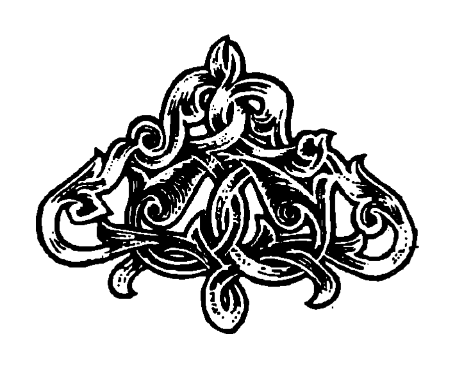
— Не бейте моего ребенка: я вам вынесу из моря ваш перстень.

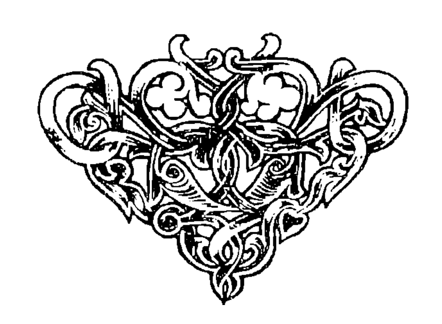
— Хорошо,— говорят.— Мы будем держать ее, пока ты нам не принесешь. Если принесешь, так мы тогда ее отпустим.

Пошла жаба в море, нашла перстень, отдала им. Они перстень взяли, отпустили жабку и побежали домой. Пришли к своему хозяину, а он уже весь хлеб съел; два дня и крошки во рту не было. Совсем высох. Отдали ему тот перстень. Он перебросил с руки на руку — сейчас и явились слуги. Вот он им:

— Развалите этот столб, только так, чтобы он меня не придавил, и чтобы мне сейчас же тут была моя жена.

Разрушили они столб, привезли жену. Вот он эту царевну к лошадиному хвосту привязал и пустил в поле гулять. А сам построил себе дворец и живет с котиком и собачкой.

О ЖЕНЕ ЦАРЕВИЧА — ГУСЫНЕ

Жил-был очень бедный мужик и не было у него ничего: ни земли, ни хлеба, ни скотины — ничего-ничего, только одна изба и была да и та уж такая старая, что и дождь шел сквозь крышу. А у этого мужика была дочка.

Болеет он, так она его положит на печку, укроет чем-нибудь сверху, затопит печку, сварит, что Бог послал, и пойдет на хлеб зарабатывать. Что за день заработает, так на следующий день уже и нет ничего. Бились они, бились, никак не разживутся. Стали они Бога просить, чтобы он им помог как-нибудь разжиться хоть на ломтик хлеба.

Легли они вечером спать и снится им, что должны они купить конопли, сплести невод и ловить рыбу, вот тогда и разбогатеют.

Так они и сделали. На последние деньги купили конопли, дочка спряла, а мужик сплел невод и пошел рыбу ловить. Понесла ему дочка обедать и говорит:

— Сядьте, батюшка, и пообедайте, а я пойду заброшу невод, может, что-нибудь поймаю.

Забросила она невод и поймала три щучки, стала их выбирать из невода. А одна щучка и говорит:

— Девушка-голубушка, отпусти меня! Я тебя сделаю такой красивой, что на всем свете не будет краше тебя.

Стала она другую брать, и та говорит:

— Девушка-голубушка, отпусти меня! Я тебя такой

сделаю, что как повернешься, двое суток будут червонцы сыпаться. А третья говорит:

— Девушка-голубушка! Отпусти меня, я тебя за царевича замуж выдам.

Она взяла и отпустила всех троих; а сама забрала горшки и пошла домой.

Вечером вернулся отец, поужинали, чем Бог послал, и легли спать. Утром встают и рассказывает дочка отцу:

— Снился мне сон.

— И мне,— говорит тот мужик,— снился сон.

— Какой же вам, батюшка, сон снился? Расскажите и мне.

— Нет, дочка, рассказывай ты свой первая, ты моложе.

— Мне,— говорит она,— снилось, что мы на те червонцы, что из меня сыпались, в таком-то городе, в таком-то месте построили дом и перебрались в тот город жить.

— И мне,— говорит,— этот же сон снился; так будем строить дом.

Поехали они в тот город, построили дом и живут,— а она такая стала красивая, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Услышал царевич, что в таком-то и таком городе есть красавица, приехал, обвенчался с ней и повез в свое царство.

Прожили они там, может, месяцев шесть или больше. А одна женщина, которая хотела стать женой царевича, узнала, что уже он женился. Стала она ездить к знахарям, стала расспрашивать людей, чтобы как-нибудь молодую жену со свету свести, а самой сделаться женой царевича. Одни говорят: «Не знаю!», другие говорят: «Не знаю!..» А одна старуха и посоветовала:

— Возьмите,— говорит,— ту ленту, что руки им обвязывали, как они венчались, и набросьте ей на шею. Набросив, бейте ее палкой. Станет она то мышью, то котом, то собакой, то волком, всяким-всяким зверьем, а вы все бейте. А как превратится в птицу, перестаньте бить, она улетит.

Поблагодарила женщина старуху за совет и отправилась в тот город, где царевна жила. Приехала туда, расспросила,

как её найти, взяла ленту и пошла. Приходит — она сидит за столиком. Подкралась женщина, набросила царевне на шею ленту, вынула из-под полы палку и давай ее бить. Стала жена царевича мышью, котом, собакой, волком, разным-разным зверьем, а та все бьет... До тех пор била, пока та не превратилась в гусыню и не улетела. Тогда она переоделась в платье, которое носила жена царевича, и стала жить у царевича.

А у того царевича был такой повар, который ходил на охоту. Пошел он в лес, видит — на сосне гнездо и что-то шевелится в том гнезде.

— Что это,— думает,— за птица такая гнездо устроила? Я еще сроду такого гнезда не видел. Полезу я и посмотрю.

Сбросил он сапоги, полез к гнезду, а там маленький ребенок лежит и ручонками разводит... Взял он то дитя, принес домой и положил на печку. Зашел царевич в кухню, посмотрел на печь.

— Что это,— говорит,— у тебя на печке?

— Ребенок.

— Где же ты его взял?

— В лесу,— говорит,— на сосне в гнезде лежал.

Взял царевич того ребенка на руки, вдруг прилетает под окно гусыня:

— Га! Га! Га!.. — кричит бедная и просится в кухню.

— Пусти,— говорит царевич, ту гусыню, открой окно, пускай она не кричит.

Открыл повар окно, она так возле того ребенка летает и кричит, и глаз бедная с ребенка не спускает. Понес царевич ребенка в другую избу, посмотрел в зеркало — а он, как две капли воды, похож на него. И понял он:

— Это мою жену превратили в гусыню. А это,— думает себе,— мой родной ребенок.

Пришел он к повару и говорит:

— Пойди и поищи людей таких, чтобы посоветовали, что мне делать — это не гусыня, это моя жена.

— Хорошо,— говорит повар.

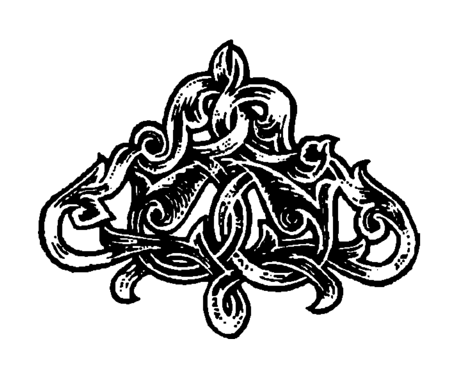
Пошел по царству, стал расспрашивать людей. Ему одна старуха и посоветовала:

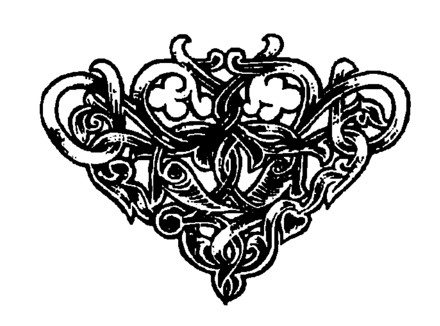
— Возьми,— говорит,— сыночек, ту ленту, что им

руки обвязывали, когда они венчались, и набрось гусыне на шею, она снова станет женщиной.

Повар вернулся домой и рассказывает царевичу: так и так,— говорит,— посоветовала одна старуха сделать. Царевич сразу достал ленту, набросил гусыне на шею, стала она снова женщиной, как и раньше была.

Тогда велел царевич ту самозванную жену привязать к хвостам жеребцов и пустить их во чисто поле гулять.

ЦАРЕВИЧ-ДУРЕНЬ

Был себе царь и было у него трое сыновей: два умных, а третий, младший,— дурень. Вот царь и говорит старшему:

— Походи по свету, что увидишь — все мне, старому, расскажешь.

— Хорошо,— говорит тот,— пойду. Дайте мне денег и хлеба на дорогу.

На следующий день царица сшила своему сыну такой мешок, какие помещики на охоту берут, а, может, и еще лучше. Положила в него хлеба, масла, колбас и отдала сыну. А царь дал ему денег, рублей, может, пятьдесят, а может, и сто, да и говорит:

— Возьми же, сынок, эти деньги на дорогу и смотри, не возвращайся, пока не узнаешь в каком-нибудь царстве такой прекрасной вести, которая бы меня, старого, обрадовала.

Вот царевич взял мешок с хлебом и маслом, забрал деньги и отправился в дорогу.

Идет он, идет, идет и идет, уже, наверное, месяц ходил, услыхал, что в некотором царстве, далеко за синим морем, живет царская вдова и сколько уже царей и царевичей, королей и королевичей к ней хотели добраться, но ни один не смог.

У ворот перед дворцом, где она жила, есть стража: у первых ворот лежат два медведя, у других — два льва, а у третьих ходит острая пила и никого в эти ворота не пускает. Если случится, что медведи не доглядят, так львы

раздерут на кусочки; а если львы пропустят, так уж тут пила голову отнимет.

Думал тот царевич, думал, а дальше говорит сам себе:

— Пойду, может, и доберусь до нее.

Вот и пошел он. Идет и идет, идет и идет, приходит к морю.

— Ну,— думает,— сяду тут, немного отдохну и поем.

Разложил он на берегу свои пожитки, нарезал по-барски хлеба, намазал сверху побольше масла, сел и ест. Вдруг выходит из моря древний старик, мохом оброс и белый, словно молоко; а борода блестит, как снег на морозе. Подошел он к царевичу и говорит:

— Дал бы ты, сынок, и мне кусок хлеба.

— Э,— говорит,— где же я тебе возьму? Ты же видишь, что я и сам немного имею.

Погрозил тогда дед пальцем царевичу, и тот сразу превратился в камень, да и остался лежать у моря.

Вот через год посылает царь другого сына по свету побродить.

Пошел и тот, взяв в дорогу хлеба и сала. Подходит он как раз к морю, где его старший брат камнем лежит. Уже так устал, что еле ноги передвигает. Смотрит — камень.

— Сяду-ка я,— думает,— на том камне да поем, не пойду ли быстрее.

Сел он и ест, выходит из моря тот самый дед.

— Дай,— говорит,— сынок, и мне, старенькому, кусок хлеба.

— Э, дай... У меня и самого ничего нет. Или тебе повылазило, что ты не видишь? Как же я тебе дам?

Не дал и тот хлеба. Дед погрозил ему пальцем, стал уже и другой камнем.

Ждет царь своих сыновей домой — нет их. Вот и год прошел, и другой прошел, а сыновья — как в воду канули: нет и нет. Уже пошел третий год. Царь и говорит младшему сыну, которого все дурнем звали:

— Собирайся и ты в дорогу: может, какую-нибудь весточку принесешь или, может, братьев своих встретишь, так скажи, чтобы быстрее возвращались домой.

— Хорошо,— говорит дурень.— Дайте мне денег на дорогу.

Дал царь ему денег и выпроводил из дому. Пошел дурень. Долго ли он шел, коротко ли, приходит в одно царство. Ему там и рассказывают, что есть на таком-то море остров, а на том острове стоит стеклянный дворец и в том дворце живет такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот дурень и думает:

— Пойду-ка я сам к ней, может, мне повезет.

Пошел. Идет, может, месяц, а может, и год. Дошел до того моря, где его братья лежат. Захотелось ему есть. Сел он на камень и стал есть. Подходит к нему тот же дед и просит хлеба.

— На,— говорит,— человек добрый, возьми! Я сам знаю, как плохо быть голодным.

Взял тот дед хлеб, поблагодарил его и говорит:

— Куда же тебя, сынок, Бог несет?

— Я,— говорит,— услышал, что за морем есть такая-то и такая царица, так вот я к ней иду.

— Где там тебе, сын, самому дойти к ней? Если хочешь, я тебе помогу.

— Хорошо,— говорит,— дедушка, помогайте, если хотите!

Дед пошел к морю и вскоре вывел из моря жеребца, такого маленького, что и конем не назовешь.

— На,— говорит,— сынок, сядь на этого конька, может и доедешь.

Тот поел, сел на конька и поехал. Уже и солнце взошло, уже и петухи запели, а царевич-дурень все едет и едет.

— Эй,— говорит конек царевичу,— не гони быстро, там около дворца стража стоит. Если медведи не съедят, так львы раздерут, а если и львы пропустят, так уже пила уничтожит нас.

Подождали еще немного, в полночь идут — стража спит. Царевич быстрее в ворота — медведи спят. Он в другие — и львы спят. Он к третьим подошел — и пила отдыхает. Он так быстренько под ней пробежал — и ко дворцу. Прошел одну горницу — на столах стоят мед и вина; он напился и пошел в другую горницу. А тут на столах тарелки стоят, и ножи, и вилки и еды всякой-всякой, какая только на свете бывает. Он сел в кресло, наелся и пошел дальше. А там все горницы: одна лучше

другой — все зеркала, золото да серебро. Вот видит он — лежит на кровати сама царица и такая красивая! Он так и затрепетал, увидев ее, и сам не знает, испугался он или обрадовался. Подошел к ней. Долго ли там был или недолго, а уже уезжать пора, чтобы стража не задержала. Видит — чернила и бумага лежат. Он написал маленькое письмо, что такой-то тут был, то и то ел, то и то пил, заложил то письмо за стекло и скорее в двери. Приходит к первым воротам — пила еще отдыхает; он пробежал под ней и сам не знает как. Ко львам — а они уже не спят: один потягивается, ревет и лапой махнул и другой тоже. А царевич пригнулся под лапами, проскочил и через вторые ворота. А там уже медведи потягиваются и ревут так, что земля гудит. Он как услышал, так и обмер, но все-таки поспешил к своему коньку. Приходит к третьим воротам — медведи его спросонок лапой — цап! Он пригнулся, медведи еще пуще заревели. Он на конька, а тот говорит:

— Эх, опоздали! Но, может, Бог даст, убежим.

Проехали они, может, день, а может, больше,— никто не гонится. Они отдохнули немного и поехали к деду. Приезжают к морю, а дед уже стоит на берегу и спрашивает:

— А что, сынок, был у царицы?

— Был.

— А знаешь ты, что это за камни лежат?

— Нет,— говорит,— не знаю.

— Это же твои родные братья. Я у них хлеба просил, они не дали. Я их и превратил в камни.

— Прошу тебя, дедушка,— взмолился царевич-дурень,— сделай так, чтобы они еще увидели свет божий.

Дед погрозил пальцем и царевичи ожили: так и одеты, так и мешки около них лежат.

Поблагодарил дурень за конька, забрал своих братьев и пошел домой.

— Где же ты, дурень, побывал? — спрашивают братья.

— За морем у царицы.

— Что же ты там видел?

— Эге! Чего я только не видел!

— Что же ты там делал?

— Что же я делал?.. Наелся, напился, переночевал и воротился домой.

Старшие братья стали советоваться между собой.

— А знаешь что? — говорит один брат другому.

— А что?

— Стыдно нам будет перед отцом, перед матерью и перед людьми, что младший наш брат, дурень, а к царице доехал, а мы умные и не доехали.

— Убьем,— говорит,— брат, его и скажем дома, что мы его не видели в дороге. А как спросят нас дома, где мы были и что видели, так будем говорить, что были у царицы за морем и рассказывать то, что нам дурень поведал.

— Нет,— говорит другой,— жалко брата родного убивать. Хотя он и дурень, а все-таки жалко. Лучше бросим его в колодец глубокий, что на краю дороги стоит, из которого мы воду пили.

— И то,— говорит старший,— хорошо. Так и сделаем.

Взяли они дурня, бросили в колодец, а сами пошли домой. Пришли и рассказывают то, что им дурень поведал. Отец и мать обрадовались их возвращению, пир устроили, гостей созвали, чтобы и те услышали, что их сыновья рассказывать будут.

А тем временем дурень сидел в колодце и кричал. Кричит и кричит, вот едет какой-то купец. Подъезжает к колодцу и велит извозчику:

— Стой!

Остановился тот.

— Достань воды мне напиться!

Извозчик к колодцу — увидел дурня и говорит:

— Тут человек какой-то сидит.

Ну, вытаскивай и человека.

Вытащил извозчик того человека. Купец посмотрел на него и говорит:

— Ты мне, братец, понравился! Я тебя слугой возьму — будешь со мной ездить по свету.

— Хорошо,— говорит.— Спасибо за то, что от смерти меня спасли. Я вам буду служить, сколько захотите.

Целый год прослужил царевич-дурень у купца, пока тот не умер.

Воротился дурень домой. А тут как раз пришло письмо

от царицы, у которой он побывал: «Такой-то и такой царевич из такой-то и такой земли у меня был; пускай он прибудет ко мне: я его царем сделаю, все свое царство ему отдам, сама ему женой стану».

Пришло письмо к младшему царевичу, но братья его решили сами идти к царице. Пошел сначала старший. Приходит он к царице, она его и спрашивает:

— Ты был у меня?

— Я,— отвечает.

— Ну, если так, скажи мне, какая у меня была тогда стража?

— Солдаты,— говорит,— стояли всюду на воротах.

— Не ты у меня был, если так говоришь.

И прогнала его. Пришел он домой и рассказывает среднему брату, что так-то и так, царица меня не узнала, говорит, что не я у нее ночевал, а я присягну, что я, действительно я!

А дурень слушает и думает: подожду еще немного, что из этого будет?

Посылают среднего брата. Посоветовались царь с царицей, что будет лучше, если еще одно царство перейдет к ним.

— Пошлем,— говорят,— еще другого, может, посчастливится ему.

Вот послали и другого сына. Приходит он к царице, она его и спрашивает:

— Ты был тогда у меня?

— Я,— отвечает.

— А у меня тогда какая стража стояла?

— Стояли,— говорит,— солдаты с ружьями и пиками: были и такие, что на лошадях около дворца ездили.

Прогнала она и того. Воротился и он домой, рассказывает, что произошло. Тогда дурень говорит:

— Пойду я. Мне удастся, вот увидите.

Все смеются над ним.

— Куда тебе! — говорят.— Получше тебя ходили и то воротились, а тебя и к царице не допустят...

— Ничего,— говорит,— пойду, Бог даст, получится.

Приходит он к той царице, зашел во дворец. А ей уж сказали, что такой-то и такой царевич пришел. Она и вышла, спрашивает:

— Был ты у меня тогда-то?

— Был — отвечает.

— Что же ты у меня пил и ел?

— Вот — говорит,— в тех палатах были накрыты столы: там, на тех столах разные напитки и еда; в тех горницах стояли вина: я то пил, то ел.

— Ну, теперь скажи мне, какая у меня тогда стража стояла?

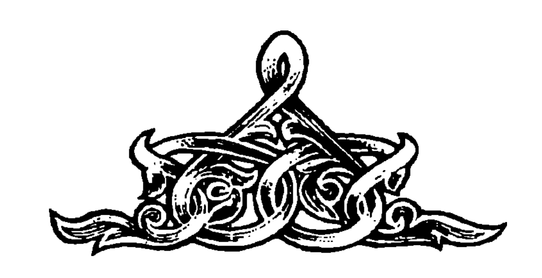
— У первых ворот стояли медведи, у других ворот стояли львы, а у третьих ворот острая пила ходила. А больше никакой стражи не видел.

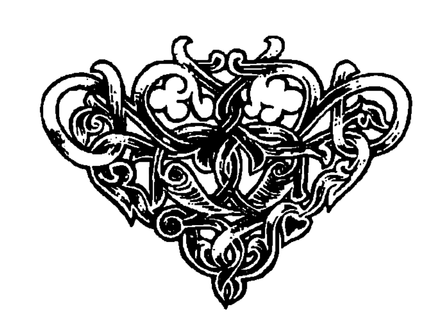
— Так,— говорит,— правда, правда. Все правда, что ты говорил.

Обняла его, поцеловала и говорит:

— Ну, теперь ты будешь моим мужем и царем.

На следующий день они поженились и он написал своему отцу, что уже отпраздновали свадьбу и живут себе. А его братья — не знаю, наверное, и до сих пор не женились, потому что им было стыдно: они, умные, ничего не сделали, а дурень пошел и на следующий день женился.

ДВА ЦАРЕВИЧА

Жили-были два брата-царевича и были они богатырями: большую силу имели. Однажды услышали они, что в другом царстве живет царевна, прекрасная и сильная. Старший брат говорит младшему:

— Пойдем свататься. Кого из нас она выберет, тот и будет ей мужем.

— Пойдем,— сказал младший.

Пошли они.

Вот идут, идут. Долго ли, коротко ли ходили — приходят в то царство, где живет царевна. Там им дали вдоволь поесть и попить. Легли они спать вечером. А царевна, когда они уснули, отрубила одному ноги, а другому — руки. Что им делать? Вот тот, что без рук, и говорит безногому:

— Садись мне на плечи, я тебя понесу.

Сел тот и понес его безрукий. Пришли в лес.

— Ну,— говорит старший,— будем тут жить. Построим себе дом.

Вот тот, что на плечах у безрукого, как схватит дерево, так с корнем дуб и вырвал. Сделали они себе дом и живут. Ходят на охоту. Старший гоняется за добычей, потому что у него ноги есть, а младший, который на плечах, ловит, потому что у него руки есть. Так и живут себе.

Только слышали они от людей, что в каком-то царстве, на какой-то праздник царевна созывает всех нищих и калек на поминки. Что же им делать?

— Пойдем,— говорит старший брат,— хоть на людей посмотрим и царевну увидим. Говорят, что такая ладная, такая прекрасная, что лучше нигде нет.

Пошли они. Тот, что без ног, сидит на плечах у того, что без рук. Тот как ступит раз, так, может, полверсты: вестимо — богатырь! Вышли утром, а на обед пришли в то царство. А там столько нищих, калек!.. А царевна сама вокруг ходит и угощает всех. Дошла очередь до них. Царевичи как увидели ее, так и очей не отведут. Она как посмотрела на них, так ей стало их жалко: такие красивые — и калеки. Наливает она чарку, а тот, что с руками, как схватит царевну, как побежит тот, что с ногами...: так и не угнаться! Царь в погоню на конях, но где там конем догнать. Идут быстро, птицею летят. Принесли царевну домой и говорят:

— Будь нам за сестру!

— Смотри же,— говорит старший брат младшему,— не трогай ее: будем жить, как братья с сестрой.

А младший говорит старшему:

— Смотри же и ты не трогай!

Вот живут себе хорошо: она хозяйничает. Только видят, что она что-то чахнет — такой худой становится. Вот и спрашивает один у другого:

— Приметил ли ты, брат, как наша сестра похудела?

Не знают оба отчего. Вот и начали они ее расспрашивать:

— Скажи нам, сестра, голубка, чего это ты чахнешь. Отчего такая худая стала?

А она и говорит:

— Братья мои милые, братья мои любимые, и сказала бы я вам, да боюсь.

— Не бойся, сестра, говори. Может, мы тебе совет дадим.

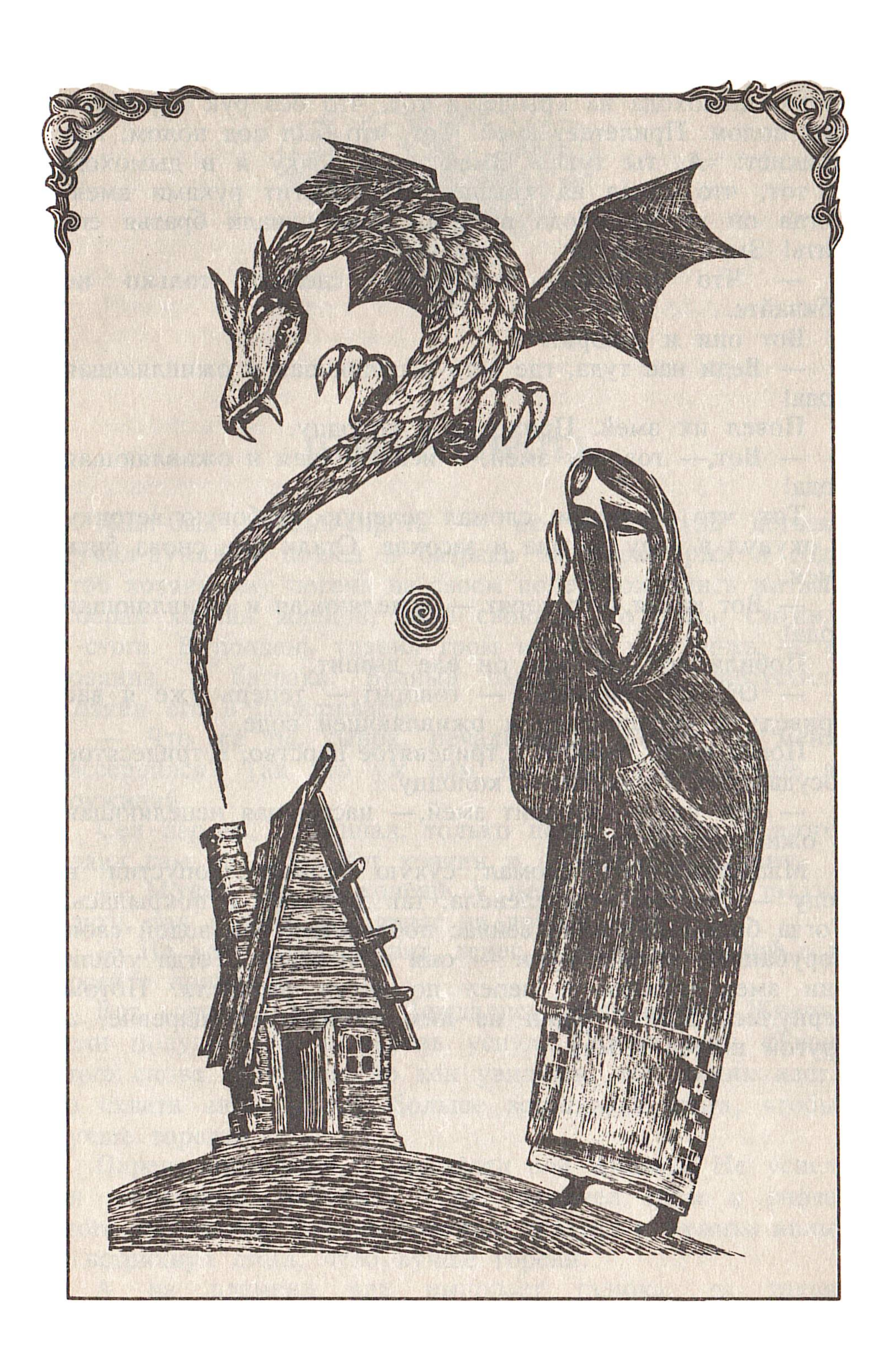
Она и говорит:

— Повадился ко мне проклятый змей — прилетает и кровь из меня сосет. Когда вы уходите на охоту, так он через дымоход и прилетает.

— Почему же ты нам до сих пор не рассказала? — спрашивают братья.

— Напугал он меня. Говорит: съем, если скажешь.

Вот братья и пошли на охоту. Тот, что без ног, сел

около дымохода на крыше, а тот, что без рук спрятался под полом. Прилетает змей. Тот, что был под полом, как крикнет: «А, ты тут!..» Змей — в печку и в дымоход. А тот, что сидел на крыше, как схватит руками змея, когда он из дымохода вылетал. Как начали братья его бить! Змей просится:

— Что хотите,— говорит,— сделаю, только не убивайте.

Вот они и говорят:

— Веди нас туда, где есть исцеляющая и оживляющая вода!

Повел их змей. Приходят к колодцу.

— Вот,— говорит змей,— исцеляющая и оживляющая вода!

Тот, что с руками, сломал зеленую вербовую веточку и окунул в воду — она и засохла. Стали они снова бить змея.

— Вот какая,— говорят,— исцеляющая и оживляющая вода!

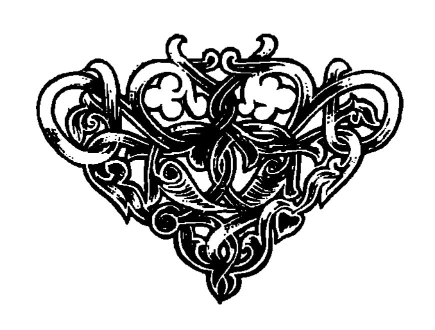
Побили его так, что он еле дышит.

— Ой, не убивайте! — говорит,— теперь уже я вас приведу к исцеляющей и оживляющей воде.

Повел он их, может, в тридевятое царство, в тридесятое государство. Подходят к колодцу.

— Вот уже,— говорит змей,— настоящая исцеляющая и оживляющая вода.

Младший брат сломал сухую веточку, опустил в воду — она так и зазеленела, так листьями и покрылась. Тогда братья-царевичи сейчас побрызгали той водой свои порубанные ноги и руки — они и выросли. Тогда убили они змея, сожгли и пепел по ветру развеяли. Потом вернулись домой. Один из них женился на царевне, а другой пошел в мир.

ПАРЕНЬ-СИРОТА

Жил-был парень-сирота — не знал, куда деться. Думал-думал и пошел в батраки за мерку ржи в год, чтоб хозяин ему посеял на своем поле. Дождались жатвы. Собрал хозяин жнецов, сжал свою и его рожь, сложил в стога. В полдень ударил гром и сжег всю рожь — и хозяина, и батрака. Бедный парень сел и загрустил. Хозяин его и спрашивает:

— Что же ты, сынок, печалишься? Может, на меня рассердился? Так это уж нам Бог дал. Сядь лучше и поужинай.

Сел парень, поужинал, только целый год после этого ходил сам не свой. Вот хозяин и спрашивает у него:

— Может, ты не хочешь у меня служить за такую плату, так я тебе дам денег на другой год?

— Не хочу я,— говорит, денег. Только на другой год посейте полкорца.

Вот хозяин и посеял. Дождались снова жатвы. Жнецы сели полудничать, а парень уснул. Снится ему: «Твои стога снова загорятся, но как увидишь, что мужик идет, то схвати вилы и еще больше встряхивай стога, чтобы лучше горели».

Парень проснулся и рассказал сон жнецам. Не успел он договорить, набежала туча, загремел гром и снова стога загорелись. Парень побежал, схватил у мужика вилы и встряхнул стога, чтоб лучше горели.

А из пламени как выползет гадюка, да такая

здоровенная, как та жердь, которой снопы стягивают, и вцепилась в парня.

Жнецы пришли домой, сели обедать; пришел парень, примостился в сарае и тужит. Приходит к нему хозяин и спрашивает:

— Что тебе, сынок, Бог дал?

— Бог его знает, что оно такое?.. Гадюка выскочила из огня и вцепилась мне в шею. Мне люди советовали оторвать ее, но невозможно, так она уцепилась.

— Потерпи, сынок. Бог нас держит на свете, держи и ты ее.

Легли спать вечером. А парень и не ложился, так и просидел всю ночь. Ночью снится хозяину: поведет он своего батрака в церковь, поставит на том рушнике, на котором венчаются,— гадюка сама упадет (а было это как раз в субботу).

Утром хозяин так и сделал: повел парня в церковь, поставил на рушник. Гадюка так и упала на землю, обернулась девушкой и держит рушник в руках, чтобы руки обвязать. Вот их и повенчали как положено.

Вернулись они домой, живут богато, только его жена не отпускает никуда. Вот он и говорит жене:

— Зачем мне дома сидеть? Пойду. Или я не такой, как другие мужья, что они ходят, куда хотят, а я дома сижу.

— Ну,— говорит,— иди, только не ругай гадючью мать. Смотри же, не ругай! — приказывает ему жена.

— Хорошо,— говорит,— не буду.

Вот он собрался в дорогу, поехал, а когда уже возвращался домой, захотелось ему посмотреть на свое поле, убрала жена рожь или нет.

А его жена была колдуньей, только виду не показывала. Вот она, как пришла пора, собрала птиц и приказала им, чтобы они выбрали из колосьев зерна и отнесли их в засеки, а колосья оставили в поле.

Муж посмотрел — стоит рожь.

— Вот,— говорит,— гадючья мать, черт бы ее побрал вместе с гадюкой — до сих пор еще рожь не убрала.

А жена слышала это. Рассердилась, расплела косы, села за стол и дожидается его. А тот приехал и спрашивает:

— Почему ты, жена, не говоришь со мной?

— Как же я с тобой буду говорить, если ты мою мать ругал? Я же тебя просила, когда ты уезжал, чтоб ты не ругался. Я и сама из гадючьего рода, но никому зла не делала. Я у тебя добрая жена; у меня давно уже зерно собрано, в засеки засыпано. Теперь, муженек, ты не мой и я не твоя — ухожу от тебя.

Встала из-за стола и ушла. Вот идет, идет, а муж — за ней, просит ее, чтоб вернулась. Дошла она так до моря и идет по морю, а муж — за ней. Но она поверху идет, а муж тонет. Оглянулась она, видит, что муж тонет, и говорит ему:

— Вернись, пропадешь! Вернись, тогда хоть ты за детьми присмотришь!

— Нет, не вернусь: детей утоплю и сам утоплюсь.

— Вернись, Иван, будет твое счастье с тобой.

Это она его в первый раз Иваном назвала, а то все так. Он вернулся, а она пошла.

Вот пожил Иван с детьми немного: они поумирали, а он пошел воевать. И попал он в плен к одному барину. И послал его тот к морю узнать: отчего солнце, когда всходит — красное, а как заходит — синее?

Пошел он. Идет, идет, видит — две горы бьются. Спрашивают они его:

— Куда ты идешь?

— Иду,— говорит,— к морю, спрошу у него, отчего солнце такое красное, когда всходит, и синее, когда заходит.

— Ну иди,— говорят,— спроси там у него, долго ли нам биться.

— Хорошо,— говорит. Пошел дальше.

Вот видит, лежит человек в лотке водяной мельницы и кричит:

«Ой, воды, воды, воды!» Этого человека Бог покарал за то, что он не дал путнику воды напиться.

Вот он и спрашивает:

— Куда ты идешь?

— Иду к морю потому-то и потому.

— Спроси,— говорит,— у моря, долго ли мне тут лежать?

— Хорошо,— говорит.

И пошел дальше. Видит, девушки на коленях по камням лазят. Спрашивают они его, куда он идет. Он им рассказал. Они и просят:

— Спроси, долго ли нам еще тут ползать?

Это их Бог покарал за то, что они мусор до восхода солнца выбрасывали.

— Хорошо,— говорит.

И пошел до самого моря.

Подходит к какому-то дому, а там жила мать Солнца. Она его посадила в подполье, так как ожидала Солнце полудничать.

Сын-Солнце пришел и спрашивает:

— Что это, мама, в нашем доме человеческим духом пахнет?

— Это тебе, сынок,— отвечает,— показалось, ты по белому свету находился, человеческого духа нанюхался, вот тебе и кажется.

Стала она его расспрашивать о человеке, что лежал в лотке, о девушках, которые на коленях лазили по камням, про горы, которые бились. Сын-Солнце рассказал: то-то и то-то. Мать снова спрашивает его:

— Почему ты, сынок, такой красный всходишь, а синий заходишь?

— В море, мама, есть такая красивая девица, что как я на нее погляжу, так сразу краснею, а к вечеру устаю, вот и синею.

А Иван лежит в подполье и все это слышит. Потом воротился к тому барину, который его послал к морю. Барин и говорит:

— Раз ты слышал об этой девице, то и достань мне ее.

Сел он на коня, едет и печалится. А конь ему и говорит:

— Не печалься: ты ее достанешь, только найди такой рушник, который на Пасху семь лет святился.

Достал он такой рушник, подъехал к морю — а тут рак вылез. Конь и говорит:

— Дай этому раку рушник, он тебе ту девицу приведет.

Он так и сделал. Рак отправился и через час привел девицу. Привез ее Иван своему хозяину. Она и говорит:

— Если он такой умный, что меня из моря достал, так пусть и мое стадо оттуда приведет.

Пошел Иван к своему коню и плачет. Конь говорит:

— Не печалься: пойди к барину, попроси столько денег, чтобы можно было несколько телег соли купить. Насыплем тропинку от моря, скотина сама выйдет.

Вышло стадо. Идут домой. Конь и говорит как стали подъезжать к господским воротам:

— Как ты будешь без меня жить: меня бык убьет прямо в воротах?

— Поедем через другие ворота.

— Нет,— говорит,— нельзя.

Въехали в ворота. Бык повернулся и пробил коню бок.

Девица велела выдоить коров и молоко сварить в таком большом котле, что купаться можно. А потом говорит Ивану:

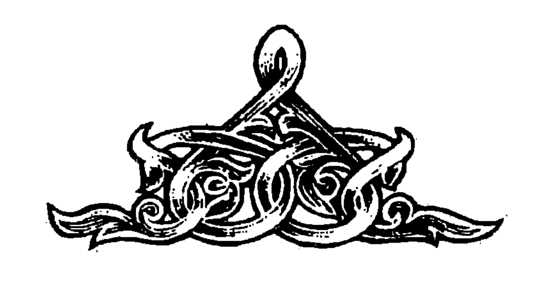
— Искупайся в кипящем молоке.

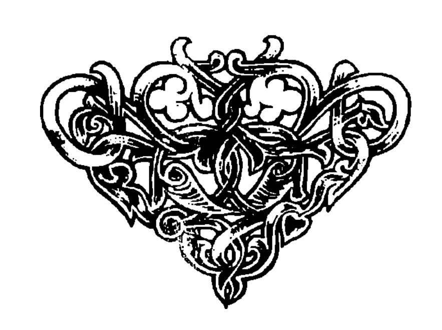
Иван прыгнул, трижды нырнул в молоко и выскочил такой красивый, как цветочек. Девица обращается к старому хозяину:

— Ты б, голубчик, искупался: смотри, как Иван похорошел и ты будешь такой красивый.

Барин как прыгнул, так и косточки его рассыпались. А Иван женился на той девице, что из моря достал.

Так и живут, хлеб жуют.

ГОЛОПУЗ

Жили купец и купчиха. Были они бедными. Вот купец и говорит:

— Нужно, жена, как-нибудь на хлеб заработать.

А она ему отвечает:

— Ну что ж, запрягай лошадей и поезжай.

Он немного подумал, а потом запряг двенадцать повозок и поехал верст за пятьсот в один город и там стал торговать. Торговал он лет двадцать и разбогател так, что и сам не знал, откуда у него взялось такое богатство. Вот он и говорит себе:

— Давно был дома. Не знаю, что там делается. Нужно проведать.

На другой день забрал он своих приказчиков и поехал. Уже полдороги проехали, но тут случилась беда. Коней напоить надо. Ищут воды — нет. А кони уже ржут. Что делать? Верст на пять вокруг искали воду — нет нигде. Сошлись к повозкам и хотели уже уезжать, как вдруг вылез из-под земли какой-то человек, и говорит:

— Что дашь мне, если я тебе воды достану?

— Что ж я тебе дам? Денег! Вот смотри — двенадцать повозок с деньгами. Я тебе одну дам.

Он ему отвечает:

— Я денег не хочу. Отдай мне то, что у тебя дома есть самое дорогое.

— Я не знаю, что у меня дома самое дорогое. Жена?

— Нет,— говорит,— не жена, а еще дороже жены.

— Ну, ладно,— говорит купец,— я тебе дам то, что у меня дома есть.

Только он это сказал, как из-под земли забила вода, разлилась словно море. Напоили они коней, сами напились и поехали. Приехали в город, откуда был тот купец, и остановился он в гостином дворе. Заказал себе обед, пообедал хорошо, лег отдыхать. Проснулся, пошел к хозяйке, начал расспрашивать о своей жене, где тут такая-то живет. Удивилась она и говорит:

— Кто ты такой и откуда ты?

— Я сам местный. Ездил торговать и возвращаюсь к своей жене.

— Так, кто же ты такой? Как тебя кличут?

— Загородний.

— Загородний? — крикнула она и обняла его.— Ты мой муж, а я твоя жена.

Обнялись и поцеловались. Вошел в дом какой-то парень, поклонился. Мать взяла его за руку, подвела к отцу и сказала:

— Вот, муженек, наш сын.

Обнялись они, поцеловались и начал купец хозяйство осматривать. Сын повел отца по лавкам -- их всего было двенадцать. Показал сын одиннадцать лавок, подошел к двенадцатой, где деготь продавали, и сказал отец:

— Я устал, не хочу туда идти.

А сын просит: пойдем да пойдем. Вот он и пошел. Вошли туда, смотрят — там записочка лежит. Сын поднял и читает. Как прочитал, так отец и обмер. А потом говорит:

— Не ходи туда, куда тебя приглашают.

А в записке черт написал, чтобы пришел к нему сын купца.

— Нет, батюшка, уже нельзя остаться, надо идти туда, куда мне суждено.

На другой день встал сын пораньше, собрался в дорогу, набрал себе всего, попрощался и пошел. Идет, наверное, целую неделю. Вот и пришел туда, где живет тот черт, которому отец пообещал его.

Смотрит — черт лежит на диване.

— Здравствуй, господин!

— Здравствуй, юноша! Чего тебе надо?

— Так вы же меня звали. Вот и записочка.

— А, знаю, знаю! Ну, пойдем со мной.

И повел его по своему царству, а потом говорит:

— Вот тебе конь и птица. Смотри, слушайся их. Если не будешь слушаться, будет тебе горе.

— Ну, хорошо, буду слушаться.

С этим и разошлись. Хозяин пошел в свой дом, а парень в свой.

На другой день позвал его хозяин и говорит:

— Я иду на войну, а ты оставайся тут и корми их. А нет, то они так заревут, что я и на войне услышу. Прилечу сюда и тебя съем.

Поехал он на войну, а Иван пошел к коню и птице. Накормил их, вошел в дом и сидит. Слышит — что-то грохочет. Выскочил он, смотрит — приехал хозяин. Вошел в дом и спрашивает:

— Что же ты? Кормил моего коня и птицу?

— Кормил.

— Ну, смотри! Ты теперь в моих руках. Что захочу, то и сделаю. Ну, иди же в свой дом, а я немного отдохну и снова поеду.

Иван пошел, обошел свое хозяйство, а черт уснул. Иван тоже задремал. Вот слышит: вошел в дом хозяин и будит его.

— Вставай,— говорит,— я собираюсь ехать на войну.

Попрощались, черт и уехал. Так и оставался у него Иван на хозяйстве целый год. А на Пасху вошел в конюшню и заплакал. Вот конь его и спрашивает:

— Отчего ты плачешь?

— Как же мне не плакать, когда нет у меня ни будней, ни праздников.

— Не плачь,— говорит,— видишь эти бочки, которые возле меня стоят. Напейся сильной воды. Тот выпил из одной бочки. Конь ему говорит:

— Подними эту бочку. Если поднимешь, то хватит пить, а если не поднимешь, то пей и со второй.

— Ну, выпил? — спрашивает его конь.

— Выпил,— говорит Иван.

— Если выпил, то попробуй свою силу. Разорви цепь, которой я привязан.

Иван как взялся, так цепь и разорвалась.

— Садись же на меня теперь,— говорит конь.

Иван сел, а конь и спрашивает:

— Как тебя нести? Ниже небес или выше деревьев?

— Ниже небес,— отвечает Иван.

Летели они целый день, с утра до захода солнца. Говорит Иван коню:

— Пора уже отдохнуть. Посмотри: нет ли чего на земле, где бы можно было отдохнуть.

— Нет,— говорит.— Вон что-то видно, словно муравьи ползают.

— Ну так спускайся,— говорит Иван.

Спустились, смотрят: овцы пасутся и чабаны сидят.

— Здравствуйте, молодцы,— говорит Иван.

— Здравствуйте! Что вам нужно?

— Я пришел, чтобы вы мне поесть приготовили.

— Что же вам сварить?

— Да хотя бы половы в большом чугуне.

Они ему сварили. Вот он взял и вымазал себя всего половой: потому что был очень красивым и измазался, чтобы в него не влюблялись.

Иван спросил чабанов, что им заплатить за это. Один говорит: «Тридцать рублей». Иван дал, сел на коня, попрощался и поехал.

Приезжает в одно село. А там жил богатый барин. Слез Иван с коня, а конь вырвал из себя три волоса и дал ему.

— Возьми,— говорит,— себе эти три волоса. Если я понадоблюсь, то подожги один — я и прибегу к тебе.

Вот взял он три волоса и пошел. Смотрит — стоит высокий дом. Он голову задрал — сидит барин. А у того барина было три дочки.

— Здравствуйте, барин!

— Здравствуй, брат! Чего тебе надо?

— Пришел, чтобы вы меня наняли.

— А что ты можешь делать?

— Все, что хотите.

— Найму-ка я тебя чистить сад. Как же тебя зовут?

— Голопуз.

Пошел он в сад. А там был главный садовник. Вот он и велел Голопузу весь сад обкопать рвом в сажень до обеда. А тот и говорит ему:

— Сделайте мне лопату в аршин шириной и в сажень длиной.

Ему сделали такую лопату. Дали, он и пошел копать ров. Копнет — так в сажень и выкопает яму. Обкопал к обеду весь сад и лег отдыхать. А младшая дочь хозяина и говорит отцу:

— Велите ему, батюшка, чтобы он к обеду все дорожки вычистил.

Барин пришел и говорит Голопузу:

— Чтобы к обеду ты мне все дорожки вычистил в саду.

— Хорошо, я вычищу. Сделайте мне только грабли такой ширины, как дорожка.

Ему сделали. Он пошел чистить. Зацепил — так всю дорожку сразу и вычистил. Вычистил все дорожки к обеду, лег и отдыхает. Приходит барин:

— Что? Вычистил?

— Вычистил.

А барин злится:

— Вот, вражий сын! Как он так скоро вычистил?

Младшая дочь снова говорит отцу:

— Скажите садовнику, чтобы к рассвету сад отцвел и чтобы яблоки были.

Барин позвал к себе главного садовника и сказал ему:

— Сделай так, чтобы сад к рассвету отцвел и чтобы фрукты на деревьях были!

Идет садовник и плачет. А Голопуз спрашивает:

— Отчего ты плачешь?

— Как же мне не плакать, если приказал барин, чтобы к рассвету отцвел сад и фрукты были.

— Ложись и спи — к утру все будет.

Садовник лег спать. Не спится ему. Думает, что ему будет завтра от барина.

Вот Голопуз поджег один волос, что конь дал ему. Прискакал конь.

— Почему ты, хозяин, так скоро позвал меня? Не дал и нагуляться.

— Как же мне тебя не звать, если приказал барин, чтобы к утру отцвел сад и фрукты были.

Конь обежал один раз весь сад. Как заржал, так весь сад и зацвел. Потом другой раз обежал. Как заржал, так

весь цвет и опал. Третий раз обежал. Как заржал, так и яблоки выросли. Тогда Голопуз нарвал яблок и понес к садовнику. Разбудил его и говорит:

— Возьми и положи на стол барину.

Садовник обрадовался. Поблагодарил и пошел. А Голопуз уснул под деревом.

Проснулся барин. Смотрит — яблоки лежат. Удивляется, откуда они взялись. Не верит, что то в его саду растут. Смотрит — таки да, растут.

Идут в сад гулять барышни, все три. Гуляли, срывали яблоки, ели. А младшая барышня увидела, что лежит Голопуз под деревом. Подошла ближе к нему, смотрит — красавец! Она и влюбилась в него.

Захотел барин отдать своих дочерей замуж. Приехали к нему вельможи... Вот барышни и пошли выбирать. Впереди идет старшая.

Ходила, ходила и нашла себе жениха.

Потом и средняя нашла. А младшая ходила, ходила и не нашла себе пары. Говорит:

— Батюшка, я не нашла жениха!

— Ну, так я отдам тебя за Голопуза! — сказал, рассердившись, барин.

Она и обрадовалась:

— Хорошо, я выйду за Голопуза.

Отдал он всех дочерей замуж: старших за господ, а младшую — за Голопуза. Дал им земельку,— они и живут себе.

А другие вельможи взбунтовались, что он отдал свою дочь за мужика и стали с ним воевать.

Приходят сестры к Голопузу и просят его:

— Пусти сестрицу с нами прокатиться.

— Пускай едет, только назад привезите.

Поехали они. А Голопуз поджег волос. Прискакал конь.

— Чего тебе надо, зачем ты меня звал?

— Поедем прокатиться,— сказал Голопуз.

— Влезь ко мне в правое ухо, а из левого вылезь...

Он влез и вылез таким красавцем-юношей, что пером не описать, а только в сказке сказать. Сел на коня и едет навстречу сестрам. Подъехал к ним и нарочно упустил вожжи. Старшая сестра и говорит младшей:

— Пойди, подними тому юноше вожжи.

Она сошла с повозки, подняла вожжи, отдала ему и поцеловала в руку. Проехали мимо него сестры, спрашивают младшую:

— Ты знаешь, кто это такой красивый?

— Не знаю.

А она узнала своего мужа, только не хочет сказать, что это он.

Вот сделал себе Голопуз шатер и лежит в нем. Прибегают к нему от барина, просят, чтобы пришел и помог воевать.

— Я никому не хочу помогать. Я буду на той стороне, которая сильнее окажется. Приеду потом.

Приехал он и пошел к барину, на его сторону. Побил всех противников. Барин позвал его к себе, хотел угостить.

А он и говорит:

— Нет, я не хочу ничего.

Поехал домой в свою землянку. Коня отпустил и снова — Голопуз.

Захотели второй раз вельможи воевать с барином, его тестем. Снова пришли сестры, просят, чтобы он отпустил сестру прокатиться. Он отпустил, но с тем, чтобы назад привезли. Сестры поехали, а он поджег волос. Конь прискакал к нему и спрашивает, чего ему надо.

— Поедем прокатиться.

— Ну, влезай же ко мне в правое ухо, а вылезай из левого.

Тот влез и вылез юношей-красавцем. Поехал навстречу сестрам, упустил нарочно вожжи на землю. Младшая сестра подняла снова, подала ему и поцеловала в руку. И хотя узнала, однако сказал сестрам, что не знает, кто он.

Проехав дальше, Голопуз снова остановился, поставил шатер и ждет. Тут приезжают от барина, просят помочь. Он ответил то, что и раньше. Потом поехал, разбил вельмож, но в барские хоромы войти не захотел. Вернулся домой, коня отпустил и снова стал Голопузом.

Вот вельможи собрались и третий раз воевать с его тестем. Снова пришли сестры к нему просить, чтобы отпустил с ними жену погулять.

— Пускай идет, только привезите назад.

Потом поджег волос — конь прискакал.

— Отчего ты меня так скоро зовешь?

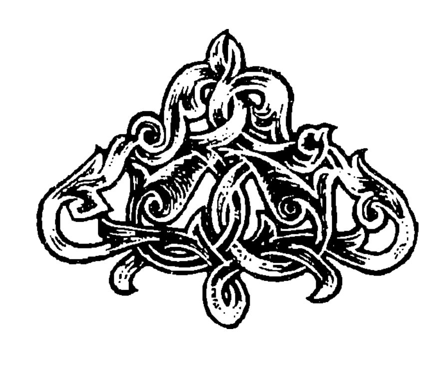
— Поедем воевать.

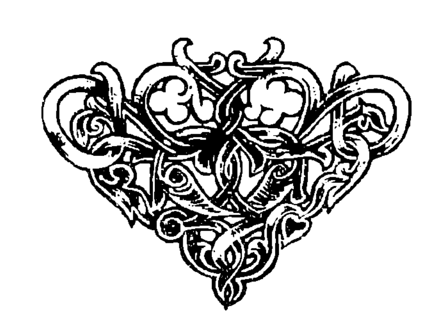
Конь и говорит ему:

— Если кто перевяжет мне ниткой ноги, так ты сразу переруби, а не то я пропаду.

Поехали. Он снова упустил вожжи. Младшая сестра снова подняла их, поцеловала его в руку. Проехал Голопуз дальше, поставил шатер и лежит. Прибегают к нему от барина. Просят ехать воевать. Он и поехал. Все войско разбил. Барин зовет к себе, но он поехал домой. Смотрит — у коня перевязаны ноги. Он перерубил нитку и нечаянно зацепил себе ногу — кровь полилась. Младшая дочь сбросила с себя платок, перевязала ему рану. Он рассердился, поехал домой, отпустил коня и написал кровью на дверях: «Кто меня разбудит, тому голову сниму!»

Пришел к нему барин. Смотрит — лежит Голопуз, около него кровь. И думает барин, что это тот молодец, который воевал. Хотел было его разбудить, да на двери увидел надпись, что кто его разбудит, тому он голову снимет. Побоялся барин будить его. А сам созвал музыкантов. Вот музыка играет, а его не разбудит никак. Перед вечером проснулся он и сам пошел к барину, своему тестю. Барин принял его и стали они жить-поживать. Вспомнил Голопуз, что у него есть родители. Поехал в тот город, где они жили, но уже не застал их в живых. Купил себе дом и остался там жить.

МАТЬ-ЩУКА

Жили-были старик со старухой. У старика своя дочка, а у старухи — своя. Вот старуха дала стариковой дочке коноплю, чтобы она за ночь ее вымочила и вытрепала для пряжи. Та идет и плачет, а корова увидела и спрашивает:

— Чего ты, девушка, плачешь?

— Как же мне не плакать,— говорит,— дала мне мачеха коноплю, чтоб я за ночь ее вымочила и вытрепала для пряжи.

— Не плачь! Полезай в мое левое ухо, а из правого вылезай: все само собой получится и в сундук уляжется!

Так она и сделала.

На следующую ночь старуха ей другую работу задала. Снова она плачет, идет к той корове. А корова спрашивает:

— Чего ты, девушка, плачешь?

Она рассказала.

— Влезь,— говорит корова,— в мое левое ухо, а из правого вылезь!

Она и полезла, все само собой и соткалось и смоталось. А старуха стоит и все это видит. Потом приходит к старику и говорит:

— Зарежь, дед, корову!

А старик отвечает:

— Жаль, славная корова.

Услышала старикова дочка, что корову хотят зарезать, прибегает и говорит ей:

— Коровушка, хотят тебя зарезать!

— Ну что ж,— отвечает корова,— пусть режут. А ты моего мяса не ешь. А как пойдешь на речку, кишечки мои прополощи, а в них найдешь два зернышка. Посади эти зернышки, а потом увидишь, что будет.

Вот зарезал старик корову, а дочка его сделала, как было сказано. За ночь выросла яблонька — листья золотые, а яблочки — серебряные.

На следующий день ехал мимо этого села господин сотник с козаком. Увидел сотник яблоню и говорит:

— Что это за дерево такое славное? Беги,— говорит козаку,— хоть один листочек сорви. Только хотел козак листок сорвать, а яблонька вверх вытянулась — не достать.

Вышли из хаты старуха с дочкой и старикова дочка. Вот сотник и говорит:

— Которая сорвет с яблоньки хоть один листочек, с той я и обвенчаюсь.

Старуха свою дочку принарядила, думала — достанет она листочек. А яблонька поднимает ветки все выше и выше, никак не достать.

Старикова дочка, между тем, стояла в стороне грустная и на яблоньку глядеть боялась.

А сотник и говорит:

— Попробуй ты, девушка, достать.

Она подошла к дереву, а яблонька сама к ней ветви наклонила.

Тогда сотник взял за руку эту девушку, усадил ее в повозку и увез с собой.

Едут они, а яблонька за ними следом бежит. Приехали — яблонька под окнами стала и стоит.

Повенчались они и живут, может, год, а то и два. Сын у них родился. Приехала как-то к ним старухина дочка, гостит у них. Вот сотник жене и говорит:

— Надо мне по делам уехать, а ты старухину дочку не слушай, никуда с ней не ходи!

Как поехал сотник, старухина дочка стала уговаривать:

— Душно, сестра, давай искупаемся!

— Не хочу,— говорит та.

— Ну, пойдем, пойдем.

Как стала просить, так и заманила: пошли они купаться. Разделись, а старухина дочка и говорит:

— Ну, сестра, ты первая плыви, а я за тобой.

Та поплыла вперед, а она шепчет:

— Стань щукой, а я хозяйкой в твоем доме.

Видит: превратилась старикова дочка в щуку.

Тогда надела она ее платье и пошла в дом. Зовет ребенка, а он не идет, плачет. Почуяла неладное нянька, взяла ребенка и пошла на речку и стала звать:

Щука, щука, малютка плачет,
Малютка плачет — есть хочет!

Приплыла мать-щука, покормила ребенка и снова уплыла.

А сотник тем временем сердится:

— Что это с ребенком случилось? Был такой ласковый, а теперь все плачет и плачет.

А ребенок плакал потому, что проголодался. Тогда нянька снова взяла его на руки и пошла к реке. Мать-щука приплыла, покормила ребенка и снова уплыла. Как только ее нянька не просила, чтоб не уплывала!

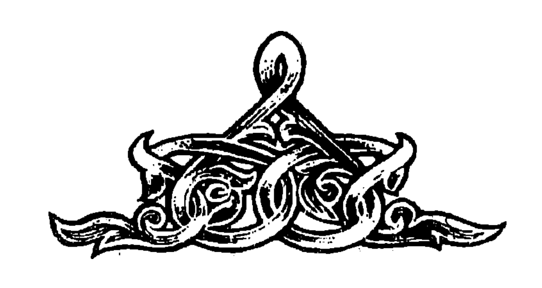
— Нет,— говорит,— не могу.

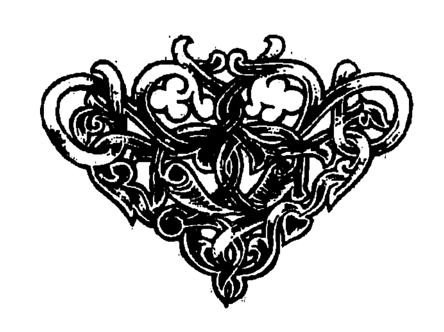
Нянька терпела, терпела, а потом говорит сотнику:

— Идите к речке, поймайте щуку, бейте ее, пока щучья кожа не слезет, а там увидите, что будет.

Послушался сотник. А когда щучья кожа слезла, предстала перед ним его жена.

Хотел было сотник старухину дочку наказать, да на радостях отпустил восвояси.

О МАРУСЕ — КОЗАЦКОЙ ДОЧКЕ

Жил в одном селе богатый козак. Была у него дочка Маруся, краше ее во всем селе не было, к тому же и покорная: отца-мать уважала и слушалась. Сваталось к ней немало парней, но она всем отказывала.

А тут затеял царь войну, стали набирать рекрутов, воинов, а потом начали брать и совсем пожилых людей. Пришел черед и Марусиному отцу идти, а он старый, больной и заменить его некому, сыновей у него не было. Маруся и говорит:

— Батюшка, пойду я за вас на службу

— Да что ты болтаешь, глупая? Разве ж можно, чтоб девка на службе служила? Ты ведь еще молода, кто вздумает, тот тебя и обидит. Пойду я сам; убьют, так убьют, а останусь в живых — вернусь.

— Да как же вы, батюшка, пойдете? Ведь вы больны; сшейте мне козацкую одежду, купите коня, вот и увидите тогда, какой из меня воин выйдет — никто и не узнает, что я дивчина, а не козак.

Долго отец не хотел ее отпускать, все отговаривал, а мать уж и плакала, и просила ее не идти на войну, а она все свое: «пойду да пойду». Нечего делать: купил ей отец коня, сшил козацкую одежду, достал саблю и проводил в полк. А тот полк как раз на войну и послали.

Маруся саблей размахивает, словно ловкий козак, а как пришлось к делу, она лучше всех сражалась, вот начальники и приметили ее, и все ее хвалили. А она молодая, статная, лицом красивая, разъезжает между

врагами и куда ни махнет саблей, так головы и катятся... Два офицерика все на нее поглядывают, и вот заспорили они между собой: один говорит, что она дивчина, а другой:

— Чего-таки ради,— говорит,— дивчине сюда идти? Какая нелегкая ее сюда занесет?

— Ну, раз на то пошло,— говорит первый,— то давай об заклад биться: есть у меня такие голуби, что ее украдут, и тогда посмотрим, кто она как ни дивчина, а тогда и убедишься, что моя правда.

Вот закончилась война, вернулись полки по своим местам, а солдат домой отпустили. Вернулась и Маруся. Отец и мать так уж рады, не знают, где ее и усадить, про войну расспрашивают, она рассказывает.

Однажды вечером легла Маруся спать в саду (она все, бывало, летом в саду ночует) и крепко-крепко уснула. Вдруг прилетели в полночь два голубя, подняли ее вместе с постелью и понесли через море, к тем офицерикам, несут ее да еще распевают:

Жила-была у деда
Марусенька дочка,
Ворко-ку!
Прилетело к ней
В ноченьку два голубя,
Ворко-ку!
Взяли ее с постелью!
Ворко-ку!
Несут ее через море,
Ворко-ку!

Несут ее и вправду через море, а она себе спит, ничего не слышит, не ведает. А как вынесли ее на середину моря, тут она и проснулась. Глянула — кругом вода, а вверху звезды и луна сияют. Она удивляется: что, думает, со мной случилось? Спросила у голубей, а те все ей и рассказали. Сняла она тогда с руки перстень, бросила в море и молвит про себя: «Только тогда заговорю я со свекром, свекровью и мужем, когда увижу вот этот перстень».

Принесли ее домой, да прямо к тому офицеру. Послал он тотчас же за своим товарищем, что с ним об заклад бился. Пришел товарищ.

— Что ж,— говорит,— правда твоя.

Ну, прошла там неделя или около того и обвенчали их. Маруся все молчит, никому ни одного слова не молвит; что свекор или свекровь прикажут — делает, но все молча.

Пошла раз Маруся белье стирать: видит — вытащил кот большую-пребольшую щуку. Она отняла у него щуку. Принесла ее домой, почистила, и только начала потрошить, а перстень — звяк!

Как вскрикнет Маруся:

— Ведь я зарок дала, что только тогда заговорю со свекром, свекровью и мужем, как увижу свой перстень!

Услыхала свекровь ее голос, так обрадовалась! Пошла тотчас к сыну.

— Иди, сынок, наша Маруся заговорила.

Обрадовался муж, бежит в хату к Марусе:

— Голубка ты моя!

А она — порх — и вылетела голубкой в окошко.

Загрустил муж еще пуще прежнего.

— Добудь мне,— говорит,— матушка, шапку-невидимку, пойду я по свету искать Марусю.

Достала ему мать шапку-невидимку, надел он ее и пошел. Приходит в одно село, а там гуляют на выгоне девчата. Зашел он в шинок, сел. Никто его не видит, ведь на нем шапка-невидимка. Смотрит — сидят за столом бабы и рядом с ними Маруся. Рассказывают бабы про свое житье, про мужей; а Маруся и говорит:

— Боже мой, если бы увидеть мне своего мужа, ничего бы я больше на свете и не желала, всюду пошла бы за ним.

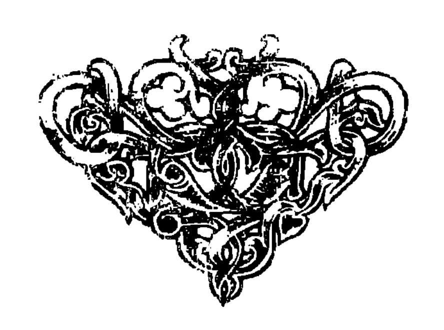
А он сбросил тогда шапку и говорит:

— Ты хотела меня видеть, так вот я перед тобой: здравствуй!

Обрадовалась Маруся, рассказать нельзя так обрадовалась!

— Уж теперь,— говорит,— никто нас не разлучит.

Вот купили они себе в том селе дом, хозяйством обзавелись, честным трудом живут и хлеб жуют.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Жили-были дед и баба. У них было три сына: два умных, а третий — дурень. Старые разумных любили. Баба давала им белые сорочки, а над дурнем все смеялись, все его ругали. Если дадут поесть — хорошо, а нет — голодный.

Однажды пришло в село известие, что царь обещал выдать свою дочь замуж за того, кто построит летучий корабль и на том корабле прилетит к нему на обед.

Умные братья подумали, подумали: для чего силы тратить — все равно такой корабль не построить.

А дурень начал собираться в дорогу. Баба дала ему в торбу черствого черного хлеба, бутылку воды и выпроводила из дома. Идет он, идет. Повстречался ему старик. Борода у него белая, длинная — по пояс.

— Здравствуйте, дедушка!

— Здравствуй, сынок!

— Куда идете, дедушка?

— Хожу по свету, людей из беды выручаю. А ты куда?

— К царю на обед.

— Разве сумеешь построить летучий корабль?

— Нет,— говорит,— не сумею.

— Так зачем же идешь?

— А Бог его знает. Потерять — ничего не потеряю, а может, счастье свое найду.

— Ну, садись. Отдохнем немножко, пообедаем. Вынимай что у тебя в торбе.

Вынимает дурень вместо черного хлеба белые паляницы, такие, что сроду не видел.

Поели они, отдохнули, старик и говорит:

— Ну, слушай, сынок. Иди теперь в лес. Подойди к дереву. Перекрести его трижды и ударь топором, а сам падай лицом вниз и лежи, пока тебя не позовут. Корабль тогда и построится. Ты сядь в него и лети, куда нужно. А по пути забирай всех, кого встретишь.

Как старик велел, так дурень и сделал.

Долго лежал лицом вниз пока не услышал:

— Вставай, твое счастье поспело!

Дурень поднялся и увидел корабль золотой, мачты серебряные, паруса шелковые — так и надуваются ветром. Не долго думая, сел он на корабль и полетел. Летит, летит и видит: припал человек к земле ухом и слушает.

— Здравствуй, добрый человек! Что ты делаешь?

— Слушаю, собрались ли гости к царю на обед.

— А ты куда путь держишь?

— К царю!

— Садись, подвезу.

Слыхало сел, и они полетели.

Летели, летели и видят: идет по дороге человек — одна нога привязана, а на другой скачет.

— Иду к царю на обед,— объясняет человек.— А если бы отвязал другую ногу, то за один шаг весь свет обошел бы.

Скороход тоже сел на корабль и снова полетели.

Летели, летели, видят: стрелец целится, а вокруг ничего не видно.

— Вот там, за тем лесом, за сто миль сидит на сухой груше птица.

Взяли с собой и его. Снова летят. Видят: идет человек, а за спиной у него полный мешок хлеба.

— Куда спешишь?

— Иду хлеба добывать на обед.

— Да у тебя же и так полный мешок.

— Этого мало: на обед не хватит.

— Садись с нами.

И Объедалу с собой взяли. Снова летят. Видят: старик около озера ходит, как-будто что-то ищет.

— Что вы тут ходите, дедушка?

— Пить хочу, а воды не найду.

— Да перед вами целое озеро.

— Эх, разве тут много! Мне на один глоток не хватит.

— Садитесь к нам.

Опивало сел и полетели дальше.

Встретили еще старика, который шел из села и тащил куль соломы.

— Куда несете солому?

— Куда иду — туда и солому несу.

— Что же это за солома такая?

— А такая, что если в жару разбросать ее — сразу и мороз, и снег будут.

— Садитесь с нами и полетим к царю!

Сел Морозко и полетели.

Летели, летели и видят: человек несет вязанку дров.

— Куда дрова несешь?

— В лес.

— А разве в лесу нет таких?

— Нет, это дрова непростые. Разбросаешь их в лесу — и сразу целое войско подымется.

— Садись к нам.

Он и согласился.

Долго они летели или нет, но вот прилетели к царю на обед.

Посреди двора столы расставлены, а на столах — медовуха, водка, еда всякая: ешь — не хочу. А людей — полцарства собралось: и козаки, и москали, и господа, и старшины. Кого там только не было, как на ярмарке!

Царь смотрит в окно — удивляется. Прилетел золотой корабль, а на нем мужик простой, бедно одетый и без сапог.

Царь за голову схватился. Что же это, дочку свою за холопа отдать? Не бывать такому!

Стал думать, как избавиться от мужика. Придумал: буду я задавать ему разные трудные задачи.

— Пойди,— говорит слуге,— скажи холопу этому, что если не принесет живой воды, пока гости обедают, не видать ему моей дочки, мой меч — его голова с плеч!

А Слыхало услышал все и рассказал дурню.

Опечалился парень, голову опустил. Скороход и спрашивает его:

— Отчего ты печалишься?

— Царь мне задачу задал: пока гости обедают, принести живой воды. Как же ее достать?

— Не печалься, я достану.

— Ну, смотри.

Отвязал Скороход одну ногу и как помчался — в один миг набрал живой воды. Набрал — притомился. Лег под кустом немного отдохнуть. Уснул. У царя уже обед к концу подходит, а того все нет. Слыхало ухо к земле приложил — слушает.

— Не переживай,— говорит.— Спит он под кустом.

Испугался дурень, еще больше расстроился.

— Не бойся, я его разбужу,— говорит Стрелец.

Натянул тетиву, пустил стрелу в кусты. Ветки зашатались и зацепили Скорохода. Проснулся он, вскочил. Только сделал шаг — и принес живой воды для царских гостей.

Царь удивился, однако задает другую задачу:

— Если этот холоп съест со своими товарищами за один раз двенадцать пар быков жареных и двенадцать печей хлеба — отдам мою дочку за него. А не съест — мой меч — его голова с плеч!

Снова Слыхало услышал и дурню все рассказал.

Опечалился тот, голову повесил. А Объедало говорит:

— Не печалься, друг, я за всех вас все съем, еще и мало будет.

Вот зажарили быков, напекли хлеба.

Объедало как стал уплетать — все съел и еще просит.

Царь рассердился, снова задачу задал: велел двенадцать бочек пива и столько же вина выпить.

А Опивало только этого и ждал. Все до капельки выпил и еще просит.

Думал, думал царь и надумал парня со свету сжить. Посылает его перед свадьбой в баню. А сам велел так натопить её, что и подойти нельзя, не то что мыться. Вот дурень идет в баню, а за ним — Морозко со своей соломой. Разбросал Морозко солому — сразу холод такой, что дурень едва помылся. Сел на печь и греется.

Удивился царь. Ну, что с ним еще делать? Думал, думал и говорит:

— Если завтра сможет целое войско собрать — отдам

за него дочку, а не сможет — мой меч,— а его голова с плеч!

А сам думает «Да как же это простому холопу целое войско собрать! Я царь и то...»

Дурень снова сидит, плачет.

— Что мне теперь делать на свете? Где я это войско наберу?

Идет на корабль к своим друзьям: выручали не один раз, может, и теперь спасут.

— Не плачь,— говорит тот, что нес дрова,— я тебя в беде не оставлю.

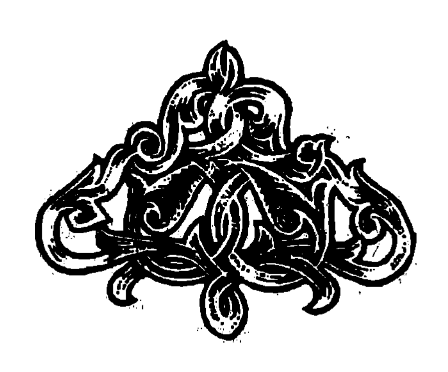
Ночью вышел в поле и как начал бросать бревна. Такое войско собралось, что и царь такого не видал.

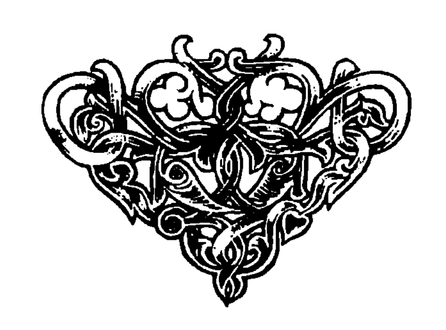
Слуга приходит и говорит царю:

— Дурня теперь не узнаешь: одежда на нем так и сияет. Сам он едет впереди войска на вороном коне, за ним — сотники и старшины.

Вышла царевна, увидела и обрадовалась: какой у нее красивый жених.

Вскоре их и обвенчали, и такую свадьбу устроили, что аж до неба дым шел.

ОХ

Давным-давно, в прежние времена, может быть, когда и отцов и дедов наших еще на свете не было, жил бедный человек с женой. Был у них один сынок, да такой лодырь, что никому не приведись! Делать ничего не делает, все на печи сидит. Даст мать ему на печку поесть — поест, а не даст — так и голодный просидит, а уж пальцем не пошевелит.

Отец с матерью горюют:

— Что нам с тобой, сынок, делать, горе ты наше! Все-то дети своим родителям помогают, а ты только хлеб переводишь!

Горевали, горевали, старуха и говорит:

— Что ты, старый, думаешь? Сын уж до возраста дошел, а делать ничего не умеет. Ты бы его отдал куда в ученье или на работу, может, чужие люди чему-нибудь и научат.

Отдал отец его в батраки. Он там три дня пробыл да и убежал. Залез на печь и опять посиживает.

Побил его отец и отдал портному в ученье. Так он и оттуда убежал. Его и к кузнецу отдавали, и к сапожнику — толку мало: опять прибежит — и на печь! Что делать?

—Ну,— говорит старик,— поведу тебя, такого-сякого, в другое царство, оттуда уж не убежишь!

Идут они, долго ли, коротко ли, зашли в темный, дремучий лес. Притомились, видят — обгорелый пенек. Старик присел на него и говорит:

— Ох, как я притомился!

Только сказал, вдруг откуда ни возьмись маленький старичок, сам весь сморщенный, а борода зеленая по колено.

— Что тебе, человече, надо от меня?

Старик удивился: откуда такое чудо взялось? И говорит:

— Да неужто я тебя кликал?

— Как не кликал? Сел на пенек, да и говоришь: «Ох»!

— Да, я притомился и сказал: «Ох!» А ты кто такой?

— Я лесной царь Ох. Ты куда идешь?

— Иду сына на работу или в ученье отдавать. Может, добрые люди научат его уму-разуму. А дома куда ни найму — убежит и все на печке сидит.

— Давай я его найму и научу уму-разуму. Только уговор сделаем: через год придешь за сыном, узнаешь его — бери домой, не узнаешь — еще на год у меня оставишь.

— Хорошо,— говорит старик.

Ударили по рукам. Старик домой пошел, а сына Оху оставил.

Повел Ох парня к себе на тот свет, прямо под землю, привел к зеленой хатке. А в той хатке все зеленое: и стены зеленые, и лавки зеленые, и Охова жена зеленая, и дети все зеленые, и работники тоже зеленые. Посадил Ох парня и велит работникам его накормить. Дали ему борща зеленого и воды зеленой. Поел он и попил.

— Ну,— говорит Ох,— берись за работу: дров наколи да наноси в хату.

Пошел работник, колоть не колол, а лег на травку да и заснул. Приходит Ох, а он спит. Ох сейчас кликнул работников, велел наносить дров, положил парня на поленницу да и поджег дрова. Сгорел парень! Ох пепел по ветру развеял, а один уголек и выпал из пепла. Брызнул на него Ох живой водой — встал опять работник, как ни в чем не бывало.

Велели ему дрова колоть и носить. Он опять заснул. Ох поджег дрова, сжег его, пепел по ветру развеял, а один уголек побрызгал живой водой. Ожил парень — да

такой стал пригожий, что загляденье! Ох и третий раз его сжег, побрызгал опять уголек живой водой, так из ленивого парня такой стал статный да пригожий козак, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Пробыл парень у Оха год. Идет отец за сыном. Пришел в лес, к тому обгорелому пеньку, сел и говорит:

— Ох!

Ох и вылез из-под пенька.

— Здорово, дед!

— Здоров будь, Ох! Пришел я за сыном своим.

— Ну, иди. Узнаешь — твой будет. Не узнаешь — еще год служить мне будет.

Приходят они к зеленой хатке. Ох взял мешок проса, высыпал, налетела воробьев целая туча.

— Ну, выбирай: какой твой сын будет?

Старик дивится: все воробьи одинаковые, все как один. Не узнал сына.

— Так иди домой,— говорит Ох.— Еще на год оставлю твоего сына.

Прошел и другой год. Идет опять старик к Оху. Пришел, сел на пенек.

— Ох!

Ох вылез.

— Ну, иди, выбирай своего сына.

Завел его в хлев, а там одни бараны, все как один.

Старик глядел, глядел — не смог узнать своего сына.

— Иди себе,— говорит Ох.— Еще год твой сын проживет у меня.

Загоревал старик, да уговор таков, ничего не поделаешь.

Прошел и третий год. Пошел опять старик сына выручать. Идет себе по лесу, слышит — жужжит около него муха.

Отгонит ее старик, а она опять жужжит.

Села она ему на ухо, и вдруг слышит старик:

— Отец, это я, твой сын! Научил меня Ох уму-разуму, теперь я его перехитрю. Велит он тебе опять выбирать меня и выпустит много голубей. Ты никакого голубя не бери, бери только того, что под грушей сидеть будет, а зерен клевать не будет.

Обрадовался старик, хотел с сыном еще поговорить, а муха уж улетела.

Приходит старик к обгорелому пеньку.

— Ох!

Вылез Ох и повел его в свое лесное подземное царство. Привел к зеленой хатке, высыпал мерку ржи и стал кликать голубей. Налетела их несметная сила. И все как один.

— Ну, выбирай своего сына, дед!

Все голуби клюют рожь, а один под грушей сидит, нахохлился и не клюет.

— Вот мой сын.

— Ну, угадал, старик! Забирай своего сына.

Взял Ох того голубя, перекинул через левое плечо — стал такой пригожий молодец, какого еще и свет не видал. Отец рад, обнимает сынка, целует.

И сын радехонек.

— Пойдем же, сынок, домой!

Идут дорогою. Сын все рассказывает, как у Оха жил.

Отец и говорит:

— Ну, хорошо, сынок. Служил ты три года у черта, ничего не выслужил, остались мы такими же бедняками. Да это не беда! Хоть живой воротился, и то ладно.

— А ты не горюй, отец, все обойдется.

Идут они дальше и повстречали охоту: соседние барчуки лисиц гонят. Сынок обoротился гончим псом и говорит отцу:

— Будут торговать у тебя барчуки гончую — продавай за триста рублей, но только ошейник не отдавай.

Сам погнался за лисицей. Догнал ее, поймал. Барчуки выскочили из лесу — и к старику:

— Твой, старик, пес?

— Мой.

— Добрый пес! Продай его нам.

— Купите.

— А сколько хочешь?

Триста рублей, но только без ошейника.

— Да на что нам твой ошейник! Мы и получше сделаем. Бери деньги, пес наш.

Взяли пса и погнали опять лисиц. А пес не за лисицей,

а прямехонько в лес. Обернулся там парнем — и опять к своему отцу.

Идут опять, отец и говорит:

— А что нам, сынок, те триста рублей? Только хозяйством обзавестись да хату подправить, а жить-то опять не на что!

— Ладно, отец, не горюй. Сейчас повстречаем охоту на перепелов, я обернусь соколом, ты меня и продай за триста рублей. Только, смотри, шапочку не продавай!

Идут они полем, догнали их охотники. Увидали у старика сокола.

— А что, дед, продай нам твоего сокола!

— Купите.

— А сколько за него хочешь?

— Давайте триста рублей. Отдам сокола, только без шапочки.

— Э, на что нам твоя шапочка! Мы ему парчовую сделаем.

Ударили по рукам. Получил старик триста рублей и пошел дальше.

Охотники пустили того сокола за перепелками, а он прямехонько в лес. Ударился об землю, опять стал парнем, догнал отца.

— Ну, теперь мы разживемся понемногу! — говорит старик.

— Постой, отец, то ли еще будет! Как будем проходить мимо ярмарки, я обернусь конем, а ты меня продай. Дадут тебе тысячу рублей. Только уздечку у себя оставь!

Вот приходят они на ярмарку. Сын обернулся конем. Такой конь лихой — и приступить страшно! Старик ведет его за уздечку, а он гарцует, копытами землю бьет. Собралось тут купцов видимо-невидимо — торгуют у старика коня.

— Тысячу рублей без уздечки,— говорит старик,— так отдам!

— Да на что нам твоя уздечка! Мы ему позолоченную сделаем,— говорят купцы.

Дают пятьсот. Но дед уперся — не отдает. Вдруг подходит к нему кривой цыган:

— Сколько тебе, человек, за коня?

— Тысячу без уздечки.

— Ге! Дорого, батя! Бери пятьсот с уздечкой.

— Нет, не рука! — говорит старик.

— Ну, шестьсот бери.

Как стал тот цыган торговаться, от старика и на шаг не отступает.

— Ну, бери, батя, тысячу,— только с уздечкой.

— Нет, уздечка моя.

— Добрый человек, где же это видано, чтоб коня продавали без уздечки? А передать-то его из рук в руки как?

— Как хочешь, моя уздечка!

— Ну, батя, я тебе еще пять рублей накину, давай коня!

Дед подумал: уздечка каких-нибудь три гривенника стоит, а цыган дает пять рублей.

Взял и отдал.

Ударили они по рукам, пошел дед домой, а цыган вскочил на коня. А то не цыган, то Ох был. Перехитрил он парня. Понесся конь, что стрела, повыше дерева, пониже тучи. И все ногами бьет, норовит сбросить Оха. Да не тут-то было!

Вот приехали они в лес, в подземное царство. Ох в хату вошел, а коня у крыльца привязал!

— Поймал-таки бесова сына! — говорит Ох своей жене.— К вечеру своди его на водопой.

Повела вечером жена коня на речку, стал он воду пить, а сам старается глубже в воду забраться. Она за ним, кричит, ругается, а он все глубже да глубже. Дернул головой, она и выпустила уздечку. Бросился конь в воду да и обернулся окунем. Закричала жена. Ох прибежал да, недолго думая, обернулся щукой — и ну гонять окуня.

— Окунь, окунец, добрый молодец, повернись ко мне головой, покалякаем с тобой!

А окунь в ответ:

— Коли ты поговорить хочешь, говори,— я и так тебя слышу.

Долго гонялась щука за окунем, не может поймать. А окунь уж уставать стал.

Вдруг увидел он на берегу купальню. А в это время

в купальню царская дочь купаться шла. Вот окунь выбросился на берег, обернулся гранатовым перстнем в золотой оправе и подкатился царевне под ноги. Царевна увидела.

— Ах, какой красивый перстенек! — взяла его да на палец надела.

Прибежала домой и хвалится:

— Какой я красивый перстень, отец, нашла!

Царь залюбовался

А Ох увидел, что окунь обернулся перстнем, сейчас же стал купцом и пошел к царю.

— Здравствуйте, ваше величество. Я к вам за делом пришел. Велите вашей дочке отдать мой перстень. Я его своему царю вез да в воду уронил, а она подняла.

Велел царь позвать царевну.

— Отдай, дочка, перстень, вот хозяин нашелся.

Она заплакала, ногами затопала:

— Не отдам! Заплати купцу за него, сколько попросит, а перстень мой.

А Ох тоже не отступает:

— Мне и на свете не жить, коли не привезу того перстня своему царю.

Царь опять уговаривает:

— Отдай, дочка, а то из-за нас человеку несчастье будет!

— Ну, коли так,— говорит царевна,— так пусть ни тебе, ни мне не будет! — да и бросила перстень на землю.

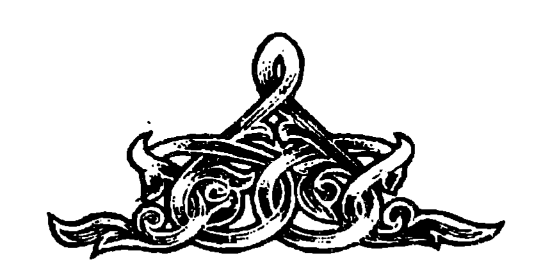
А перстень и рассыпался жемчугом по всей хате, а одна жемчужина подкатилась царевне под каблучок. Она и наступила на нее. А Ох обернулся коршуном и давай жемчужные зерна клевать. Клевал, клевал — все поклевал, отяжелел, чуть двигается. А одного зернышка под каблучком у царевны не заметил. А та жемчужинка покатилась, покатилась, обернулась ястребом и бросилась на коршуна.

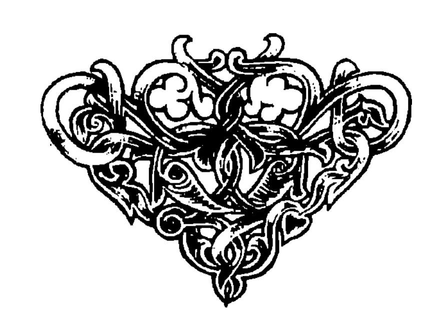
Коршун и лететь не может. Ударил ястреб клювом несколько раз коршуна по голове — у того и дух вон. Так и не стало больше Оха. А ястреб ударился об землю и обернулся пригожим парнем. Таким пригожим, что увидела его царевна и сразу влюбилась. Говорит отцу:

— Как хочешь, отец, только я за этого парня замуж пойду, а больше ни за кого.

Царю-то неохота за простого парня отдавать, да что с дочкой сделаешь! Подумал, подумал да и велел пиво варить, вино курить, гостей созывать. Такую веселую свадьбу сыграли, что весь год о ней вспоминали.

И я там был, мед, вино пил; хоть в рот не попало, а по бороде текло — вот она у меня и побелела!

О МУЖИКЕ, КОТОРОМУ БОГ ПОДАРИЛ СТОЛИК, КОЗУ И БУБЕНЦЫ

Был себе мужик да такой бедный, что не только в будни, но и в праздник нечего было есть. А семья такая большая, что и не у всякого богатого такая бывает: детей, может, десять и все такие — как муравьи — маленькие. Только давай денег да покупай хлеба и корми их.

Вот тот мужик покупал хлеб, покупал, а дальше как совсем не стало денег, пошел к соседу, чтобы одолжить ржи,— так и у того мало было. Вот он и говорит:

— Будь добр, человек хороший, дай хоть на один или два хлеба чего-нибудь, пока я расстараюсь на деньжата и куплю себе, а если не дашь, то на твоей душе грех будет: вся моя семья с голоду помрет.

Вот сосед и дал ему коряк ржи; тот поблагодарил, взял и пошел к мельнице, чтобы зерно смолоть. Смолол, идет назад, несет муку под полой и думает:

— Господи, Боже милосердный, смилуйся надо мною грешным и пошли мне счастье при моем несчастье! Если бы я нашел теперь хотя бы два-три рубля, и того было бы довольно: всё бы не дал детям своим с голоду пропасть! Сколько же здесь той муки, что я сегодня одолжил и смолол? И на один хлеб не станет.

Раскрыл он полу и хотел посмотреть, на самом ли деле и на один хлеб не станет, вдруг поднялся ветер да как подул, так вся мука и вылетела — только пола седая осталась. Остановился мужик и думает:

— Вот, черт возьми! То хоть немного муки было, а теперь ни пылинки не осталось. Что ж я теперь буду делать на свете божьем? Что же мне жена и дети скажут, как я домой пойду? Надо идти на ветер подавать в суд — может, вернется та мука, которую ветер забрал, так хоть на раз будет что поесть жене и деткам.

Так подумал и пошел судиться с ветром. Идет и идет, идет и идет, вдруг видит: стоит дед на дороге и такой старый и седой, как молоко (а то был Бог в человеческом обличье), и спрашивает его:

— Здравствуй, человече, а куда тебя Бог несет?

— Иду,— говорит,— судиться с ветром.

— За что же ты с ним будешь судиться?

— За то, что он мне муку развеял. У меня было немного муки, думал, понесу домой — будет что поесть жене и деткам, пока раздобуду больше. Раскрыл я полу, смотрю на ту муку, много ли там ее, а ветер развеял и пылинки не осталось. Вот я и иду судиться с ним: может как-нибудь отсужу свое.

— Не отсудишь, человече, ты и ветра не найдешь. Лучше вернись домой. Вот тебе столик. Если надо тебе будет чего-нибудь поесть или попить, скажи только: «Столик, столик, развернись, потому что я хочу есть и пить!» Он развернется, на нем будет стоять, что пожелаешь. Как напьешься, наешься, то скажешь снова: «Столик, столик, закройся!» — он закроется.

Взял мужик столик, поблагодарил деда и пошел себе домой. Идет и идет, идет и идет, так уже, бедняга, спешит, чтобы принести его поскорей домой и накормить жену и деток. Уже так устал, что еле ноги передвигает. Застала его в дороге ночь. Зашел он в трактир переночевать, сел на лавку, захотелось ему поесть:

— Столик, столик,— говорит,— развернись!

Столик развернулся, а на нем и мед, и вино, и разная еда — все, чего только душа пожелает. Вот он наелся, напился, закрыл тот столик, поставил под стенкой, а сам лег спать. Как путник — крепко спит. А хозяин подглядел, что у того человека такой столик, подкрался тихонько, поставил свой такой же, а тот спрятал.

Утром проснулся мужик, взял на плечи столик и пошел

домой. И не завтракал. Думал: «Пускай уже вместе с женой и детками позавтракаю».

Принес он столик домой, поставил посреди избы и говорит:

— Ну, теперь, жена, не будем бедствовать без хлеба до самой смерти. Будет и нам, будет и детям нашим, будет и внукам, еще и правнукам нашим останется.

— А что там, муженек,— спрашивает жена,— может, деньги нашел?

— И не спрашивай! Что нашел, то и нашел, что Бог дал, так то и есть. Собирай только скорей детей, пусть они станут вокруг этого столика, будем завтракать. Потому что хотя уже и обедняя пора, но я хорошо знаю, что вы еще не завтракали.

— А что же завтракать? Неужели ты не знаешь, что и кусочка хлеба в избе не оставил?

— Да ну, хватит причитать! Иди вот сюда к этому столику. Дети, становитесь вокруг.

Дети и жена подошли к столику, а мужик говорит:

— Столик, столик, развернись!

Не разворачивается столик. Он снова:

— Столик, столик, развернись!

Не разворачивается столик! Он взял топор, разрубил столик и вышел из избы. Пошел снова с ветром судиться.

— Тьфу на твою голову! — сказала жена, когда он вышел из избы.— Не помешался ли он на старости, так еще же не пора: ему ведь и сорока лет нет. Может, это его какой-нибудь злой человек обманул?

Выбежала жена из избы:

— Муженек, муженек! Вернись, вернись!..

Звала, звала — нет! Не знать, куда девался.

А он пошел снова судиться с ветром за ту муку. Идет и идет, идет и идет, смотрит — стоит у дороги на том самом месте дед и такой же седой, белый, как молоко. Но уже не тот, которого тогда он встретил. (А это был Бог, только другое обличье принял).

— Здоровы были, дедушка!

— Доброго здоровья, сынок! А куда ты идешь?

— А иду вот судиться с ветром за муку: развеял мне последнюю муку, на хозяйстве уже и пылинки не

осталось! Из-за него моя семья голодает. Так вот я иду судиться с ним: может, отсужу свое!

— Жаль, мужик! Не найдешь ты ветра! Лучше возьми эту козу и иди домой. Если нужны тебе будут деньги, ты только скажи: «Коза-коза, насыпь!» Так с нее деньги и посыпятся, и одни червонцы.

Вот взял мужик козу, поблагодарил деда и пошел домой. Идет и думает дорогой:

— Спасибо Богу милосердному, что послал мне второй раз дедушку такого, что не жалеет своего добра для меня. Подарил козу, а денег у меня теперь сколько будет! Господи! Каждый день буду просить, чтобы коза насыпала денег!

Вот ведет он козу домой. Но в пути его опять ночь застала. Зашел он снова к тому хозяину на ночь, лег сам на лавку, а козу привязал около себя. Лег спать,— а сон не берет его. Все ему из головы не идет, как он к жене придет с козой и велит козе насыпать золота одними червонцами.

Захотелось ему, бедному, поесть, а денег нет ни копейки. Встал он с лавки, и говорит своей козе:

— Коза, коза, насыпь денег!

Коза насыпала денег. Он взял, сколько там надо ему было, купил у хозяина селедку. Поужинал, как следует, и лег спать. А коза стоит в головах привязана. Хозяин увидел, что такая коза у того мужика, и говорит своей жене.

— Смотри, какая коза у этого мужика. Надо козу выкрасть!

Когда уснул мужик, хозяин подкрался, отвязал козу, привязал свою, такую же, и лег спать. Утром мужик встал, взял козу и пошел домой.

Приходит и говорит:

— Ну, теперь, жена, не грусти! Будет что есть — будет нам, будет и детям нашим, еще и правнукам останется.

— Хватит тебе, муженек, болтать черт знает что! Это, наверное, второй стол будет!

— Молчи, жена, не будь такая горлатая, прошу тебя! Ты только стань и смотри, что из этой козы будет!.. Коза, коза, насыпь!..

А коза стоит и кричит: «Не меня, не меня!»

Он снова:

— Коза, коза, насыпь!

Не насыпает. Рассердился он. Зарезал козу, а сам пошел снова судиться с ветром.

И опять встретил деда на дороге, еще постарше. Такой белый, такой белый, как снег.

— Здоровы будьте, дедушка!

— Доброго здоровья, голубчик! А куда ты идешь?

— Иду с ветром судиться за муку: последнюю муку мне развеял, дома и пылинки не осталось, дети с голоду умирают. Так вот я иду судиться, может, отсужу свое.

— Жаль, мужик! Что ветер забрал, то пропало! Лучше возьми вот эти бубенцы и возвращайся домой.

Забрал мужик бубенцы и пошел домой. По дороге снова зашел к тому хозяину ночевать, лег на лавку отдохнуть, а бубенцы повесил около себя. Хозяин ночью те бубенцы взял и свои повесил.

Утром мужик встал — захотелось ему позавтракать. Он думал, что и бубенцы, как и столик и коза, дадут ему поесть и попить. Вот он и говорит:

— Бубенцы, бубенцы, развернитесь!

Те бубенцы, что у него над головой висели, и не думали разворачиваться. А те, что у хозяина были, как развернулись, как начали хозяина жадного бить по голове и по спине. А он как закричит:

— Спаси, спаси меня, мужик! Я тебе верну и столик, и козу, только забери от меня эти бубенцы!

Забрал мужик бубенцы, козу, столик и пошел к жене. А на то время праздник наступил.

— Ну, теперь,— говорит,— жена, будем на Пасху есть и пить. Слава Богу милосердному, что столик есть! Столик, столик, развернись!

Столик развернулся, а на нем всего-всего, чего только душа пожелает!

Вот он еще козе говорит:

— Коза, коза, насыпь!

Коза так и насыпала денег, и одних червонцев. Такие блестящие, будто горят, в избе так и сияет!

Жена, дети слезли с печки, стали вокруг того стола и удивляются — что за столик такой!

Вот наступил праздник. Деньги есть, еда есть, а одежды — ни у жены, ни у детей, ни у самого нет такой, чтобы можно было выйти на люди.

Вот зазвонили в церкви. Встал мужик, хотел одеться в то, что Бог дал, и пойти в церковь помолиться. Кинулся, хотел, было, засветить, так и огня нет в доме. А тут на Пасху и одалживать не годится. Стал он у окна и думает. Вдруг видит — перед избой на холмике кто-то развел огонь. Пошел он — а то старик.

— Христос воскрес! Дедушка, будьте здоровы, с праздником!

— Воистину воскрес! Спасибо, сынок, будь здоров!

— Нельзя ли у вас, дедушка, взять головешку, хотя сегодня такой день, что и не годится одалживать огонь, но нечего делать. Бог простит раз уж так случилось! У меня в хозяйстве огня нет.

— Держи, сынок, полу: я тебе насыплю жару.

— Прогорит пола, дедушка!

— Да нет, сынок, не прогорит, держи: я тебе насыплю. Но, гляди, неси и не смотри, пока не придешь домой.

Взял мужик тот жар и пошел домой. А когда пришел, посмотрел — а то не огонь, а червонцы. А тут уже и на дворе рассвело и огня не надо. Пошел мужик в церковь помолиться Богу. Вернулся домой, пообедал с женой и с детками и посылает их гулять:

— Возьмите,— говорит,— деточки, по червонцу, раз крашенок нет! Будете этим забавляться.

Дети взяли деньги и пошли. Смотрят — отцового брата, их дяди, дети гуляют. Сидят посреди улицы на солнышке и играют крашенками.

Вот они пришли к ним и говорят:

— Дайте нам крашенку!

А те спрашивают:

— Неужели вам мама не давала сегодня крашенок?

— Нет,— говорят,— не давала, потому что у нас нет!

— А что же вам мама давала сегодня?

— Мама дала сегодня рубашки беленькие, а отец вот что!

И показывают червонцы. А те дети были умнее и говорят:

— Дайте же нам те деньги, а мы вам дадим крашенок.

Дети неразумные — взяли да и отдали свои червонцы, а крашенки забрали, еще и радуются, что у них есть такие же, как у других детей. А дядины дети забрали деньги и понесли своему отцу.

— Где вы, дети, взяли денег? — спросил он.

— А мы, отец, продали свои крашенки.

— Кому же вы их продали?

— Дядиным детям.

— Давайте.

Дети отдали, взяли еще по крашенке и пошли гулять снова. А отец их и думает:

— Где же это у брата деньги взялись, да еще золотые? И много же, наверное, их у него, раз дает детям играть. Надо будет сегодня пригласить его с женой на обед. Может, он скажет, как выпьет, где он червонцев набрал, так и я пойду возьму.

А он уже и так был очень богатый и никогда не звал к себе своего бедного брата на обед.

Вот пришел брат. Он и спрашивает его:

— А где ты, брат, взял червонцы? Скажи мне, может, и я немного поживлюсь!

— В первый день праздника у меня дома не было огня. Стал я возле окна и смотрю — а там, на холмике, напротив моей избы, огонь. Я и пошел, набрал, принес домой, а то не огонь, а червонцы.

— Как даст Бог дождать того самого дня, пойду и я наберу себе.

Вот дождался богатый брат Пасхи. Стоит всю ночь во дворе и смотрит, не горит ли огонь. Наконец, на рассвете так и загорелось на холмике, на том, о котором брат говорил. Он побежал скорее туда,— сидит у огня старик.

— Христос воскрес, дед!

— Воистину воскрес!

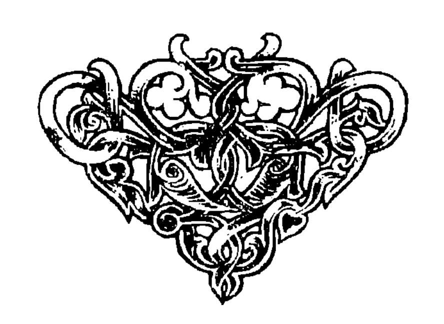
— Одолжите огня, дед!

— Зачем тебе огонь?

— Нечем в избе засветить.

— Как нечем? Смотри,— говорит старик,— вон твоя изба горит!

Тот оглянулся, в самом деле — вся изба загорелась.

БОГ И СВЯТОЙ ПЕТР

Ходил когда-то Бог вместе со святым Петром по земле. Идут они, идут, а тут наступила ночь:

— А где,— говорит Святой Петр Богу,— мы будем ночевать? У убогого или у богатого?

Бог говорит:

— Пойдем к убогому.

А Святой Петр говорит:

— Что там у убогого? Холодная хата. У него и топить нечем. А у богатого хоть хата теплая.

Ну и пошли к богатому. А богатый и говорит:

— Если намолотите по сорок снопов, так пущу переночевать.

— Ну,— говорит Бог,— пойдем, Петр, молотить.

Пошли они. Сказано — Бог своим духом дохнул и намолотили. Вошли в хату, а хозяин и говорит:

— Ложитесь же под лавкой, а то жена явится, так будет на орехи и вам и мне.

Легли они под лавкой, Святой Петр с краю, а Бог у стены. Вот приходит жена:

— Сякой-такой хозяин!.. Видишь, без меня и не протопил!

Взяла метлу и давай его бить.

— А это что у тебя, сякой-такой?! Бродяг напустил без меня?!

Как стала метлой святого Петра бить... Била, била и опять к мужу:

— Видишь, сякой-такой, бродяг напустил!!!

И снова его колотит.

— Хватит уже, жена,— говорит тот,— извини на этот раз. Я больше не буду.

А святой Петр лежит под лавкой и говорит:

— О, Господи! Хотя бы уже рассвет скорее!

— Э,— говорит Бог,— еще далеко до рассвета!

— Э, так ложись же ты, Господи, с краю, а я лягу под стенкой.

Лег Господь с краю, а святой Петр под стенкой.

А жена била, била своего мужа, потом подошла к лавке и говорит:

— А ну, еще этого, что под стенкой лежит!..

Давай снова колотить метлой святого Петра. Колотила, колотила — устала, легла и уснула.

А святой Петр лежит под лавкой и все Бога просит:

— О, Господи, хотя бы уже рассвет скорее!

— Уже рассвет! — говорит Бог.

Встали, поблагодарили и пошли. Идут они и идут, захотелось им позавтракать. А святой Петр говорит:

— Где мы, Господи, сядем и позавтракаем? Может, пойдем и сядем возле церкви?

А Бог говорит:

— Пойдем лучше сядем под корчмой.

Пошли, сели. Вот приходит мужик пьяный и говорит:

— Ох, Господи, как я выпил сегодня!..

— Видишь,— говорит Бог Петру,— вышел мужик пьяный и все Бога вспоминает...

Смотрят — идут из церкви поп и дьяк. И говорит поп:

— Вот до черта сегодня в церкви детей было! Я устал, причащая!..

Бог святому Петру и говорит:

— Видишь, какая правда! Попы из церкви идут и черта вспоминают, а тот мужик из корчмы вышел и о Боге не забыл.

Подходит мужик к Богу и святому Петру и говорит:

— Здоровы были, дяденьки!

— Здравствуй, мужик!

— Вы уж простите меня, что я пьяный, вот хочу я вас спросить: куда вас Бог несет?

— В путь,— говорят.

— Пускай Вам Бог помогает.

— Спасибо,— говорит Бог,— человече, за хорошее слово! Чего бы мы тебя, человече, попросили?

— Говорите,— говорит.

— Пойди нам, пожалуйста, купи проскурочки.

— Можно,— говорит.

Пошел, купил и несет. Захотелось ему есть, так он одну съел, а две принес:

— Берите,— говорит,— люди добрые.— По правде скажу: одну я по дороге съел, а две возьмите!

— Видишь,— говорит Бог святому Петру,— хоть и пьяный, а не обманывает.

— Э, надо правду говорить. Говорят: грех обманывать.

— Делай по правде, голубчик,— говорит Бог,— так тебе и Бог поможет, не обманывай до смерти никого!..

Попрощались они и пошли. Идут и идут. Опять вечер. Где-то надо переночевать.

— Ну,— говорит святой Петр,— к кому теперь пойдем ночевать?

— Пойдем,— говорит Бог,— к убогому, потому что у богатого мы уже побывали.

Вот зашли они к бедной вдове. Та вдова болеет, а детей у нее много... Встала она с трудом, сварила ужин. Поужинали они, она им постелила и довольна. Положила их спать. Переночевали они. На другой день выпроводила она их. Идут и идут — вдруг бежит волк.

— Господи! — говорит святой Петр,— куда этот волк бежит?

— К вдове за поросенком!

— Зачем же ты, Господи, обижаешь вдову убогую?

— Э,— говорит,— так надо. Один у нее поросенок и пускай его волк съест. Еще,— говорит Бог,— эта вдова умрет, а дети останутся сиротами!..

Пришли домой. Посылает Бог ангела:

— Пойди,— говорит,— там вдова болеет, возьми у нее душу.

Прилетает ангел — дети ползают около нее, пищат и такие все маленькие. Ангел посмотрел, посмотрел — Боже мой!

— Что же,— говорит,— они делать будут, когда у

нее взять душу? Нельзя и приступить к ней — так пищат, бедные, и ползают около нее.

А Бог спрашивает:

— Кто же там есть около нее? Кто за ней присматривает?

— Нет,— говорит,— никого. Хата не натоплена. Лежит бедная сама и дети плачут...

— Господи! — говорит святой Петр,— дай ей еще немного пожить на свете, пускай она деток прокормит!

— Ну,— говорит Бог,— пойди на озеро — там стоит маленькая хата. Войди же ты в ту хату, там такая старая баба живет, такая старая, что уже мхом поросла! Спросишь ты ее, если захочет та баба умереть, так вдова еще немного поживет на свете.

Святой Петр и пошел. Приходит в ту хатку, а там такая лежит баба старая-престарая...

— Здоровы были!

Она отвечает:

— Здравствуй, сыночек!

— Что,— говорит,— бабуся, сама?

— Сама.

— Нехорошо,— говорит,— самой жить? Лучше умереть.

— Эге,— говорит,— сам умирай! Лето идет и солнышко греет...

Он и пошел от нее — не хочет бабка умирать. Пришел к Богу и говорит:

— Господи, не хочет баба умирать!

— А что,— говорит Бог,— а я тебе говорил, что надо вдове умирать. Лети, ангел, возьми ее душу!

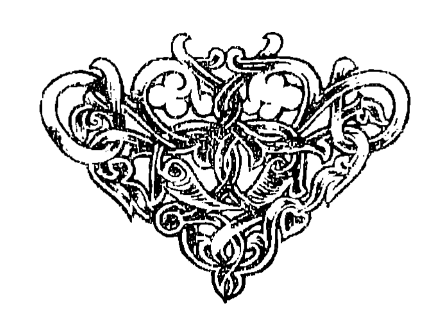
Полетел ангел, дети кричат и ползают... Он взял душу, принес и отдал Богу. Пустил Бог душу в рай. А дети остались.

Через несколько лет едут Бог и святой Петр. Видят: едет коляска и шестеро лошадей запряженных.

— Угадай,— говорит Бог Петру,— кто это едет?

— Какой-нибудь помещик,— говорит.

— Э, нет,— говорит,— той вдовы это дети едут. Видишь,— говорит,— я их наказал и помиловал.

КАК БОГ НАГРАДИЛ БЕДНОГО МУЖИКА

Жил-был очень бедный мужик и было у него шестеро детей. А тут так случилось, что и седьмой ребенок на свет появился. Вот жена и говорит мужу:

— Возьми, муж, топор и иди на заработки, потому что нет денег на крестины.

Мужик взял топор и ушел. Идет он день, идет другой, идет третий, уже зашел в чащу такую густую, что никак не выберется из нее.

Вдруг смотрит, идет человек, такой старый и седой. Вот старик и спрашивает:

— Куда ты, мужик, идешь?

— На заработки иду. Явился на свет ребенок, а нет денег на крестины.

— Сруби,— говорит,— человек хороший, вот это дерево. Я тебе заплачу.

Вот тот мужик рубил три дня. Тогда дед набрал пригоршню серебра и дал ему. А это был Бог. Взял мужик деньги, поблагодарил и пошел домой.

А Господь Бог сделал так, что его жена уже и окрестила своего сына. Уже он вырос, уже она его и женила. Дал так Бог, чтобы она разбогатела и выстроила дом в три этажа, сына в дорогу посылала.

А мужик зашел в крайнюю хату и спрашивает, где бы тут переночевать путнику. Это было то самое село, откуда он был, только не узнал он. Все переменилось: и улицы, и хаты — так-то Бог дал!

— Иди,— говорят,— у нас в селе есть богатая

женщина, она всех принимает: и богатого, и бедного. Накормит и одежду даст, если у кого нет.

Вот он и пошел по селу искать, смотрит — стоит дом в три этажа, такой, как ему рассказывали. Он и зашел. Жена его приветила, усадила ужинать. После ужина постелила ему постель, уложила спать. Не узнала, что это ее родной муж, а муж ее сразу узнал, но только не признается. Вот он думал, думал и спрашивает:

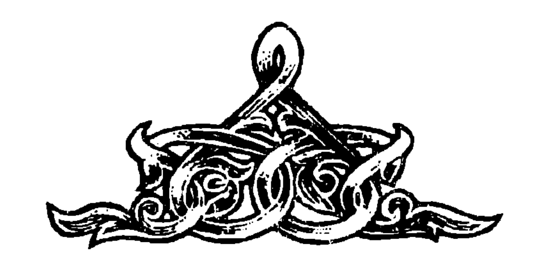
— Знаешь ли ты, женщина, как меня зовут?

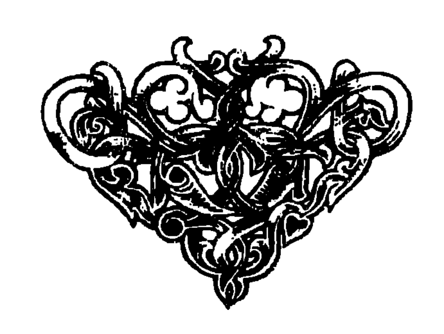
— Бог тебя знает, человек хороший! Ты человек дорожный, как я могу знать!

— Как? — говорит.— Ты меня не знаешь? Я же твой муж!

— У меня, человек хороший, мужа нет уже тридцать три года. Когда у меня появился на свет этот сын, муж ушел на заработки, и Бог его знает, куда он и девался.

Тогда мужик назвал ее, назвал себя и рассказал ей, как она его с топором послала на заработки. И как он тридцать три года рубил в чаще и думал, что он три дня работает. Тогда они вместе стали проживать то добро, что им Бог дал. Те деньги, что он домой в пригоршне принес, никогда не уменьшались. Купит он что на них, хотя бы рублей на сто,— все деньги целые у него. И детям, и внукам его еще осталось.

СУДЬБА

Жили-были, говорят, две женщины: одна красивая, а другая такая уродливая, что и смотреть на нее было неприятно. Вот однажды они стали ссориться.

— Посмотри ты,— говорит красивая,— на себя, какая ты страшная! Как на тебя посмотришь, так печенки выворачивает!

— Я,— говорит та,— хотя и уродливая, зато судьба моя всем на зависть! А ты вот и красивая, зато твоя судьба плохая. Если бы ты на нее посмотрела, сама бы испугалась — такая она неверная! — Хочешь, я тебе покажу твою и свою судьбу?

— Хорошо,— говорит красивая,— покажи!

— Пойди же ты домой и свари ужин в больших ведерных горшках — свари борщ и кашу; а я тоже сварю и понесем судьбам, так посмотрим и твою и мою судьбу.

Вот красивая побежала домой, быстро печь истопила, ужин сварила, собрала горшки и зовет:

— Пойдем же, сестричка, я уже наварила! А то мой ужин остынет.

— Ничего,— говорит,— твоя судьба и холодный будет трескать!

Вот налила и она борщ в маленькие горшочки и понесли.

— Почему же это,— говорит красивая,— у тебя такие маленькие горшочки?

— Ничего. С моей судьбы будет и этих. Не расспрашивай, только пойдем быстрее.

Пришли они на перекресток; поставила некрасивая

женщина свои горшочки, развязала их, сверху положила чистенькую ложечку, отошла немного и говорит:

— Судьба, судьба! Иди ко мне ужинать!

Сказала она раз, сказала и другой раз, наконец за третьим разом приходит барин и такой красивый, что и насмотреться на него нельзя. Взял ложку, попробовал перво-наперво борщ, а дальше кашу попробовал, положил сверху ложку, завернул в полотенце деньги и неизвестно куда исчез.

Некрасивая женщина собрала горшочки, забрала из полотенца деньги и говорит:

— Ну, теперь ты свою судьбу зови ужинать, как я свою звала.

Красивая поставила ведерные горшки, развязала их, отошла и зовет:

— Судьба, судьба! Иди ко мне ужинать!

Позвала раз, позвала второй раз, не успела крикнуть третий раз, а тут как подымется ветер, как начнется буря — песок несет, дерево гнет и ломает, такое делается, что Господи! Вдруг приходит судьба красивой женщины и такая она безобразная, оборванная, растрепанная и еще с хвостом; выела, выела все из горшков, попереворачивала их, побила и ушла.

Тогда обе женщины забрали горшки и ложки и пошли домой. Некрасивая женщина идет дорогой и говорит:

— А что, видела свою судьбу?

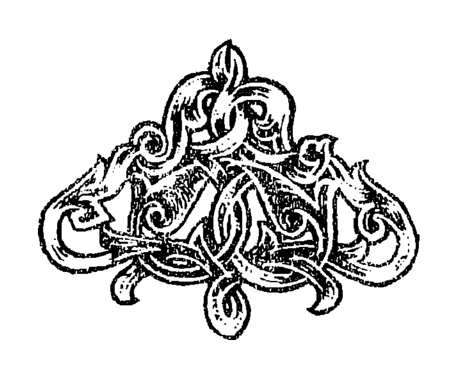
— Видела,— говорит.

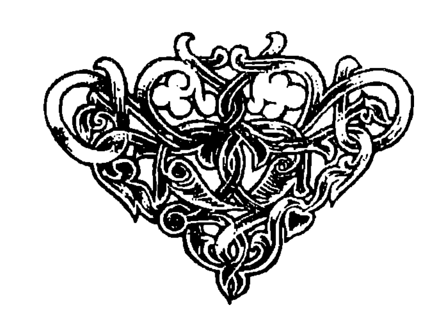
— Красивая?

— Такая красивая, как ты!

— Что ж, понравилась она тебе?

— Да нет! Ну ее! И не говори о ней никогда.

ЛЮБОПЫТНЫЙ БАРИН

Жил-был богатый барин. Сидит он как-то у окна и видит, что кто-то едет через его село. Позвал барин своего козачка и приказал:

— Беги скорее да спроси, что это за птица такая едет через мое имение?

Бросился мальчик догонять бричку и кричит проезжавшему, чтобы подождал. Остановился чужой барин.

— Чего тебе надо? — спрашивает.

— Послали меня спросить, что вы за птица такая?

— Скажи своему барину, что и ты дурак, и барин твой дурак.

Вернулся мальчик. А барин:

— Ну, что?

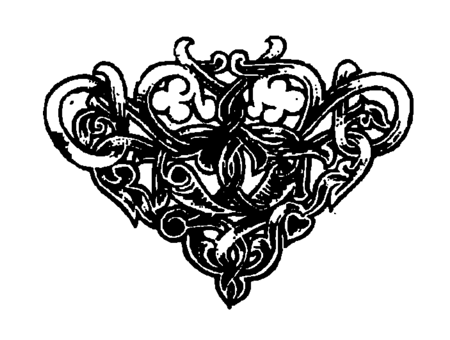
— Да он какой-то знакомый ваш.

— Откуда тебе это известно?

— Да так, и вас знает, и меня знает.

— Неужели знает.

— Да говорил, что и вы дурак, и я дурак.

ИЗНЕЖЕННЫЙ РЕБЕНОК

Жили-были муж и жена и был у них один ребенок — дочка. Люди зажиточные, а ребенок удался красивый да славный, вот они ее и баловали. Они балуют, а ребенок растет. Выросла — только танцевать и умеет. Пришло время выдавать дочку замуж, а она ничему не научилась, работы никакой не знает. Поняли родители, что сами виноваты, и говорят женихам:

— Приданого у нас хватает, только дочку не заставляйте работать, потому что она ничего не умеет делать.

Сунулся один жених, сунулся другой, да на такие условия не соглашаются.

Вот как-то заглянул в их хату старый знакомый и говорит:

— А что, не будем ли сватами? У вас дочь, у нас сын.

— Можно,— отвечают ему,— только условие такое: чтобы дочь не принуждали к работе, а то она ничего не умеет.

— А если ее научить?

— Хорошо. Только не заставляйте ее, а то она будет на нас обижаться.

Приятель подумал-подумал и говорит отцу:

— Ладно, давай руку, пусть Бог помогает!

— Ну, присылай сватов.

Сосватались. Богатая была свадьба, неделю гуляли. Одно слово — люди зажиточные.

Но и веселью конец наступил. Поутру встал свекор,

каждому работу дал: дочкам, сыновьям, их женам. Только самая молодая сноха скучает. Никто ей ничего, и она — никому ничего. Пришло время обедать. Все сходятся, садятся за стол. Отец спрашивает каждого, кто что сделал. Каждый за себя отвечает, а дочь молчит. Отец к ней:

— А ты дочь?

— Я, отец, ничего не делала,— отвечает.

— Ну, так уж ты знаешь порядок,— отец говорит.

Она отошла от стола, села на скамейке у порога и сидит. А молодую сноху никто не спрашивает, она садится, обедает.

Пообедав — снова все за работу. На ужин сходятся, снова отец всех расспрашивает. На этот раз уже другая дочь ничего не делала — остается без ужина. Молодая сноха присматривается и прислушивается (конечно, как новый человек в семье), а дальше и спрашивает потихонечку какую-то сноху или золовку

— Как это оно, душечка, у вас случается — будет ли так всегда?

— Так и будет,— отвечает та.

— А почему не спрашивают, что я делала?

— Потому что ты,— говорит,— душечка, у нас еще гостья.

Вот прошел еще день, может, и другой, уже и мать осталась без обеда или там без ужина,— молодая сноха смотрит на все это, а дальше, встав утром, спрашивает мать:

— А мне какая работа, матушка-голубушка?

— Возьми, дочь, веник, вымети хату и сени.

Молодая сноха все сделала, как было сказано.

Сошлись все к обеду. Отец расспрашивает каждого, а она видит, что ее не спрашивают, да сама и отзывается:

— А я, отец, хату да сени вымела.

— Ах, мое дитя любимое! — говорит отец,— я тебя и не спрашиваю. Я знаю, что ты хорошего рода, умного отца с матерью, ты времени зря тратить не будешь, потому я тебя и не спрашиваю.

После обеда молодая сноха снова спрашивает мать, что делать. Мать посылает воды принести. Принесла она. Перед ужином отец похвалил ее, поцеловал в голову молодую сноху.

На другой день она еще что-то сделала, на третий — тоже, а дальше мало-помалу — уже и обед сварит, а

дальше — уже и хлеба испечет. Сказано, мужа любит, а семья все голубит ее да добрым примером учит труду.

Вот как-то среди недели мать родная и говорит отцу:

— Пошел бы ты, старый, да наведался к ребенку. Я что-то приболела, а тебе и дела нет: отдали дитя в чужой двор — Бог знает, как-то она там привыкает.

Старик говорит:

— Может, и в самом деле.

Оделся, пошел в другое село к дочери. Зашел в хату и видит, что дочь сама обед варит. Конечно, обрадовалась ему, приветила, пригласила сесть, а сама — снова за работу. Да так с теми горшками и ухватами справляется, что отец удивился. Вот он и спрашивает:

— А что тебе, дочь, хорошо ли?

— Хорошо, отец.

— И что уже умеешь варить обед?

— Умею, отец. Тут так заведено — кто не работает, тот и не ест.

— Ну, дитя мое, у всякого хозяина свой порядок,— говорит отец.— Так ты, может, дочка, и голодала, пока приучилась к работе?

— Нет, отец, не сразу учат, а так, потихоньку.

— Ну и хорошо.

Свекор видел, как пришел сват, но остался во дворе, подождал: пускай немножко с дочерью поговорит. А после направился в дом. Отец выглянул в окно, увидел свата, взял со скамейки сермягу, которую парни забрызгали, и начал счищать грязь. Вошел хозяин. Поздоровались по-братски, сели — гость снова за сермягу, да все ее чистит и стряхивает.

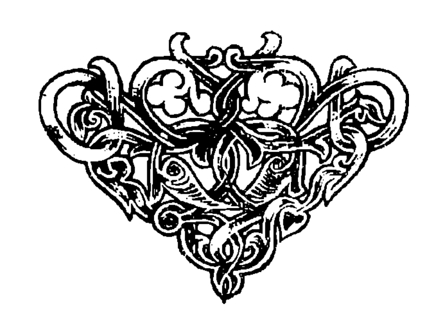
Хозяин и спрашивает:

— А что это вы, сват, делаете? Бросьте!

— Ага, сват, что же мне остается делать, иначе без обеда останусь.

— Да, сват, это у меня давний порядок и, слава Богу, мне хорошо с ним.

— А как же, сват, у всякого хозяина свой порядок. А если он хороший, так зачем бы я его нарушал?

БРАТ ПЕТРУСЬ И СЕСТРА ОКСАНКА

У одного крестьянина умерла жена и осталось двое детей: Петрусь и Оксанка.

Через некоторое время отец женился снова. Мачеха невзлюбила его детей и все приставала к мужу:

— Отвези их в лес. Не хочу их видеть.

Терпел крестьянин, терпел, а потом и говорит:

— Ну, ладно, отвезу, Бог с тобой. Вот только подожди до завтра.

А дети не спали и все слышали.

Они набрали за пазуху немного камешков и, когда отец вез их в лес, тихонько их бросали, и поэтому нашли дорогу обратно домой.

А мачеха снова пристает к мужу:

— Отвези их и все.

Он так и сделал. Дети на этот раз взяли с собой золу. Бросили на дорогу — сильный ветер золу развеял. Пришлось им в лесу остаться. Ходили они, ходили, пока Петрусь не нашел ружье. Стал он птиц разных стрелять, тем они и кормились. Потом построили избушку. Подошла к избушке волчица. Только Петрусь хотел выстрелить, а она ему говорит:

— Не стреляй, я тебе своего сына отдам. Может, он тебе когда-нибудь пригодится.

Послушал Петрусь волчицу. Так он добыл еще зверей: зайца, медведя.

Идет он по лесу и на свирели играет, а они, как собаки, к нему прибегают.

Пошел Петрусь как-то на охоту. Видит: стоит на берегу реки дворец, высокий-превысокий. Вскарабкался по стене и видит — все комнаты пустые, только в одной старуха сидит.

Он ее спрашивает:

— Кто здесь живет?

— Здесь разбойники живут,— отвечает она.— Убегай скорее, пока их нет. Вернутся — убьют тебя.

— Ничего,— говорит,— я их не боюсь.

Слышит: земля гудит — это разбойники возвращаются. Схватился Петрусь с разбойниками — и всех побил. Только старшего оставил живым и закрыл в кладовке. А потом вместе с сестрой и своими названными братьями — медведем, волком, зайцем — перебрался во дворец.

Вот как-то собрался Петрусь на охоту и говорит Оксанке:

— Гуляй во дворце, где хочешь, только в кладовку не заглядывай — там разбойник сидит.

Не послушалась Оксанка брата. Только он со дворца — она кладовку открыла, дала разбойнику воды напиться, а он и говорит:

— Убьем твоего брата и заживем во дворце вместе.

— А как его убьешь?

— Зверей запри в кладовку, а ему пальцы свяжи шелковой ниточкой.

Она разбойника послушалась. Зверей в кладовку заперла, пальцы брату шелковой ниточкой связала.

— Развяжи,— просит Петрусь.

Еще туже узел сестра затянула и позвала разбойника.

Видит Петрусь, что смерть его приходит, и просит Оксанку:

— Позволь мне в последний раз на свирели сыграть.

— Не надо, обойдется.

Знала, что на звуки свирели звери сбегутся.

А разбойник сказал:

— Ничего, пусть сыграет.

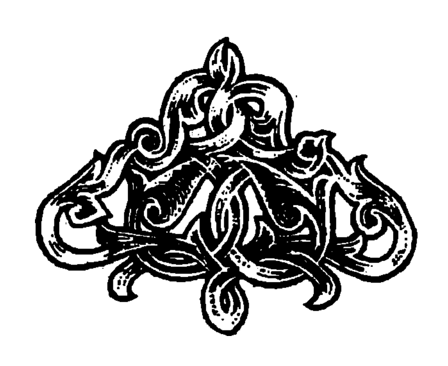
Вот он играет на свирели. Услыхали звери, силятся, силятся, а дверей никак открыть не могут.

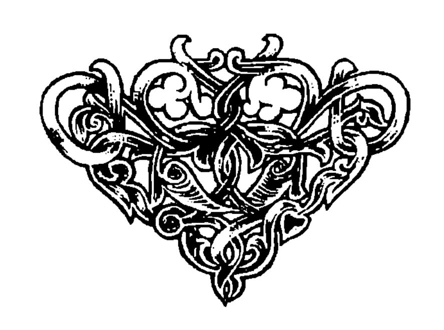
Тогда Петрусь говорит:

— Позвольте Богу помолиться.

— Ну, молись,— говорят,— в последний раз.

Господь Бог молитву услыхал и помог зверям из кладовки выбраться. Заяц к Петрусю подскочил, шелковую нитку перекусил. Как увидел разбойник Волка и Медведя — пустился наутек. Повинилась Оксанка перед братом и зажили они снова вместе с лесными братьями.

РАЗБИТЫЙ СТОЛИК

Кто не знает ленивого Панька? В конце села, над речкой, стояла его хата. Ее можно было узнать издалека по небеленным стенам, разрушенной крыше и сорнякам, которые буйно разрослись вокруг хаты.

Раньше Панька не называли ленивым. И были у него конь, корова, куры, кот, собака. В селе Панька уважали. Да ни с того, ни с сего стал Панько под грушей целыми днями лежать. Каждый день недели у него — воскресенье. Хозяйство стало разваливаться. Градом выбило стекло — новое не вставил, а только тряпками окна завесил. А потом конь и корова замерзли в сарае без дверей. Пес ушел к другому хозяину служить. Кот стал ловить мышей в чужих кладовках. А курей переловили лисицы и коршуны. Сад сам Панько вырубил зимой на дрова. От яркого солнца прятался он теперь в сорняках.

Однажды мимо его хаты проходил путник. Он был одет очень бедно, и никто не мог подумать, что это король. А король хотел посмотреть, как живут его подданные.

В то время над селом началась сильная гроза. Панько бежал из сорняков в хату. А за ним следом и король. Крыша протекала, и только один уголок был сухой. Там разлегся Панько на сене и сейчас же захрапел. А король устроился на небольшом столике и так просидел на нем всю ночь. Утром король спросил ленивого Панька, почему он не поправит крышу:

Панько ответил:

— А как же ее поправлять, когда идет дождь?

— Так поправь ее в хорошую погоду,— посоветовал король.

— А зачем же ее поправлять в хорошую погоду, когда в хате и без того сухо,— хмыкнув, сказал Панько.

— А что же ты будешь делать, когда у тебя завалится хата? — спросил король.

— Еще не завалилась, так и рано об этом думать,— сказал Панько и вышел из хаты.

— Подожди,— крикнул король, разгневанный таким неуважением Панька,— может, ты мне дашь что-нибудь поесть?

— Непрошенный гость, что принесет, то и съест,— услыхал он из-за порога.

— Оно-то так,— сказал сам себе король, выходя из хаты,— но такой ленивый подданный мне не нужен. Завтра пришлю палача, чтобы снести Паньку голову.

Казалось, никто уже не сможет спасти неисправимого лентяя. Король приказал палачу наточить топор, а сам отправился обедать. Изысканные яства, которые приготовил маленький повар Николка, так понравились королю, что он сказал:

— Проси, что хочешь, ты достоин какой-нибудь награды.

— Милостивейший государь,— сказал повар,— отпусти меня на два дня к ленивому Паньку, а палач пускай точит свой топор до тех пор, пока я не вернусь.

Король согласился.

Вечером того же дня повар попросился на ночлег к Паньку.

— Горе мне с этими путешественниками,— бормочет недовольный Панько,— у меня не постоялый двор, спать негде, иди себе в село.

— Дяденька,— стал проситься хитрый Николка,— позволь мне остаться в хате. И постели мне никакой не надо. Вот я присяду на том столике.

И он хотел сесть на небольшой столик, который стоял у стены.

— Боже мой! — крикнул Панько и бросился к столику, закрывая его руками.— Он такой хрупкий, сломается. Уж лучше ложись вон там, за печкой.

Повар полез за печку и прикинулся, что спит. На самом деле он и не думал спать, а стал наблюдать, что будет делать Панько. Между тем лентяй присел к столику и прошептал:

— Столик, столик от царицы-рыбы, ох, хочу я есть и пить.

Повар увидел, как из столика высунулся волшебный ящик. А из него стал Панько вынимать мисочки, горшки и штофы. Вкусные запахи наполнили хату. Николка с завистью подумал, что такой хорошей еды и таких хороших напитков не умеет приготовить ни он сам, ни старший повар господин Вареха. Наевшись, напившись, Панько стукнул трижды о столик, и ящик с пустой посудой задвинулся обратно.

Панько крепко уснул.

— Вот оно что,— подумал Николка, выглянув из-за печки,— теперь я уже знаю, почему Панько отвык работать. Недаром читал много сказок.

Достал Панько столик от рыбы-царицы, которая попала в его сети. Ну, подожди, Панько, я помогу тебе избавиться от лени.

С этими словами повар схватил столик, вынес его во двор и разбил на углу сарая. Потом пошел во дворец и сказал королю:

— Милостивейший господин, отложи казнь Панька на месяц-другой. А тем временем пошли своего слугу, пускай проследит за Паньком и расскажет тебе все, что увидит.

— Хорошо,— ответил король,— посмотрим, что будет дальше.

В первый день донесли королю, что Панько бегал по двору, чем-то очень обеспокоенный, собирал около сарая обломки какого-то столика. А когда ничего у него не вышло — заплакал. На следующий день Панько отремонтировал печку, поправил дымоход и сварил себе юшку из зеленой лебеды.

На третий день Панько стал выкорчевывать сорняки, потом раздобыл где-то лопату, начал копать грядки и сеять овощи. Не поленился вспахать и засеять поле. И во дворе стало лучше. Хозяин поставил новые ворота и поправил забор. После жатвы появилась новая крыша на хате и на сарае. Вернулся пес и весело залаял у ворот.

А во дворе стала важно прохаживаться наседка с цыплятами.

Когда королю рассказали об этом, он очень обрадовался:

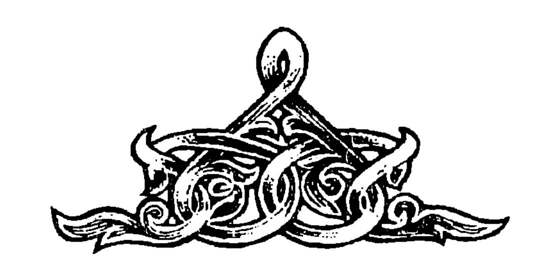
— Дарю Панько жизнь! Вижу, что он не пропащий человек. А теперь, Николка, расскажи, как тебе удалось осуществить такое чудо?

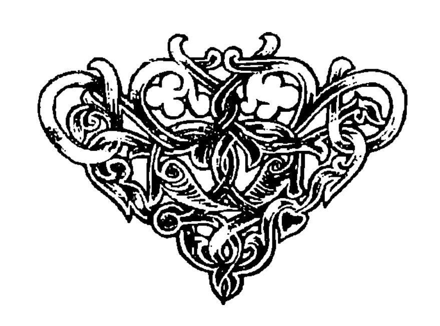
Мальчик рассказал ему о волшебном столике, о том самом столике, на котором ночевал король в хате у Панька. А окончил свой рассказ Николка такими словами:

— Я заставил Панька работать на себя.

— Ты мудрее, чем я думал,— заявил король.— Отныне будешь у меня не поваром, а советником.

Так Николка стал министром, Панько — почтенным хозяином, а топор палача почти заржавел.

ЮРЗА-МУРЗА И ЛОВЕЦ, ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ

Жил-был ловец, добрый молодец. Вышел он раз на охоту. Видит — сидят на тополе три орлицы, три сестрицы. Стал он сразу целиться в старшую, а та и говорит:

— Эй, ловец, добрый молодец! Не бей меня, я тебе в беде пригожусь!

Нацелился он тогда в среднюю, а та ему говорит:

— Не бей меня, я тебе в беде пригожусь!

Стал он тогда целиться в младшую, а та говорит:

— Эй, ловец, добрый молодец! Не бей меня, я тебе женой буду!

— Ладно,— отвечает он.

Спустилась она с дерева да как встрепенется, и стала такой девицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Поженились они и стали жить в пещере.

Живут они там и живут. И отросла у того ловца-молодца борода до самого пояса.

Однажды он и говорит:

— Пойду-ка я в город, теперь меня никто и не узнает.

Пошел он в город, а солдаты его узнали и к царю привели.

— Ну,— говорит царь,— попался, ловец-молодец. Будешь теперь мне служить, а для начала ступай и убей шестикрылого и шестиглавого змея.

Вернулся ловец-молодец к жене и сказывает:

— Велел мне царь убить шестикрылого и шестиглавого змея. Убью или нет?

— Убьешь,— отвечает жена,— только слушайся меня.

Дала она ему серебряный перстень и полотенце и говорит:

— Ты ударь этим перстеньком по скале, вот я здесь и замуруюсь, а потом змея зови; только он прилетит, ты его полотенцем и убьешь.

Ударил он перстеньком по скале, и вмиг пещера, где сидела его жена, замуровалась. А потом как крикнет он:

— Эй, змей, выходи!

Летит змей, усы покручивает, и только раскрыл пасть, чтобы ловца-молодца съесть, а ловец-молодец как взмахнет полотенцем, так все шесть голов вмиг и слетели. Взял он тогда, вырезал все шесть языков и отнес их царю. Увидел царь — сильно удивился и говорит:

— Ну, ступай еще — убей мне двенадцатикрылого и двенадцатиглавого змея.

Пришел ловец-молодец к жене и сказывает:

— Опять мне велел царь, чтобы убил я двенадцатикрылого и двенадцатиглавого змея. Убью или нет?

— Убьешь, только ударь опять перстеньком по скале, а я и замуруюсь.

Только он ударил, пещера замуровалась. И как крикнул он тогда:

— Эй, змей, выходи!

А змей летит, усы покручивает и говорит:

— Это ты брата моего убил, а меня-то не убьешь. Я тебя съем!

И только открыл пасть, чтобы съесть его, а ловец-молодец как взмахнет полотенцем, так все двенадцать голов сразу и слетели. Отрезал он тогда двенадцать языков, взял и отнес их царю. Вот царь и говорит:

Раз ты таких змеев победил, то ступай туда — неведомо куда, и принеси то — неведомо что!

Пришел ловец-молодец к жене и говорит:

— Велел мне царь идти туда — неведомо куда и принести то — неведомо что.

Вот дала ему жена клубочек и говорит:

— Ступай вслед за этим клубочком, куда он тебя приведет.

Взял он, кинул клубочек на землю. Тот покатился, покатился, покатился, а он все идет за клубочком, и прикатился клубочек к глубокому-глубокому оврагу. Там и остановился. Огляделся ловец, видит — а там старшая орлица. Встрепенулась она, обернулась девицей и говорит:

— Здорово, ловец-молодец! Куда задумал идти?

А он отвечает:

— Иду туда — неведомо куда, чтобы принести то — неведомо что.

— Ну, я тебе помогу.— Да как свистнет! Тут и сбежалось всякое зверье — и волки, и медведи... А девица их и спрашивает:

— Не знаете ли вы, как пройти туда — неведомо куда, и принести то — неведомо что?

— Нет, не знаем!

— Ну, так разбегайтесь!

И говорит ловцу-молодцу:

— Я кликну сестру, может, она знает.

И как крикнет:

— Орлица, средняя сестра, лети ко мне!

Тут орлица вмиг и прилетела: встрепенулась, обернулась девицей, еще красивей, чем старшая, и говорит:

— Здорово, ловец-молодец! Куда тебя Бог несет?

А он отвечает:

— Иду туда — неведомо куда, чтобы принести то — неведомо что.

— Ну, раз так, я тебе помогу!

Да как свистнет! И сползлись всякие гады: и жабы, и мыши, и крысы, и веретениц, и гадюка — все повылезли. А девица их и спрашивает:

— Не знаете ли вы, как пройти туда — неведомо куда, и найти то — неведомо что?

— Не знаем, может быть, хромая жаба знает, но она еще не приплелась.

А тут вскоре и жаба приковыляла. Девица и ее спрашивает.

— Нет,— говорит жаба,— не знаю, а о том ведает моя сестрица — поскакунья-лапушка.

— А где же она?

— На синем море, под белым камнем пену ест.

— Скажи ей, чтобы немедля сюда явилась.

Вот жаба и поплелась. А тут вскоре и поскакунья-лапушка прибежала. Сама большая-пребольшая, этак с целую избу, а хвостище — с высокую сосну. Девица ей и говорит:

— Отведи этого человека туда — неведомо куда, чтобы принес то — неведомо что.

Говорит поскакунья-лапушка ловцу-молодцу:

— Садись на меня.

Он сел. А поскакунья-лапушка, что ни ступнет, то и верста, что ни прыгнет, то и две. Вот бежит она, а потом и говорит:

— Ну, взберись-ка мне на хвост, да посмотри, не видать ли чего?

Подняла хвост, он взобрался, посмотрел:

— Нет,— говорит,— не слыхать, не видать!

Бежит и бежит она дальше, опять хвост задрала и говорит:

— Ну-ка, взберись опять да погляди, не видать ли чего.

Он взобрался, поглядел и говорит:

— Какая-то избушка на курьей ножке вертится.

— Ну так слезай и ступай в избушку, там и возьмешь то — неведомо что.

Он слез и пошел в избушку. Входит — нет никого, только лежит посреди избушки падаль. Он взял и сунул ее в печь. А тут вскоре прилетает двадцатиглавый змей.

— Э-ге-ге! — говорит,— человечьим духом пахнет!

И вдруг обернулась падаль такой девицей, что во всем свете не найти краше, и говорит:

— Это ты, мой миленький, по свету налетался, человечьим духом пропахся.

— А может, и правда! — говорит змей.

— Ну, Юрза-Мурза! — говорит он той девице,— а давай-ка мне поесть и попить!

И сделала Юрза-Мурза так, что перед змеем появились всякие напитки и кушанья. Уселся змей, ест, а Юрза-Мурза ему прислуживает. Пообедал змей и полетел, а Юрза-Мурза убрала все и только было хотела обернуться опять падалью, как ловец-молодец вылез из подпечья и говорит:

— Юрза-Мурза, чтоб была мне еда на двоих!

И подала Юрза-Мурза все, чего только душа пожелает,— все на столе появилось.

Сел ловец-молодец и говорит:

— Юрза-Мурза, садись, пообедаем вместе и будешь мне сестрой.

Юрза-Мурза села с ним, пообедала, а ловец-молодец говорит:

— Сделай так, чтоб была нам подана на двоих карета, поедешь вместе со мной.

Сделала Юрза-Мурза так, что явилась перед ними карета. Сели они и поехали.

Подъезжают они к морю. Сделала Юрза-Мурза челн и поплыли они вместе. А двадцатиглавый змей, как увидел, что Юрзы-Мурзы нет,— мигом за ними в погоню. Догнал их, и только раскрыл пасть, чтобы их проглотить, а ловец-молодец как взмахнет полотенцем — так все двадцать голов враз и слетели!

Поплыли они дальше.

Переплыли море и заехали на ночлег к какому-то старику. А был у того старика такой кошелек, что как только его откроешь, так и выскакивают оттуда разные кони.

Вот старик и говорит ловцу-молодцу:

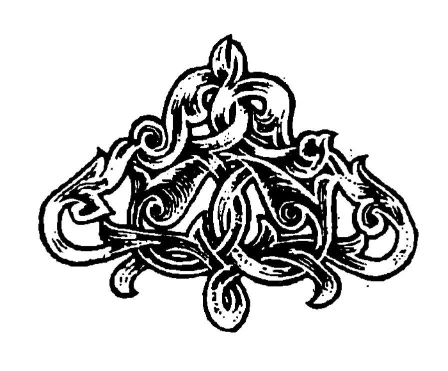
— Дай мне Юрзу-Мурзу, а я тебе за нее кошелек дам.

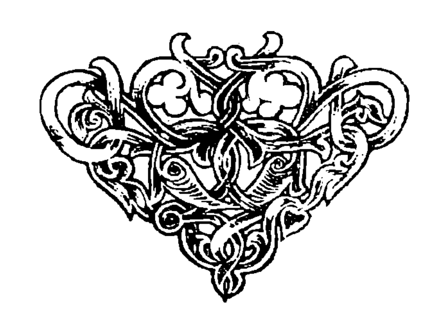
Ловец-молодец не соглашается, а Юрза-Мурза шепчет ему тихонечко:

— Бери! Я от него к тебе убегу, и будут у тебя и кошелек, и я.

Поменялся ловец-молодец со стариком. Как только выехал ловец-молодец в поле, прибежала Юрза-Мурза, и они отправились к царю.

Расправилась Юрза-Мурза с царем, и поехали они к жене ловца-молодца.

СОБАЧИЙ, ЖАБИЙ, СУХОПАРЫЙ И ЗЛАТОКУДРЫЕ СЫНОВЬЯ ЦАРИЦЫ

Жил-был крестьянин с женой и было у них трое дочерей. И такие уже они были уродливые, что противно на них и смотреть, а самая младшая — такая гадкая — низенькая, бровастая, пучеглазая, губастая...

Пошли они раз все втроем на речку белье стирать. Видят — на реке царевич плавает. Вот одна и говорит:

— Это бог плавает.

— Да какой там бог? Это царь плавает,— говорит вторая.

А третья говорит:

— Ох, нет, сестрички! Это царевич плавает.

Говорит старшая:

— Кабы взял меня этот бог, то сколько бы людей у него ни было, а я бы их всех одной краюхой накормила.

— Кабы взял меня этот царь,— говорит вторая,— я бы все войско одним аршином сукна одела.

— А взял бы меня этот царевич,— молвит третья,— родила бы я ему двенадцать сыновей с золотыми кудрями.

Услыхал это царевич, подплыл и говорит:

— Здравствуйте, девицы! Бог в помощь!

— Здравствуйте, спасибо вам!

— А где же вы, девчата, живете, что сюда на речку пришли рубашки стирать?

— А мы,— говорят,— живем там, где зима с летом встречается.

Он подумал, подумал и спрашивает:

— Как же это,— говорит,— так?

— Да так: зима по льду скользит, а лето по земле катается.

Приехал он домой, сел и думает: «Где ж это зима с летом встретились? Пойду, поищу!»

Оседлал он коня и поехал. Едет и едет, вдруг видит — стоит за хатой воз, и сани стоят. «Вот это, видно, та зима с летом! — думает он.—А ну, зайду я в хату и погляжу, и людей расспрошу».

Зашел в хату, а там две девицы сидят. Он поздоровался; девицы увидели, узнали его и говорят друг дружке:

— Это, сестричка, он, видно, свататься пришел. Это он слышал, как мы разговаривали, когда рубашки стирали. Которую же он возьмет?

А младшая сидит на печи, не слышит, не видит.

— А что, хозяин,— спрашивает царевич,— где же твои дочки? Я к тебе свататься приехал.

— Да как это так? Чтобы царь да пришел к мужику дочек сватать? Это вы,— говорит,— надо мною смеетесь.

— Нет, покажи, покажи.

— Вот,— говорит,— две да еще одна на печи. А ну, вставай!

Она слезла с печи.

— Вот эта,— говорит царевич,— моя будет! Будешь ты теперь моим тестем.

Взял он ее с собою, привез домой, сразу и обвенчался. Прожили они вместе дней пятнадцать и почувствовала она, что будет ребенок. А ему надо ехать, объезжать свое царство. Вот он, уезжая, и говорит своей бабке (там у него такая бабка служила):

— Смотри ж,— говорит,— чтоб ты за моей женой присматривала.

Приказал бабке и поехал. Подошло время рожать царице дитя. А бабка завязала глаза царице, отняла златокудрого сына, бросила его в колодец, а ей песика подкинула.

Едет домой царевич, а бабка его встречает:

— Говорила ваша жена, что «рожу, мол, сыновей златокудрых», а родила вон собачьего.

— Что ж,— говорит,— пусть будет!

Пожил он еще пятнадцать дней и почувствовала она опять, что рожать ей. Выезжает царевич опять на службу и снова бабке приказывает:

— Смотри ж,— говорит,— что она теперь-то родит!

Поехал царевич на службу. Приходит ей время рожать — родила она: завязала ей бабка глаза, сына златокудрого в колодец бросила, а лягушонка подкинула.

Приезжает царевич домой, а бабка и встречает:

— Говорила ваша жена, что «буду, мол, златокудрых сыновей рожать», а вот родила жабьего.

— Что ж, пускай,— говорит,— и так будет!

Пожил он еще с нею немного: почувствовала она опять, что родит. Едет царевич опять свое царство осматривав и приказывает бабке:

— Смотри ж, бабка, что в третий-то раз будет!

Подошло время — родила она златокудрявца-сына. Завязала ей бабка глаза, отобрала сына златокудрого, бросила в колодец, а ей подкинула младенца сухопарого, тощего да уродливого.

Приезжает царевич, а бабка его встречает:

— Говорила ваша жена, что «буду, мол, сыновей златокудрых, рожать», и — родила: одного — собачьего, другого — жабьего, а третьего — сухопарого.

Пришел царевич, поглядел на ребенка, видит — сухопарый и тощий да такой уродливый, прямо беда...

Собирает царевич всех своих начальников, советуется, что ей сделать за таких сыновей. Один говорит: «зарубить», другой говорит: «повесить», третий говорит: «расстрелять», а четвертый говорит: «забьем ее в смоленную бочку и пустим на воду».

Вот взяли они, сделали смоленную бочку, посадили ее туда вместе с сыновьями, забили и на море пустили. Плавала она по морю сколько-то дней, проголодался собачий сын и стал ее сосать: уперся в дно ногами — дно и выскочило. Выбрались они все на берег — ну что теперь делать? Давай строить себе дом. Построили дом и сделали собачий, жабий и сухопарый сыновья стеклянный мост, прямо в другое царство.

Едут чумаки, а вдова и приглашает их к себе:

— Заезжайте, братцы, ко мне поесть и попить и на мое диво поглядеть.

Заехали чумаки. Она их накормила, напоила и говорит:

— Езжайте по этому мосту, куда вам надо, никакой беды с вами не приключится.

Поехали они по мосту, а песик и бежит за ними издали. Встречает их царевич, спрашивает:

— Вы, братцы, далече ездили: какое же диво видели, расскажите и мне.

— Эх,— говорят,— видели мы диво! Выше Лебедина да построила дом вдова, а у той вдовы три сына: один собачий, другой жабий, третий сухопарый. Это они построили и мост сюда.

— Это, наверно, моя жена,— говорит царевич.

Выходит его бабка-служанка и говорит:

— Царевич! Есть где-то, да не здесь, яблонька такая: серебряное на ней яблочко, золотое яблочко. Как ударится яблочко о яблочко, словно органы заиграют.

А песик услышал это и как побежит, нашел, выкопал яблоньку, принес домой и у окна посадил.

Поехал царевич искать — нету яблоньки: наврала бабка.

Приезжают опять чумаки. А вдова и просит их к себе:

— Заезжайте,— говорит,— чумаченьки, ко мне попить, поесть да на мое диво поглядеть: а кто спросит у вас, то и людям расскажите.

Наелись они, напились и поехали по тому мосту, а песик следом за ними побежал. Переехали они мост, встречает их царевич:

— Вы, братцы, далече ездили, какое же диво видели, расскажите и мне.

— Эх,— говорят,— видели мы диво! — Выше Лебедина построила дом вдова, а у той вдовы три сына: один собачий, другой жабий, а третий сухопарый. Золотая яблонька под окошком растет — золотое яблочко, серебряное яблочко: как ударится яблочко о яблочко, будто органы играют...

Вышла бабка-служанка да и говорит:

— Царевич! Есть где-то такой кабан, что пашет клыками, сеет ушами, хвостом боронит, за ним дождь поливает, позади него жнется и в копны кладется, и готовое в житницу везут.

Услыхал песик, побежал к своему брату сухопарому:

взял брата, пошли, поймали кабана, домой привели. Пока царевич собрался да поехал, они уж его и приковали. Приехал царевич — нет кабана: наврала бабка.

Едут опять чумаки. А вдова опять их к себе просит:

— Заезжайте попить, поесть да на диво мое поглядеть. Кто спросит, то и людям расскажите.

Они заехали, наелись, напились, провожает она их и говорит:

— Езжайте по этому мосту: никакой беды с вами не случится, доедете вы, куда вам надо.

Едут они, а песик за ними следом бежит.

Встречает их царь:

— А что,— говорит,— братцы, вы далече ездили, какое же диво видели, расскажите и мне.

— Э,— говорят,— видели мы диво, так диво! Еще такого дива нигде не видели. Выше Лебедина построила дом вдова, а у той вдовы три сына: один собачий, другой жабий, а третий сухопарый. Золотая яблонька у окна растет — серебряное яблочко, золотое яблочко; как ударится яблочко о яблочко, словно органы играют. И такой кабан там стоит, что пашет клыками, сеет ушами, хвостом боронит, за ним дождь поливает, а позади жнется и в копны кладется, и готовое в житницу везут. Там, говорят, много таких скирд стоит. Уж сколько мы по свету ездили, а так много хлеба нигде не видели.

Выходит из дому бабка-служанка и говорит:

— Царевич! Есть где-то такой колодец, а в колодце том три златокудрых сына. Вот кабы вы поехали да себе их достали.

А песик услыхал и домой побежал, позвал своих братьев и побежали они к колодцу. Прибежали к колодцу, сел жабий под ним, а собачий и сухопарый взяли яблочко да и катаются. Вот выскакивают из криницы три мальчика, телом беленькие, личиком румяненькие, и золотые кудри вьются; жабий — хлоп! да и прихлопнул дверцу, ну, златокудрявцы и поймались. Взяли они этих златокудрявцев за руки и повели их к матери. Привели домой — обрадовалась мать, когда увидела их и узнала. А царевич поехал — уже не застал их. Обманула проклятая бабка.

Едут опять чумаки. А вдова и говорит им:

— Заезжайте ко мне, чумаченьки, попить, поесть да

на мое диво поглядеть! Кто спросит, то и людям расскажите.

Наелись они, напились и поехали по тому мосту. Встречает их царевич и спрашивает:

— Вы, братцы, далече ездили, какое диво видели, расскажите и мне.

— Э,— говорят,— видели мы диво, так диво! Сколько ни ездили, сколько ни хаживали, а такого еще дива нигде не видели. Выше Лебедина построила дом вдова, а у той вдовы три сына: один собачий, другой жабий, а третий сухопарый. И растет у окна дома яблонька: серебряное яблочко, золотое яблочко; и как ударится яблочко о яблочко, то будто органы играют. Стоит кабан на цепи, пашет клыками, сеет ушами, хвостом боронит, за ним дождь поливает, а позади него и жнется, и в копны кладется, и готовое в житницу возят. Привели от колодца трех златокудрых сыновей, телом беленьких, личиком румяненьких...

— Ах,— говорит царевич,— так это ж моя жена!

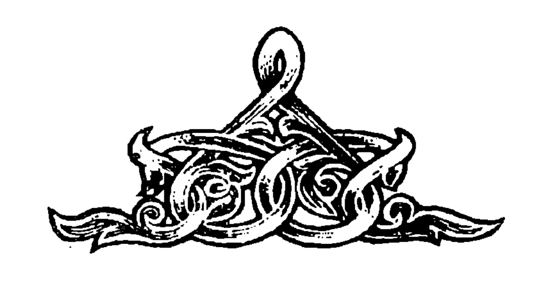
Выходит бабка, а он и говорит:

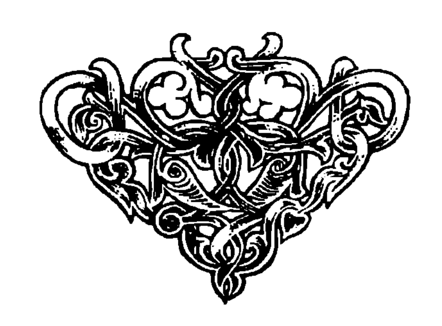
— Откуда бы тебе, бабка, и знать, если бы ты их в колодец не кидала? Это ты собачьих, жабьих, сухопарых моей жене подкинула.

Видит тогда бабка, что не обмануть ей царевича, и говорит:

— Правда твоя, царевич!

Велел тогда он привязать бабку к коню, и пустили его во чисто поле. А сам поехал по мосту к своей жене да там и живет.

О БОГАТЫРЕ БУХЕ КОПЫТОВИЧЕ

Жил-был купец, и была у купца дочка. Кучером был у него парень, а звали его Копыто. И любила та дочка того кучера. Долго ли, коротко ли любились они, но только родила она сына и спрятала его, чтобы мать или отец не узнали, а сама лежит больная. Ночью, когда старики уснули, впряг Копыто лошадей в коляску, взяли они ребенка и поехали. Верст за семьдесят в степь укатили. Там взяла она мальчика, кинула его в траву, а он аж бухнул. Вот она и сказала:

— Будь ты по имени Бух, а по отчеству Копытович.

А ребенок, как только родился, сразу же и заговорил. И не было на нем кожи, а все тело будто копыто. Попрощались, расцеловались, дала мать ребенку харчей и сказала:

— Оставайся же ты тут, а я тебе буду харчи доставлять.

Сели в коляску с Копытом и уехали.

Кони добрые, мигом домчали их назад. Коней Копыто выпряг, она спать улеглась, так и не узнали купец и его жена, что их дочка ребеночка родила и ездила с кучером в степь. Прошел месяц, другой, третий — повез Копыто сыну харчи. Увиделись, расцеловались, оставил Копыто харчи и поехал обратно. И растет тот Бух Копытович, да не по часам, а по минутам, и вширь и ввысь. Месяца через три снова наготовила мать сыну харчей и одежды, и поехали на этот раз уже вдвоем.

Приехали, а она и спрашивает:

— Не привезти ли тебе, сыночек, саблю или пику?

— Нет, не нужно, мамка, у меня вместо сабли да пики кулаки растут,— говорит он,— через полгода вы мне снова харчи привезите, а там уж и не надо.

Вот пробыл он на том месте, где его оставили, шесть лет, и вырос из него Богатырь силы небывалой. Два аршина с половиной в плечах да два с половиной вышины у Буха Копытовича, а веса в нем тридцать три пуда с осьминою; по три пуда кулак один. Вот на седьмом году и покинул он то место, где его родители оставили. Идет день, два, на третьи сутки повстречались ему два богатыря на лошадях. Подъехали да и не поздоровались, а только спрашивают:

— Кто ты такой?

— Я Бух Копытович. А вы кто такие?

— Мы богатыри.

— Не может быть, чтобы вы были богатыри.

— Нет, богатыри.

— Какие же вы богатыри? Разве богатыри такие нелюдимые да неприветливые бывают? Вы грубияны!

Озлились они и уже готовы его посечь на куски.

— Мы тебя,— говорят,— в гроб вгоним!

— Нет, в гроб меня вогнать вам не удастся. А хотите силу Буха Копытовича испытать, так соберите восемь человек: семь человек будут драться, узнают, какая у меня сила,— мне как раз седьмой год пошел,— а восьмой свидетелем будет, пусть смотрит, как мы будем драться.

— Ты удерешь!

— Нет, я вас не боюсь, я на этом месте буду. Вы приезжайте с теми богатырями, мы поборемся.

Поскакали они на своих добрых конях, созвали богатырей и говорят:

— Мы могли бы и вдвоем на куски его посечь, а он говорит, чтобы семь человек было. Что нам тут бить-то, семи человекам?

А Бух Копытович на том же месте стоит.

— Все ли собрались?

— Все,— говорят они,— восемь богатырей.

— Какие же вы богатыри? Я думал, что богатыри народ учтивый, а вы грубияны?

Они так и остолбенели.

— А, ты вот как, всех нас грубиянами считаешь? Будем же драться!

— Ну, а как же мы будем драться? Саблей да пиками? У меня никакого оружия нет, кулаки только. Меня ваши сабли и пики не возьмут, изогнутся. Так не хотите ли и вы на кулаки?

— На кулаки, так на кулаки, мы согласны.

— Ну, так давайте начинать. Сложите свое оружие на землю, коней отпустите, а ты, восьмой, сиди на коне, смотри, как мы будем драться. Ты свидетелем будешь, станешь богатырям рассказывать, что такие-то, мол, встретили в степи Буха Копытовича — седьмой год ему пошел,— а он с семью богатырями стал драться.

Сложили свое оружие богатыри, подходят к Буху Копытовичу и говорят:

— Кто же будет начинать? Мы к тебе приехали, так ты и начинай, испытай ты нас сначала!

— Как же вы хотите драться? Может, станете друг против друга? И как бить вас — в грудь или в плечи?

— Как хочешь.

— Нет, мне в грудь жалко, разобью еще грудь, я буду в плечи бить.

Стали они все в один ряд.

«А ну,— думают,— пусть Бух Копытович испытает нашу богатырскую силу».

Взмахнул своим кулаком Бух Копытович да как бухнет в плечи крайнего,— сразу трех человек в землю вогнал, а четыре сверху лежат.

— Ну, иди,— говорит он тому, что был свидетелем,— смотри, живы ли твои богатыри. А сам не бойся, я тебя не трону.

Тот встал, посмотрел:

— Где там живы, они уже давно не дышат!

— Ну, рой же для своих товарищей яму саблей. Не гоже их так бросать, нужно их в сырую землю зарыть.

Вырыл тот яму, положили, зарыли.

— Ну, богатырь, видал ли ты такого, как я, богатыря?

— Нет, в жизни не видал.

— А вы рассердились, что я вас грубиянами назвал, да хотели меня погубить! Нет, меня не погубишь. Ты теперь по белу свету поезжай да рассказывай всем, что

ты такого богатыря видел, который семь неучтивых, надменных богатырей одним кулаком убил. И чтобы вы все собрались ко мне. А я буду у синего моря. Там меня ищите, там меня найдете, там я вам что-то поведаю. Не было до сих пор над вами старшего. А теперь будет над вами Бух Копытович старший.

Богатырь поклонился и уехал.

Вот Бух Копытович пошел к синему морю. А там скалы, как горы, большие. Пришел он и ходит над синим морем, под теми скалами, по песочку. Вдруг видит — тропиночка. Вот и пошел он по той тропиночке. Дошел до каменной горы. И нет там ничего — камень один. Стал Бух Копытович и стоит да ладонью по камню гладит. И нащупал он сучочек небольшой — с горошинку. Взялся за тот сучочек пальцами, глядь — открывается дверь. Входит он, видит — комната большая, золотом так и сияет. Стоит в ней стол, стулья, а людей нет. Похаживает Бух Копытович по комнате, руки за спину заложил. Ходил, ходил да как кликнет своим богатырским голосом, так вся комната и задрожала:

— Есть ли кто тут, отзовися!

— Есть девушка-Лебедушка,— отвечают тихонько,— а ты кто?

— Я Бух Копытович. А ну, выйди, девушка-Лебедушка, покажись!

И вышла-вылетела из-за стены красивая да милая девушка, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Можно ли мне, Лебедушка, поесть подать?

— Можно,— говорит,— сейчас подам.

Как ударит кулаком Лебедушка по столу, так на столе сразу и появились закуски и напитки всякие.

— Ну, Бух Копытович, чего желаете, то и кушайте,— говорит Лебедушка,— что вы прикажете, то я и буду подавать.

А сама у порога стоит. Бух Копытович напился, наелся хорошенько да и говорит:

— Теперь, Лебедушка, убирай.

Лебедушка сейчас же к столу, убирает. Садись же, милая девушка, и ты покушай.

Налил ей рюмочку водки:

— Пей!

А она не решается.

— Пей,— говорит Бух Копытович.

Выпила она и говорит:

— Спасибо вам, Бух Копытович; я своему хозяину-змею служу тридцать лет, и за тридцать лет не дал он мне не то, что рюмочки водки, а и крошки хлеба, а вы в первый день обо мне вспомнили, угостили меня.

— А согласна ли ты, Лебедушка, идти со мной, куда я пойду?

— Согласна,— говорит она,— век вам служить буду.

— Ну, Лебедушка, а нет ли у тебя музыкантов?

— Есть,— говорит,— у меня двенадцать человек музыкантов.

— А позови-ка их: пускай они сыграют.

Лебедушка к столу приступила, стукнула кулаком по столу да как крикнет:

— Музыканты, выбегайте, Буху Копытовичу заиграйте!

Выскочили из шкафа двенадцать молодцов-музыкантов и давай играть Буху Копытовичу. Как заиграли, так показалось, что комната надвое разделяется. А Бух Копытович по комнате похаживает да как притопнет ногой, так камень мелким маком рассыпается. Играли, играли, долго ли, коротко ли, благодарит Бух Копытович:

— Довольно, музыканты, благодарю!

Перестали те играть.

— Ну, Лебедушка, угости же и музыкантов.

Лебедушка наливает им по рюмке водки.

Подходят те, закусывают, благодарят Буха Копытовича, а он и спрашивает:

— Согласны ли вы, господа музыканты, идти со мною, куда я пойду?

— Если Лебедушка согласна, так и мы согласны.

А Лебедушка говорит:

— Я уже давно согласилась.

— Пойдемте же со мною, и как только я вас кликну, так сразу чтобы вы и явились.

Только сказал это Бух Копытович — исчезли музыканты и Лебедушка с ними. Как и не было их. А Бух Копытович вышел из той комнаты да и пошел куда глаза глядят. Вышел он на столбовую дорогу, прошел верст пятнадцать от тех скал, видит — стоит над дорогой

большой каменный столб. Дошел до того столба, измерил стены его— по три аршина косых стены, а двенадцать аршин косых в обхват тот столб, а пятнадцать аршин высоты, а на двадцать аршин тот столб в землю вошел. А живут в том столбе змеи страшные, много их тут с женами и с детьми. И выгнут тот столб булавою вверх, а на той булаве невидимка-шапка надета, драгоценными каменьями разукрашена. И сколько ни идет народу, так того столба никто не видит. Подошел Бух Копытович к столбу, взглянул на шапку и говорит:

— Здесь ли ты, Лебедушка?

— Я здесь,— отвечает она.

— Чья это шапка?

— Ваша.

— Как бы ее достать?

— Сейчас я сниму ее.

Взлетела Лебедушка на тот столб, сбросила шапку Буху Копытовичу, и сразу стало видимым то змеиное убежище. Посмотрел Бух Копытович на шапку, а там написано: «Кабы эту шапку Бух Копытович нашел, всех змеев победил бы».

Взял он ту шапку, надел.

— Ну, Лебедушка, раскинь шатры. Отдохнем здесь.

Она и раскинула шатры. Тогда он говорит:

— Пускай теперь музыканты играют. Порадуемся, что такую шапку нашли.

А тут приезжают два богатыря, давно уже ищут они Буха Копытовича у синего моря. Бух Копытович и спрашивает их:

— Сколько вас есть?

— Нас,— отвечают богатыри,— сто семьдесят человек.

— Сейчас же всем прибыть сюда!

Через три часа едут все до единого — сто семьдесят человек. Приехали, лошадей отпустили, поздоровались.

Привел Бух Копытович их к тому столбу и спрашивает:

— Видите вы этот столб? Кто из вас его может разбить?

Те посмотрели, подумали, прикинули на глаз и говорят:

— Нет, мы этот столб не можем разбить!

— Не разбить нам этого столба.

— А я,— говорит Бух Копытович,— могу его своим кулаком разбить. Рассыплется он на мелкий мак.

— Коль сила у вас такая, то и рассыплется, а мы его не разобьем.

— А если не разобьете, то поклянитесь мне служить по четыре человека, и смену знайте, то ли по неделям, то ли по месяцам, и все делайте, как я прикажу. Ну, теперь пойдемте в мои шатры, выпьем, закусим, отдохнем, а потом пойдем тот столб разбивать.

Зашли все в шатры — и Бух Копытович и богатыри. Бух Копытович и говорит:

— Лебедушка, шатров прибавить надо — гостей много! Да кушать нам подавай.

Лебедушка все сейчас же исполнила: шатров прибавила, закуски, напитки подала.

Поели богатыри, отдохнули. Бух Копытович и говорит:

— Ну, идемте теперь к столбу. Посмотрите, как я разрушу то змеиное логово. Лебедушка, обмахни-ка шелком мне правую руку!

Лебедушка обмахнула шелком ему руку, обвязала, и пошли они к тому столбу. Пришли к столбу, и говорит Бух Копытович:

— Отойдите-ка все на семь верст от этого столба, а на восьмой версте остановитесь. Тут место ровное, видно будет.

Отошли они и стали на восьмой версте. И крикнул им Бух Копытович:

— Кто не выдержит стоя — падай на сырую землю: хоть и будет земля дрожать, держись за землю, не бойся.

А сам Бух Копытович ходит вокруг того столба, голову вверх запрокинул. А потом как бухнет в столб, так тот столб и рассыпался на мелкий мак, и земля на семьдесят верст задрожала вся. И разверзлась бездна на семь верст вокруг, и стало там озеро, а вода в том озере с кровью пополам, и кто напьется ее — погибнет.

Взял он и пошел сверху по воде, вышел на сухое, подходит к богатырям.

— Что, видели?

— Как не видеть — и видели, и слышали. Мы от земли на два, на три аршина отскакивали, а потом на сырую землю падали.

И спрашивают они его, отчего вода в том озере не чистая.

— То,— говорит Бух Копытович,— с кровью вода: были в том столбе змеи с женами и детьми. Прошу же теперь снова к шатрам.

И давай пировать.

Попировали, отдохнули да и распрощались.

Разъехались богатыри в разные стороны, а четверо, по уговору, остались с Бухом Копытовичем. Отдохнули–и в дорогу. У Буха Копытовича коня нет, он пешком, а богатыри на лошадях сидят. Один впереди, два по сторонам, один позади, а Бух Копытович среди них идет. Долго ли, коротко ли, прошли верст десять. Вдруг навстречу им едет пристав, что ли, и кричит:

— Сворачивай с дороги!

Бух Копытович и говорит своим богатырям:

— Разве он сильнее меня? Сильнее меня в мире нет. Чего я буду перед ним сворачивать да ему кланяться?

Подъезжает тот пристав и летит прямо на них. Тут передний богатырь и говорит:

— А ну, богатыри, вперед!

Те все вперед и выскочили.

— Ты кто такой, что не сворачиваешь?

Пристав кричит:

— Вы кто такие, что не сворачиваете?

А Бух Копытович и говорит:

— Покажите-ка ему, как сворачивать!

Те кинулись, вытащили пристава из кареты да как стали стегать его плетьми! Он кричит, просится:

— Я же не знал, с кем дело имею. Буду сворачивать и внукам закажу.

— Ну, хватит,— говорит Бух Копытович,— киньте его в карету, пускай себе домой едет.

Кинули пристава и повез его кучер домой.

Едут они дальше, а в стороне показался сад большой. Лебедушка и говорит:

— Вон моего прежнего хозяина сады, самого старого змея-Жеретия; пойдемте-ка к нему в гости, угостите его хорошенько.

Пошли, дошли до того сада, а там стоят палаты каменные, забором обнесенные. У ворот два лютых льва

прикованы, такие, что людей едят; кроме своего хозяина, никого во двор не пропустят — разорвут и съедят.

Дошли до ворот. Лебедушка и говорит:

— Не идите, это такие львы, что и вас разорвут, а надевайте шапку-невидимку, так они вас не увидят.

Бух Копытович сейчас шапку-невидимку на себя, пошел,— львы и не видят. Один богатырь с одной стороны у него идет, другой — с другой, а два за воротами остались; как только до львов дошли, так богатыри сейчас же саблями тем львам головы и срубили,— тот одному, а тот другому. Прошли шагов двадцать — снова ворота, и два медведя лютых привязаны. Бух Копытович шапку надел, богатырям приказал,— они и тем медведям головы поснимали. И пошли они тогда прямо в сад; но тут служанка змея их увидела, разбудила его и говорит, что пришли-де богатыри какие-то, ваших львов и медведей покололи, а теперь в сад пошли и все разоряют.

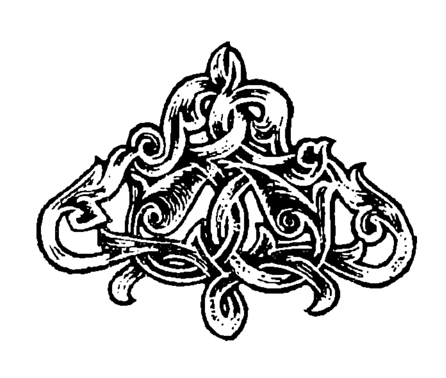
Разозлился змей.

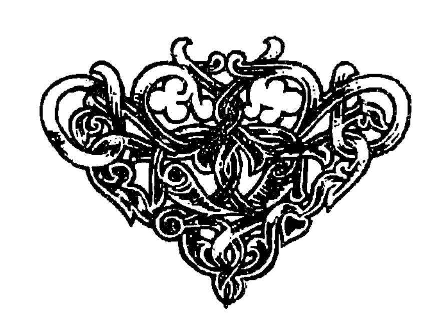
— Недолго разорять будут, вот я им покажу!

Схватил саблю острую и бегом к ним, лютый такой, огнем так и пышет. Но Бух Копытович шапку-невидимку надел, а богатыри — у него по сторонам. Тот бежит мимо них и не видит.

— Ну, богатыри мои, побьете ли змея без меня? Бейте его!

Тот оттуда, тот отсюда саблями как взмахнули — змей на землю упал, а богатыри его посекли, порубили...

И. Керницкий

СКАЗКА О НЕРАЗУМНОМ

Поспорили однажды Карандаш с Резинкой о том, кто из них достойнее и нужнее малому ученику Юрке.

А надо вам сказать, что Карандаш очень гордился своим чудесным почерком, а Резинка была страшно упряма.

— Ну, скажи, кому ты нужна? — насмехался Карандаш над Резинкой.— Да ты ни одной линии на бумаге начертить не можешь! Разве сможешь ты написать в тетради такое слово, как «мама» или «баба», или хотя бы 2 × 2 = 4!..

А впрочем — пускай все тут присутствующие рассудят и скажут — кто достойнее: я или ты?

А в Юркином Пенале были четыре блестящих Пера, деревянная Ручка и Ножик для заточки карандашей. Они пока что молчали, потому что не имели желания вмешиваться в спор. Только старый, весь в чернильных пятнах, дядька Пенал, который уже много пережил и много слышал и видел на своем долгом веку, пробормотал сердито:

— Глупости все это, да и все!

— То, то, то! — зацокотала в углу языкатая Резинка. Ох, боже, писарь какой знаменитый нашелся. И толку с твоей писанины, шмаровоз, если все то, что ты царапаешь, я одним махом сотру!

— Да, да! — вздохнула тихо Тетрадь, которая лежала на столе.— А все это падает на мою бедную голову! Одни пишут, другие вытирают, а ты, сестрица, терпи!

Кому какая мысль придет — тот вот сейчас на бумагу... И за что мне такое наказание?..

А Карандаш и Резинка не утихомирились. Они еще пуще возненавидели друг друга и только ждали случая, чтобы еще раз схлестнуться в поединке. Ждать пришлось недолго.

Вечером малый Юрка, выполнив домашнее задание, оставил в беспорядке на столе свои школьные принадлежности.

Когда же старые часы в углу у шкафа отзвонили двенадцатый час и луна заглянула через окно в Юркину комнату,— на столе сейчас же началась странная суета.

Карандаш вспомнил утренний спор с Резинкой и почувствовал себя обиженным тем, что Резинка назвала его прилюдно «шмаровозом».

— Ну, ты, неразумная стрекотуха! — вскрикнул Карандаш.— Вот мы теперь с тобой посчитаемся! Перед лицом всех жителей Школьной Сумки вызываю тебя на смертный бой! Всех присутствующих зову в свидетели. Увидим, кто победит: или ты меня сотрешь, или я тебя перепишу!

— Славно! Вот будет забава! — запищали тоненькими голосочками четыре блестящих пера, которые еще никогда не купались в чернилах.— Ну-ка, тетушка Резинка! — кричали они.— Становитесь к бою!

— Стану! Чтобы вы знали, что стану! — вызывающе подбоченилась Резинка.— О, не дождаться вам того, чтобы такой шмаровоз да взял верх надо мною. Уже я на голову стану, а все, что он напишет и начертит, сотру!

— Ох, горе мне! — зашелестела тревожно страничками Тетрадь.— Они снова будут меня мучить.

— Глупости все это, да и все! — пробормотал старый дядька Пенал.

Вот так ни с того, ни с сего начался этот поединок. Судья — пузатая Чернильница — великая юрза-мурза, похожая на трубочиста, потому что никогда не умывалась, пыталась примирить соперников, но они были непреклонны.

Карандаш и Резинка вступили на чистую страницу Тетради, то есть на поле боя. Судья — Чернильница — и сама не рада, что в это дело ввязалась, подала знак,

и упорная борьба началась. Ну, и упорная же была борьба!.. Что Карандаш напишет, то Резинка сотрет! Карандаш пишет, потеет, но и Резинка не отстает! Карандаш вертится на бумаге, как веретено, чертит закорючки, а Резинка вслед за ним, как вьюга, все поспевает и написанное, как языком, слизывает. Так они бьются, бьются, глядь, а на бедной Тетради уже и кожа потрескалась.

— Боже! Спасайте! — стонет бедняга.— И зачем они, каторжные, так издеваются надо мной?.. О, матушка моя, бумажная, зачем ты меня на свет родила?..

— Терпи, голубушка, видать тебе так на роду написано! — пробормотал старый дядька Пенал.

Через минуту дополнил:

— Глупости все это!

Чем дольше Карандаш писал, а Резинка написанное вытирала, тем все больше и больше Карандаш списывался, а Резинка стиралась. Карандаш хочешь-не-хочешь, а все-таки каждый раз должен был бежать к своему лютому врагу, Ножику, да еще и просить его:

— Ну, очини меня, враг мой, а то списался. Кромсай мое живое тело! Ох, больно мне, друзья, болит мое белое тело. Ну, да ничего. Уж я той языкатой покажу, где раки зимуют!

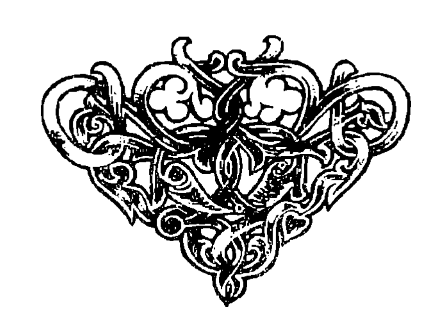
А Резинка, хоть и стерлась наполовину, не поддавалась.

— Гибну я, батюшки мои! — говорила она.— Сама вижу, что гибну, что собственными руками век свой укорачиваю. Но пусть от меня и пылинки не останется, а этому хвастуну я все-таки утру нос!

Так Карандаш писал, а Резинка стирала. Пока не осталась от них обоих лишь кучка пыли...

Пришло утро. Взошло солнце. В комнату ворвался свежий ветерок и сдул с письменного стола кучку пыли — все, что осталось от Карандаша и Резинки.

Вот какая история вышла, братцы. Оба наших героя погибли понапрасну. Так оно не раз и между людьми бывает.

Н. Романенко

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПЕЛЬКИ

В один из чудесных летних дней мы играли в своем садике.

Солнышко так грело, что даже в тени было жарко, но это вовсе не мешало нам. Мы были одеты легко.

За развлечениями и не заметили, как постепенно небо заволоклось тучами. Сразу блеснула молния, загрохотал гром и только успели мы заскочить в сени, как брызнул дождь. Капли густо падали на землю, на сад, на траву.

В сенях около столика сидел наш дедушка Петро. Он смотрел на дождь и как-будто про себя тихо говорил:

— А хороший дождь с моря нагнало к нам.

— Как это с моря,— спросили мы,— ведь дождь падает каплями с неба.

— Э, детоньки, много капля пропутешествует, пока дождем с неба упадет.

— А вы, дедушка, откуда это знаете?— заинтересовались мы.

— Рассказ об этом путешествии я подслушал у одной капли воды...

— Вечно вы что-то такое придумаете. Разве же может капля говорить о себе?

Дедушка улыбнулся.

— А вот послушайте, потом и увидите.

Было это давно. Еще был я мальчишкой малым. Любил очень цветы разные и лелеял их не только в саду, но и у себя в доме на окошке. Поливал я те цветы часто, а вода все куда-то исчезала, и земля сохла. Иногда сверху

побрызгаю свои цветики — как в бусы нарядятся каплями листочки, сияют и блестят на солнце. Радостный и счастливый, думал, что так всегда будут те капли лежать, а проходил час, другой — все куда-то исчезали. Очень это меня удивляло. Никак в толк не возьму, куда они деваются. Присматриваюсь, не закотились ли на окне куда-нибудь в уголочек,— нет, везде сухо. Вот и стал я следить сам и расспрашивать у тех капелек. Долго не мог понять ничего. Иногда даже грусть одолевала. Спрашивал у сверстников-мальчишек. Но и они ничего не знали.

Еще внимательнее следил я за теми каплями и понемногу стал понимать их жизнь и научился слышать их разговоры. А они между собой часто разговаривали, когда в дорогу собирались и прощались друг с дружкой.

— Не уходите, капельки, с моих цветов,— бывало, говорю им,— погостите на листиках да расскажите мне о своей жизни.

Не слушают, в далекую дороженьку спешат.

— Не можем тут оставаться, потому что солнышко не велит,— отвечают.

— Разве это ваш властелин?— спрашиваю.

— Не скажем,— улыбаются,— не скажем, потому что торопимся.

— Неучтивые вы,— говорю им, а сам, бывало, все умоляю,— скажите мне, капельки, куда с цветов вы улетаете? Возьмите меня за братика. И я с вами полечу тоже.

— Не сможешь ты братиком быть, не сможешь и лететь туда, куда мы легкие полетим.

— Разве ж вы легкие? Да разве же летите вы, отчего я этого еще не видел?

— Мы умеем расплыться, невидимыми стать и лететь легкими над горами к облачкам.

Это меня интересовало еще больше, и я уже просил, чтобы хоть рассказали, коль за товарища с собой взять не могут.

Одна все-таки уступила. Не полетела с подружками.

— Остаюсь я здесь на одну ночку,— сказала.— Переночую на цветочке и расскажу ему о жизни своей. Пусть ребёнок послушает.

Обрадовался я.

— Не буду спать, буду слушать. Говори скорее, капелька.

Сел я над цветком и впился глазами в капельку.

— Ты уж знаешь о жизни нашей,— начала она,— ты видел ее с детства. Ты жил с нами всегда, только не замечал этого. Много нас на свете. Никто не сумел бы сосчитать нас, никто не сумел бы собрать нас вместе. Взгляни на речку, которая течет через ваш сад, сколько там воды. А вода эта состоит из таких капелек, как и я. Посмотри на широкое море, на безбрежный океан — сколько там воды, сколько там капелек собралось! Когда-то давно, мой голубь, и я жила в том огромном океане.

— А как же ты оттуда попала сюда?— спросил я капельку.

— Не сразу, ох, много уже времени прошло, как пустилась я в путешествие. Послушай, где только не побывала я, пока попала в ту кружечку, из которой ты поливаешь свои любимые цветики.

С подругами, с каплями, жила я свободно в большом море-океане, гуляли мы да резвились, века целые качались да в волнах все сплетались. Бывало, заслышим только, что где-то ветер зашумит издали, и уже все дрожим, радуемся. Иногда, катаясь на рыбке, заплываешь так глубоко, а услышишь тот звук—и торопишься наверх, чтобы с капельками-подружками за ручки взяться да с ветром поиграть. Дуют ветры над нами, щекочут нас, раззадоривают. Задрожим мы вместе, затанцуем, волнами-горами вздымаемся, тяжелыми бурунами покатимся. За ветром все спешим до тех пор, пока встретим где-нибудь на пути скалу или берег. Ударимся все вместе, засмеемся, разбрызнемся и снова в море-океан возвращаемся. Примкнем к другим, которые в такую же стайку-волну уже собрались и за нами спешат. Бьемся с ними о скалу или о берег и снова назад возвращаемся.

И так время долго шло.

Однажды в солнечный день гуляла я с подружками, гонялись за лодками, к веслам цеплялись и плыли далеко. Было ясно и так хорошо на поверхности, что не хотелось в глубину опускаться.

Немая тишина иногда нарушалась криками чаек, летающих над нами и чего-то ищущих.

— Счастливые!— промолвила одна подружка.

— Кто? — просила я.

— А те птицы, высоко и свободно летающие в воздухе. А мы в океане, наверное, всю жизнь проживем и не увидим, что за ним происходит.

— Да, да, подружка,— вздохнула я.— Хоть и весело здесь, а все-таки хотелось бы полететь за птицами.

— А знаешь что, голубушка, попросим-ка мы чайку-жалобницу, пусть поднимет она нас в воздух и понесет за море вдаль.

И заволновались мы, стали просить чайку:

— Голубушка-белогрудка, возьми и нас в высь, вынеси за море, в края чужедальние!

— Не могу вас нести в края чужедальние — у меня гнездо неподалеку от берега с малыми детушками. Нельзя мне оставить их, будут они плакать за родимой. Попросите вы солнышко, оно поможет вам подняться, обратитесь к ветру, он вас понесет.

А солнышко в это время так весело сияло, просто ослепило нас.

— Попробуем,— решили мы и стали просить золотое солнце, чтобы оно помогло нам подняться в воздух.

— Ежедневно миллионы вас поднимаю я своими лучами золототканными, и вы этого не видите, и вы этого не знаете.

— А ты, ласковое солнышко, и нас сегодня подними.

— Хорошо, — сказало солнышко.

Пригрело нас лучами, и мы почувствовали, как, невидимыми, поднялись из воды.

— Ага, мои подружки, я уже поднимаюсь в воздух.

— И мы, и мы,— услышала я вокруг.

Огляделась я, а вокруг никого не видно, лишь голоса слышны.

— Почему же я вас не вижу,— спросила я,— если и вы со мной рядышком летите?

— А себя ты видишь?

Взглянула я на себя: ах, горюшко! нет меня, не видать.

— Что же это такое?— спросила я удивленно. — Где же моя кругленькая фигурка?

— Раздалась, расплылась, на малюсенькие невидимые капельки рассыпалась, в пар превратилась, как и другие,— услышала я в ответ.

— А ты кто?— спрашиваю.

— Я тоже капелька и поднимаюсь в воздух уже не впервые.

Разговариваем мы так с соседкой, а сами все выше и выше вверх поднимаемся. Взглянем вниз — сердце замирает.

Далеко-далеко внизу блестит-искрится поверхность воды.

Долго летели мы вверх, долго стояли над океаном, в воздухе так тихо и хорошо было. Уж солнышко с полудня покатилось, вдруг подул легонько ветерок и погнал нас, невидимок, из того места, где мы были.

— А ну-ка, подруженьки, в путь-дорогу,— сказал одна капелька.— Летите и не теряйте своих частичек.

— Все будем держаться вместе,— послышались голоса.

И полетели мы на крыльях легкого ветра в неведомые края, в даль еще невиданную. Долго летели мы над океаном и все радовались тому, что взлетели с его поверхности, что вольные теперь. Не знали того, что капелька в воздухе свободной не может быть, а летит туда, куда несет ее ветер.

К вечеру только увидели мы, что океан остался позади. Вместо него внизу раскинулась чудесная долина, покрытая зелеными коврами, расцвеченными разноцветными красками.

Уже солнышко склонилось к западу, и мы почувствовали, как нас обнимает холод, притягивающий к земле. Опускаемся, радуемся, потому что хочется очень увидеть вблизи волшебную зеленую скатерть. Когда совсем закатилось солнышко, мы почувствовали, что частички наши друг к дружке льнут. Я снова ощутила себя капелькой, а вокруг стали появляться подружки.

— Подруженьки, капельки, переночуем тут на шелковой траве,— сказала одна капелька.

— Переночуем, переночуем!

Все ближе и ближе стали мы опускаться и, наконец, расположились кто где смог: кто на листике, кто на

стебелечке, а я, счастливая, упала на головку какому-то розовому цветочку и от усталости быстро уснула.

— Может, и ты, голубчик, спать уже хочешь? Может, притомился от моих рассказов?— обратилась ко мне капелька.

— О нет, я слушаю, рассказывай, что же было дальше?

На следующий день я проснулась, осмотрелась вокруг и удивилась. Солнышко взошло и окутало своими лучами всю долину.

— Как мне тут любо,— вздохнула я и еще сильнее прильнула к цветку.

— Хорошо и мне, капелька, да жаль, что недолго ты со мной будешь оставаться. Почти каждую ночь кто-нибудь из нас ночует здесь, а наступает день, поднимается и отправляется в путь-дорогу,— сказал мне цветок.

— Но я не хочу еще улетать, мне и тут хорошо,— сказала я.

— Это не от тебя зависит.

— Но ведь от меня зависело прийти к тебе на отдых, на ночку, милый цветочек?

— Нет, милая: когда наступил вечер, воздух стал прохладным, а твои невидимые частички прижались друг к дружке ближе от холода. То же стало и с твоими подружками. И все вы превратились из невидимого пара опять в капельки. А потом росой упали на ковер из травы и цветов. Переночевали вы тут, отдыхаете, пока пригреет солнышко, а там снова оно разогреет вас и снова паром легким вы подниметесь и в дороженьку дальнюю понесетесь.

Рассказывает мне это цветочек, а солнце все выше да выше подымается. Его лучи все сильнее и сильнее согревают меня. И почувствовала я, что снова поднимаюсь в воздух легкой невидимкой, а вместе со мной и все мои подружки.

Высоко-высоко поднялись мы, а ветру того и надо: подхватил нас и понес на своей груди. Летим мы — радуемся, новыми ландшафтами любуемся. А навстречу нам что-то огромное выступает белой стеной.

Не успели мы приблизиться, как почувствовали, что холодом оттуда дышит, а приблизились и — о ужас: белая мертвая скатерть под нами разостлалась.

— Ой, холодно, сестрички! Собирайтесь все вместе,

ускорим свой полет, чтобы скорей пройти эту белую скатерть. Торопились мы, теряли свои частички, поспешили, в маленькие капельки собрались, друг к дружке прижались и тяжелым туманом над снежными горами расплылись. Уж не летим, а катимся, тяжелые все стали. А со снежных вершин к нам доносятся голоса, в гости к себе зовут.

— Придите к нам, голубушки, превратитесь в белые пушистые капельки, будем тут жить, с ветрами хороводы водить, гулять меж горами. Мы белые и красивые, такими станете и вы.

— Кто это к нам обращается?— спрашиваю. Признаться, у меня сначала появилось большое желание стать пушистой белой капелькой, но меня предостерегла одна подруга.

— Лети,— сказала она,— отсюда как можно скорее, не садись тут на отдых, а если сядешь,— навсегда останешься тут мертвой. Это покрывающее высокие горы покрывало все ведь соткано из капелек. Они когда-то были такими вольными, как и мы. Летали в воздухе. Перелетая через горы, они сели отдохнуть, превратились в снег и остались мертвыми лежать.

Услышав это, я вздрогнула. Взмолилась я, обратившись к ветру, чтобы он скорее вынес нас из этой мертвой пустыни.

Подул ветер, покатил нас волнами над горами, покрытыми снегами. Остались далеко внизу горы и очутились мы высоко-высоко над ровными полями. А ведь чем выше в воздухе — тем холоднее. Не можем мы на холоде быть невидимыми. Частички наши друг к дружке жмутся. Собрались мы в капельки снова, друг к дружке прильнули, черной пеленой над землей повисли, даже солнце собой закрыли. Ветер гнал нас дальше и дальше, называя нас тучами. Превратившись в тучу, мы стали такими тяжелыми, что не могли уже держаться в воздухе.

— Ой подруженьки, беда, я падаю,— закричала одна. За ней другая, третья так прокричали и понеслись к земле. И я не могла удержаться и тоже полетела на землю. А рядом со мной летели миллионы таких капелек, как и я. Падали мы на ниву, засеянную хлебами, и слышали, как растеньица радостно говорили: дождик,

дождик живительный из тучки падает. Это нас они называли дождиком, это нам они так радостно улыбались. Потом я узнала, как мы желанны всем растениям, что без нас они даже жить не могут. Но об этом я не стану рассказывать, а поведаю тебе далее о своем путешествии.

Падали мы дождем на землю. Некоторые в сухую землю проникали, обнимали корни растений и поили их водой. Я упала на стебелек и так пробыла там, пока пригрело солнце, а потом снова в воздух поднялась. Несколько раз росой на землю падала, чтобы переночевать и снова лететь с подругами. Несколько раз густым туманом над долинами расстилалась вместе с другими, а поутру с ветром неслись мы снова вверх, там собирались в тучи дождевые, слушали грохот грома, подпоясывались поясами молний. Долго-долго перелетала я над землей с места на место.

Однажды очень высоко залетела с другими капельками, и там было так холодно, что мы все сразу закоченели, затвердели. Казалось, стали мы твердыми белыми шариками. Некоторые поодиночке, а некоторые сложились вместе и казались такими великанами, что страшно было смотреть на них. И уже не могли мы удержаться. Полетели-понеслись на землю. Зашумели в воздухе, с разгона падали на нивы, которые колосками под небом красовались. «Ой, горюшко — пропадаем!— слышались отовсюду жалобные голоса.— Не бейте нас, смилуйтесь!»— это колоски умоляли нас так, а мы не могли удержаться, падали и своей тяжестью давили и ломали все растения. Много хлеба мы тогда загубили. Люди ходили и плакали, сокрушаясь: «Господи! Зачем ты посылаешь на нас такие напасти? Зачем градом побиваешь ты наши нивы, труды тяжкие?»

Жаль нам было и людей, и растений, но не виноваты мы в том, нас ведь ветер загнал в такую высь, где холод сковал нас и превратил в зерна града.

Долго лежали мы белым покровом на земле и слушали тяжелые стенания людей. Но пригрело солнце, и растаяли мы, ручейками быстрыми понеслись с горки. Хотелось поскорей уйти от того горя, которое мы причинили. Разбежались мы наклонным ручейком по овражку, и оттуда попали в речку.

В речке мы, встречаясь друг с дружкой, рассказывали о своих путешествиях. Среди нас были и те, что всю землю уже облетели и даже под землей побывали, и те, которые, кроме моря и рек, ничего еще не видели.

Так незаметно, разговаривая, влились мы в большую реку. По ней ходили тяжелые пароходы, лодки, в воде резвилась рыба, везде плавала стайками. Мы долго пробыли в реке, пока добрались до огромного моря. Оно очень напоминало мне мой родной океан. Но такого простора уже не было. Сколько времени пробыла я в море — не знаю. Много там было хорошего, но все же меня влекло в необозримые дали, ведь я уже побывала в путешествиях.

Ежедневно я обращалась с просьбой к солнцу, чтобы вынесло оно меня отсюда.

И солнце согласилось. Снова понеслась вместе с подружками я, полетела над землей. Удивило лишь то, что воздух и над землей был холодным, и где бы мы ни пролетали, везде земля была покрыта белою пеленою. А ветер нес нас и пел: зима, зима. Везде было холодно и грустно. На ночь мы в одном лесу опустились на голые ветви деревьев капельками. Проснулись утром и не узнали своего пристанища. Все деревья покрылись белыми цветами и листьями. Лес выглядел волшебным, сказочным. А это мы его так украсили, потому что осевшие тут капельки превратились в иней. Дня два красовался он в таком убранстве, блистал под солнцем. А потом, ах, страшно вспомнить.

Подул ветер, небо заволокло тучами. Зашумело, загудело. Посыпались, словно рой пчел, снежинки с неба. Засыпало снегом овраги, на ровных местах поднимались горы — гулял ветер, кружил снег, творя над землей метель.

Меня и некоторых подруг сорвало с дерева и занесло к какой-то избе и там уложило в сугроб, под самым порогом.

— Вот нам и смерть пришла,— сказала соседка-подруженька.

— Тут, наверное, мы и доживать будем, как те несчастные, которые опустились на горы высокие,— сказала я.

13 49-3

Лежим мы, грустим. Утром вышел человек из избы, взял лопату и отбросил нас далеко от избы. Но тосковали мы недолго. Вышла женщина с горшочком и набрала в него снега. Попала туда и я. Ну, думаю, иное что-то будет. Внесла она нас в избу и засунула в какую-то дыру. А там — ужас как горячо. Вокруг горшочка пламя пылает и припекает нас. Мы сразу растаяли и превратились в воду.

Вдруг одна вскрикнула, пузырем над водой вздулась и лопнула.

— Что с тобой? — спрашиваем.

— Горячо мне,— застонала она.

Вскоре и нам стало горячо да так, что не знали, куда ни деваться. Рады бы выскочить, так горшочек накрыт крышкой. Застонали мы, зашумели, заметались по горшочку, а нам еще горячей становится. Не смогли мы больше терпеть такой муки несносной, надавили что есть мочи на крышку и свалили ее. Я была сверху и как можно скорей выскочила, а со мной мои подружки. Паром с дымом в трубу вырвались и устремились в воздух. Но недолго и там летали. К вечеру снова сбились в тучу, только уже не в дождевую, а в снежную. Холодно было в воздухе так, что мы сразу же частичками и смерзлись, соединились и стали снежинками.

Утром выпали мы на землю. Я упала около самого леса и там пролежала до самой весны.

Весной солнышко пригрело. Растопило нас. Некоторые просто в воздух поднялись, а я с подружками в землю впиталась. В земле мы долго опускались все ниже и ниже. Через разные почвы проникали и, наконец, добрались до такой, через которую проникнуть не смогли. Собралось нас там много: небольшим ручейком по склону потекли под землей. По дороге встречали много своих родственниц, сливались в большие подземные озера, из них находили выход и спешили дальше. Наконец однажды услышали как те капли, которые были впереди, зашумели и радостно закричали:

— Сестрички, скорее сюда. Светло, светло!

Побежали мы, а навстречу нам день так и засиял, глазам больно. Было это отверстие в горе, и мы сквозь

него снова на Божий свет вырвались из темного царства, из-под земли.

Потекли мы с горы быстрым ручейком и снова попали в речку, а из речки меня какой-то рыбак вынул с рыбой и бросил на берегу. Солнышко подняло меня, и долго носилась я в воздухе, пока выпала капелькой дождевой на землю. Всосала меня земля. Достигла я твердой почвы и под землей потекла из родника в колодец. Оттуда вынули меня ведром. А ты набрал воды из ведра и полил свои любимые цветочки. Так я и очутилась на цветке.

А теперь, прощай, мой милый. Опять зовет меня солнышко в путешествие, снова полечу я по белому свету.

Она невидимым паром поднялась с моего цветка.

Вот что рассказала мне капелька милая о своих приключениях,— закончил дедушка.

— И это все правда, дедушка, так и было на самом деле?— спросил я.

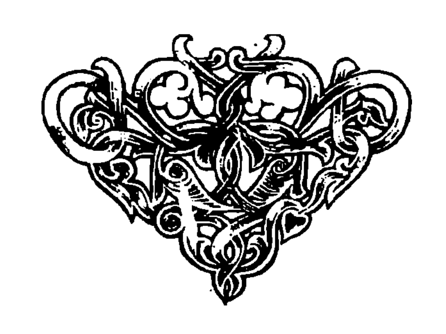
— Конечно! Каждая капелька много путешествует, и это легко заметить каждому из вас.

Дождь уже прекратился. Ветер понес тучи дальше. Солнышко засияло над умытой дождем природой.

Сады и трава украсились дождевыми жемчужинами.

Мы снова выбежали гулять, и, казалось, каждая капелька рассказывала о своих приключениях, ведь мы уже знали, откуда они к нам прилетели.

Н. Романенко

ЯРОСЛАВА И БОГИНЯ ЛАДА

(Сказка древних языческих времен)

В древние языческие времена жил на берегу Днепра богатый князь Дабор. Из всех богов наиболее ревностно поклонялся он Даждьбогу и каждый месяц приносил ему жертву — сто снопов отборной пшеницы. Ежедневно до восхода солнца выходил князь со своей женой, двумя сыновьями и дочкой Ярославой на высокую скалу, где стоял железный столб, а на нем висел серебряный треугольник. Там все ожидали первых лучей солнца. И как только они блеснут, самый старший рыцарь из княжей дружины ударял серебряным молоточком в треугольник трижды, а князь, его дети и жена падали на колени и молились Даждьбогу. Когда приходил день жертвы, раскладывали рыцари-дружинники большой костер, складывали в него девяносто девять снопов пшеницы, украшали их венками из душистых трав и цветов и дважды ударяли в серебряный треугольник. Выходил князь из своего терема, стоящего среди роскошного бора, чтобы зажечь пшеницу. Перед ним Ярослава несла княжий факел с золотой ручкой, а за ним оба сына несли сотый сноп пшеницы; его сам князь своей рукой клал на жертвенник.

Гордо шел князь, окруженный своими детьми, радостно билось его сердце, когда смотрел он на своих статных сыновей и красавицу дочку Ярославу.

Гордо выступал князь меж своих дружинников, клал

сноп на жертвенник, брал от Ярославы свой факел и поджигал пшеницу.

Однажды упал дождь и погасил жертвенный костер. А чтобы не случилось так в следующий раз, велел князь вырубить в скале большую пещеру с отверстием на восток, украсил ее самоцветами, поставил посредине мраморный жертвенник, а подле него на серебряном подножье — золотого идола Даждьбога, на стене напротив входа в пещеру прибил золотую круглую бляху, первые лучи солнца отражались в ней — поблескивали самоцветы и четыре лица Даждьбога улыбались ласково.

Наступил день жертвы. По велению князя сложили княжичи девяносто девять снопов на жертвенник, а когда князь приблизился, чтобы положить сотый сноп, упали княжичи у ног отца замертво. Убитый горем князь положил мертвых сыновей на жертвенник, сломал свой факел, приказал замуровать вход в пещеру, а сотый сноп бросил со скалы.

Так случилось, что не было Ярославы с отцом. Она со своими подругами плела венки в роще, чтобы украсить ими идола богини Лады, который стоял там на мраморном подножье, вытесанный из белого алебастра. И вдруг перед девушками упал сноп пшеницы, а был это тот самый сноп, который бросил князь.

— Смотри, Ярослава, сноп упал с неба. Сделаем из него венок Ладе! — решили девушки. И через несколько минут на голове идола Лады красовались золотые колосья, а остальная пшеница почернела и рассыпалась.

Разгневался князь на Даждьбога и только в пасмурные дни, когда не было солнца на небе, выходил он из палат и открывал окна светлиц. Для дочери же Ярославы соорудил железный терем без окон и дверей, соединив его с княжими палатами подземным ходом. Сам терем разделил на две половины: в первой находилась Ярослава со служанками, а в другой стоял идол Лады из рощи. Так упрятал князь свою дочь от Даждьбога, чтобы тот не забрал ее в свой рай, как забрал его сыновей.

Сидит Ярослава в железном тереме, не видит белого света, а лишь свет факелов, да слушает рассказы подруг о днях погожих, о солнышке да луне, о жизни на земле.

А князь и слышать не хочет о том, чтобы вышла дочь его из железного своего терема.

Однажды в лунную ночь летел бог ветра Стрыбог над княжим теремом и остановился. Заинтересовал его железный терем. Облетел он его несколько раз, но не нашел даже щелочки, чтобы заглянуть внутрь. Еще больше удивился бог ветра и, опустившись на землю, приблизился к терему. Увидел, что одно из окон чуть-чуть приоткрыто, влетел в него тихо, облетел все хоромы, да и нашел тайный ход в Ярославину темницу. Ярослава стояла перед Ладой и плакала. Стрыбог едва дотронулся до руки девушки. Она оглянулась и увидела перед собой чернобрового молодца в серебряном, как лунное сияние, убранстве. На ногах у него были серебряные сандалии, а на черных кудрях сиял серебряный обруч.

— Идем со мной, Ярослава, на мой остров, где среди душистых трав и ярких цветов поют райские птицы, порхают пестрые бабочки. Там ты станешь жить в моем серебряном замке и слушать мою музыку, от которой трепещет все живое,— так промолвил Стрыбог, поднял Ярославу на руки и полетел с нею.

Летели они над городами и селами, горами и долинами, наконец прилетели к замку бога ветров. Лишь тогда Стрыбог опустил девушку на землю перед серебряными ступенями.

— Это твой замок и твой остров,— сказал он ей и повел девушку в палаты.

Ярослава увидела много комнат, все в них серебряное: и пол, и потолок, и стены, и вся мебель. У девушки глаза разбежались от диковинно изукрашенных палат. А замок окружали величественные кедры, на которых распевали райские птицы, а на ярких от цветов лугах пестрели легкокрылые бабочки.

Перед Стрыбогом появились два златокудрых мальчика в зеленых одеждах.

— Это теплые ветерки: вечерний и утренний,— сказал Стрыбог.— Видишь, там стоят мои четыре ветра: западный, северный, восточный и южный, а среди ярких цветов отдыхает Буря.

Ярослава посмотрела в ту сторону. Там на серебряных

широких столбах стояли четыре молодца. Один был в розовом одеянии, лицо его круглое, румяное, глаза черные, кудри рыжеватые. На другом было сизое одеяние и блеклые сизые глаза его глядели зимно, в руках он держал ведерко, полное града. Третий молодец был выше двух первых, худой, с воспаленным лицом и зеленоватыми глазами. Его померанцевое одеяние, перехваченное в талии красным кушаком, ниспадало к ногам пышными сборками. От всех троих четвертый отличался смуглым веселым лицом, голубыми глазами и золотистыми одеждами. Вокруг него порхали бабочки, а птички садились ему на плечи. Когда Стрыбог повел Ярославу дальше, приподняла Буря со своего оловянного лица легкую черную вуаль и гневно взглянула на девушку. Была она зла и завистлива, и как только Стрыбог оставил княжну, полетев осматривать мир, сорвалась со своего места и стала бросать в Ярославу мокрые сизые тучи.

Но южный ветер разметал тучи, а северный высыпал на Бурю град из своего ведерка. Рассвирепевшая Буря взлетела высоко в синее небо и оттуда кинулась на землю, ломая ветви деревьев и выворачивая с корнями огромные старые дубы, вздымая клубы пыли. В то время бежала по дороге богиня смерти Морена с косой — дочь Чернобога, косившая людей во время мора, как косарь траву.

Остановилась Морена, увидев, как Буря распустила свои черные одежды и мечет сизые тучи с такой силой, что вуаль слетела с ее оловянного лица.

— Опомнись, сестрица Буря! Ты чего так лютуешь? Все глаза засыпала пылью! — крикнула Морена, и ее костистое, безносое лицо, с глубоко впалыми глазами, забелело перед Бурей. Та утихла, тучи разошлись, а синее небо опять прояснилось.

— Ох, прости, но я должна была дать волю своему гневу. Послушай, что я тебе скажу. Стрыбог умыкнул княжну Ярославу, дочь князя Дабора, принес ее в наше божье жилище. Все ветры и даже твой приятель, восточный ветер, не отходят от нее.

Морена заскрежетала желтыми зубами.

— Теперь я знаю, отчего не умирают люди, ему

некогда приносить зараз от реки Иангеса. Неужели Ярослава краше меня, сестрица?! Покажи мне ее!

И они обе, закрывшись облачком, полетели на остров, где Стрыбог со своими ветрами окружили Ярославу.

Тем временем князь Дабор пришел в железный терем своей дочери и не нашел ее там. Стал князь перед статуей Лады и горестно воскликнул:

— Лада! Лада! Где моя дочь?! Ведь я отдал ее тебе на попечение!

Ожила статуя Лады. Она сошла со своего подножия и полетела прямо к Даждьбогу.

Палаты Даждьбоговы сияли солнечным светом, а сам Даждьбог сидел на золотом престоле, от которого золотистые лучи разносили тепло во все стороны. Лада упала к стопам Даждьбога и рассказала о причине своего прихода. Даждьбог, выслушав ее, показал Ладе остров, где Стрыбог любовался Ярославой, ветры приветливо улыбались ей, а Буря и Морена неистовствовали от зависти.

— Видишь, Лада, Ярослава, хоть и лестно ей расположение Стрыбога, хотела бы вернуться к отцу. Дам я тебе совет, Лада, но не стану вмешиваться. Ты ведь знаешь, что зима не за горами, а зимой отец Морены Чернобог сильнее меня. И если я помогу тебе Ярославу забрать, то разгневанный Стрыбог объединится с Чернобогом и велит северному ветру нагонять на меня морозы еще сильнее. Смотри, Морена уже перед престолом Чернобога, она жалуется ему на Ярославу, Стрыбога и восточный ветер. Чернобог взглянул на Ярославу, и лицо его посветлело... Она понравилась ему. Скоро он возьмет ее в свое царство, и князь потеряет дочку навсегда. Ярославу надо спрятать в русалкин замок на дне озера неподалеку от острова. Там ее никто из них искать не станет. Торопись, Лада, пока есть время. Обещай русалкам много солнечных лучей, длинных, до самого дна, если они спрячут княжну.

Поблагодарив Даждьбога за совет, Лада в то же мгновение очутилась над озером и заглянула в него. В глубинах вод на дне стоял хрустальный замок. В нем

сидели и лежали на лежанках из драгоценных перламутровых раковин русалки и расчесывали свои золотые косы. Их прозрачные тела дрожали от холода, ведь солнечные лучи не доходили до них в темные глубины озера. И они нетерпеливо ожидали лучей, чтобы согреться в них. Лада набрала целую охапку самых ярких и теплых солнечных лучей и пустила их в хрустальный замок. В замке сразу стало тепло, и русалки ожили. Они, взявшись за руки, завели хоровод, а Лада все бросала охапками лучи.

— Откуда нам такая благодать? Взгляни-ка, дочка,— обратилась Королева русалок к одной из них, и та поплыла к берегу.

Увидев над зеркалом озера ее головку, Лада передала ей свою просьбу к Королеве.

А тем временем перед Стрыбогом предстал посланец Чернобога. Он потребовал отдать ему Ярославу. Стрыбог прогнал посланца. А молнии уже поражали самые лучшие кедры, падали на землю птицы с обгорелыми крыльями, а цветы и трава завяли в дыму и пламени.

Испугавшись, Ярослава в ужасе бежала сама не зная куда, а когда приблизилась к озеру, из воды появилась белая, словно снег, русалка и увлекла княжну с собой в озеро. Все это видела с противоположного берега Лада. Буря также, увидев это, радостно простерла руки и из ее ладоней заклубились сизые тучи. Скоро они закрыли весь остров и погасили огонь. Разгневанный Стрыбог полетел к Чернобогу и кинулся на него. Но между ними вдруг встал Даждьбог.

— Опомнитесь! — ласково сказал Даждьбог.— Ярославы уже нет на земле. Она скрылась в замке русалок, где мы, боги, не имеем силы.

Стрыбог вернулся на свой остров, который снова зазеленел и зацвел.

А в княжем тереме от великого горя и печали, от тоски по детям занемог князь Дабор. Лежит на лежанке, укрытый покрывалом.

И вот однажды после восхода солнца раздались звуки серебряного треугольника над княжим теремом. Это богиня Лада ударила в него трижды.

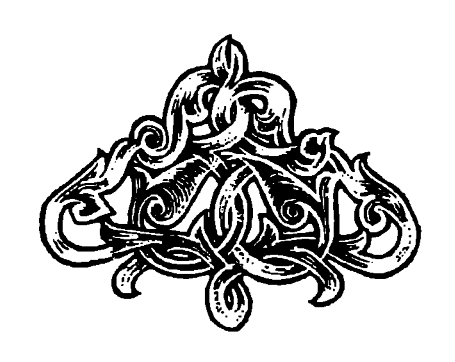
— Вставай, князь, сам Даждьбог призывает нас на

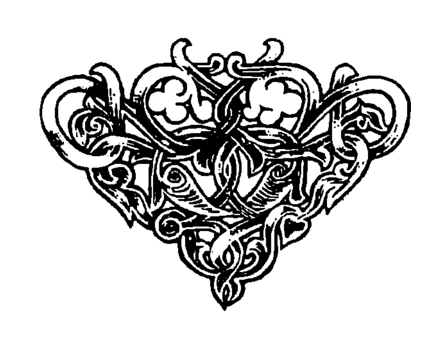
молитву! — сказали рыцари, взяли лежанку с князем и понесли на скалу, где была святыня.

И когда рыцари-дружинники приблизились к священной пещере, открылся вход и вышли из пещеры Ярослава и оба княжича.

Подала Ярослава отцу его факел с золотой ручкой и венок из пшеницы, который девушки свили тогда для Лады из сотого снопа.

Князь встал со своей лежанки совсем здоровым. Он положил венок на жертвенник, и вскоре заструился дым из пылающей пшеницы и вознесся к самому престолу Даждьбога.

Н. Романенко

СОН КОЗАКА

Оседлал козак своего коня вороного, повесил через плечо бандуру и зашел в избу с матерью попрощаться, ведь собрался он света повидать, посмотреть, как люди живут. Положила мать перед ним котомочку с травами, восковую свечу, кусочек мела, красный шнурочек и говорит:

— Едешь ты, сынок, повидать света, вот и даю тебе то, без чего нельзя отправляться в путь. В этой котомочке макковейское зелье. Носи его на шее, и оно будет охранять тебя от хвори. В пещерах и лесах живут ведьмы, упыри и всякая нечистая сила. Все они боятся света макковейской свечи и разбегаются от него во все стороны. С этой свечечкой, если ее зажечь, можешь смело идти даже в ад, там тебе ничего злого не сделают. А этим кусочком мела очертишь то место, где будешь ночевать. Этот круг не переступит нечистый дух или ведьма какая, потому что мел этот свяченный вместе с пасхой. Если заночуешь в степи, не забудь повязать своему коню шею этим красным шнурочком. По степи носится много злых духов, и если они поймают коня, то катаются на нем всю ночь до первых петухов. Такой конь всегда погибает. Шнурочек этот моченый в иорданской воде, он отгоняет злых духов. Если бы я имела шапку-невидимку, то дала б тебе и ее, но не имею. А теперь поезжай и возвращайся через год.

Едет козак степью, играет на бандуре и не успел оглянуться — стало вечереть. Спешился козак и решил

тут заночевать. Откуда ни возьмись выбежала из травы белая курчавая собачка, вскочила в седло и превратилась в красную девицу, по-боярски наряженную, в красных сапожках. И тут же оборотилась старухой, залаяла коню в ухо, а тот, испуганный, понесся, только трава за ним зашумела. «Ведьма, ведьма!» — вскрикнул козак и побежал вслед за конем. Выбежал на высокую могилу, огляделся по сторонам, не увидит ли своего вороного. Вдруг могила затряслась. Смотрит козак, а одна сторона у нее отвалилась и стали из могилы выходить козаки, да все скованные по правой руке одной длиннющей цепью. «Один, два, три...» — считает козак. И насчитал тридцать козаков. «А нет ли здесь кого, кто бы расковал нас?» — спросил один из них. «Есть, есть!» — откликнулся козак и встал перед ними. «Да кто же и за что вас заковал?» — спрашивает он их. «Лет двести тому назад бежали мы из турецкой неволи. Но догнали нас враги, сковали и живыми в этой могиле закопали. Вот уж четырнадцать лет выходим мы из могилы и зовем, чтобы кто-нибудь нас освободил»,— ответил глухо один невольник. Козак едва коснулся цепи, и она со звоном упала на землю, а тела козаков рассыпались в прах, лишь тридцать голубей взмыли в небо, один из них с черным крылом.

«Не суди, Господи, рабов Твоих, а прими их в царство Твое святое»,— горячо помолился козак, зажигая макковейскую свечку. С нею в руке вошел он в раскрытую могилу. Ничего не увидел там, лишь сивая шапка лежала в углу. Поднял он ее, а шапка и говорит ему: «Я шапка-невидимка». Вышел козак с шапкой из могилы, и она тут же завалилась и сровнялась с землей.

Солнце уже на полдень стало, когда козак дошел до хутора боярина Мороза, у которого было десять табунов коней. Сам боярин сидел на крыльце, а подле него стояла та самая дивчина, которая обратилась в старуху на коне и умчала в степь. Глянул козак на нее, схватился за нагайку и чуть было не крикнул: «Где мой конь, ведьма?!». Но боярин ласково приветствовал его, представил свою дочь, а узнав, что ищет козак, позвал своего хлопца и велел ему отвести козака к табунам, пускай он посмотрит, не пристал ли к ним его конь.

— Не нашли мы твоего коня, козаче,— сказал ему хлопец.— Но вот тебе мой совет: бери себе любого коня из табуна — боярин не знает им числа — и уходи отсюда поскорей. Наша боярышня — ведьма. Она превращается раз в белую собачку, другой — в старуху, а тебя может превратить в любого зверя. Пропадешь ты.

— Не боюсь я! — усмехнулся козак и вернулся на хутор.

Боярин опять сидел на крыльце, подле него стояла боярышня, а на плече у нее сидел черный кот.

— Ночуй у меня, козаче, в степи без коня плохо тебе будет,— сказал боярин и повел козака в светлицу.

Только боярин вышел из светлицы, козак закрыл за ним дверь и поставил на ней и на окнах кресты священным мелом, нарисовал круг около своего ложа, надел шапку-невидимку и лег на постель. В полночь слышит козак ходит кто-то в сенях, дергает дверь, царапается в окна и опять ходит в сенях. Вдруг открылась заслонка в печи, и в светлицу спрыгнул черный кот, а за ним влезла старуха. Не удержался козак, ударил кота нагайкой да заодно и старуху стеганул по руке. И ведьма со своим котом убралась восвояси тем же ходом. Утром сидела боярышня за завтраком с перевязанной рукой, сказав, что зашибла нечаянно руку.

Поблагодарил козак боярина, попрощался и ушел. Да недалеко зашел, а под вечер вернулся на хутор, надел шапку-невидимку и стал дожидаться. Не совсем еще стемнело, а боярышня уже вышла за ворота, превратилась в белую собачку и побежала вместе с черным котом в степь. Бежит собачка, а за ней, невидимый, идет козак. Вот уж и стемнело. Превратилась белая собачка в старуху, разложила костер, пристроила над ним таганок и стала варить снадобье. «Бедный мой котик,— заговорила она,— ты голодный! Не смогла я превратить козака в кролика, чтобы ты сытно поужинал». А кот мурлычит и лижет лапу. Озлился козак и схватился было опять за нагайку, но вдруг что-то зашумело-загудело и перед костром упала бочка. Дно ее отлетело и оттуда выскочили трое бесенят. Они взялись за хвостики и затанцевали вокруг костра. Козак вынул священный мел, очертил круг, где

танцевала вся компания. Снял он шапку-невидимку и крикнул:

— А не скажете ли мне, где мой конь, не то не выпущу вас до третьих петухов.

— Ох, ох! Не знаем,— запищали бесенята и попадали от страха на землю.— Может быть, князь пекла знает!

— Везите меня к нему! — приказал козак и пригрозил нагайкой.

Вскочили бесенята в бочку, старуху с котом прихватили, сел козак верхом на бочку, загудела она и взлетела. Запахло серой, и едва успел козак зажечь свечку, упала бочка посреди самого пекла и разбилась. Бесенята удрали, а на разбитой бочке осталась сидеть боярышня со своим черным котом.

Обошел козак все пекло, заглянул во все уголки, но так и не нашел коня, а спросить о нем некого — все бесенята разбежались от света свечи. Выходя из пекла, оглянулся козак, видит — сидит на ветке сухого дерева белый голубь с черным крылом. Припомнились ему тридцать козаков, освобожденных им от оков, и спросил он:

— Неужто, душе козацкая, твои грехи так велики, что тебе еще и в пекле сидеть нужно.

— Сказал мне святой Петр, что если вынесет меня из пекла тот самый козак, который снял с меня цепи, то он тогда пустит меня в рай, потому что я еще не очистился от одного греха,— ответил ему голубь.

Козак снял голубя с ветки и вынес его из пекла.

— Садись на меня,— сказал голубь,— занесу тебя на небо, а там ты уж наверняка узнаешь, где твой конь.

Прилетел козак на небо и стал искать своего вороного. Его не интересовали ни ясные лики святых угодников, ни хоры ангелов. Не нашел козак коня, сел он на золотистую тучку и заиграл на бандуре так грустно, что ангелы притихли, а все святые потупили свои очи.

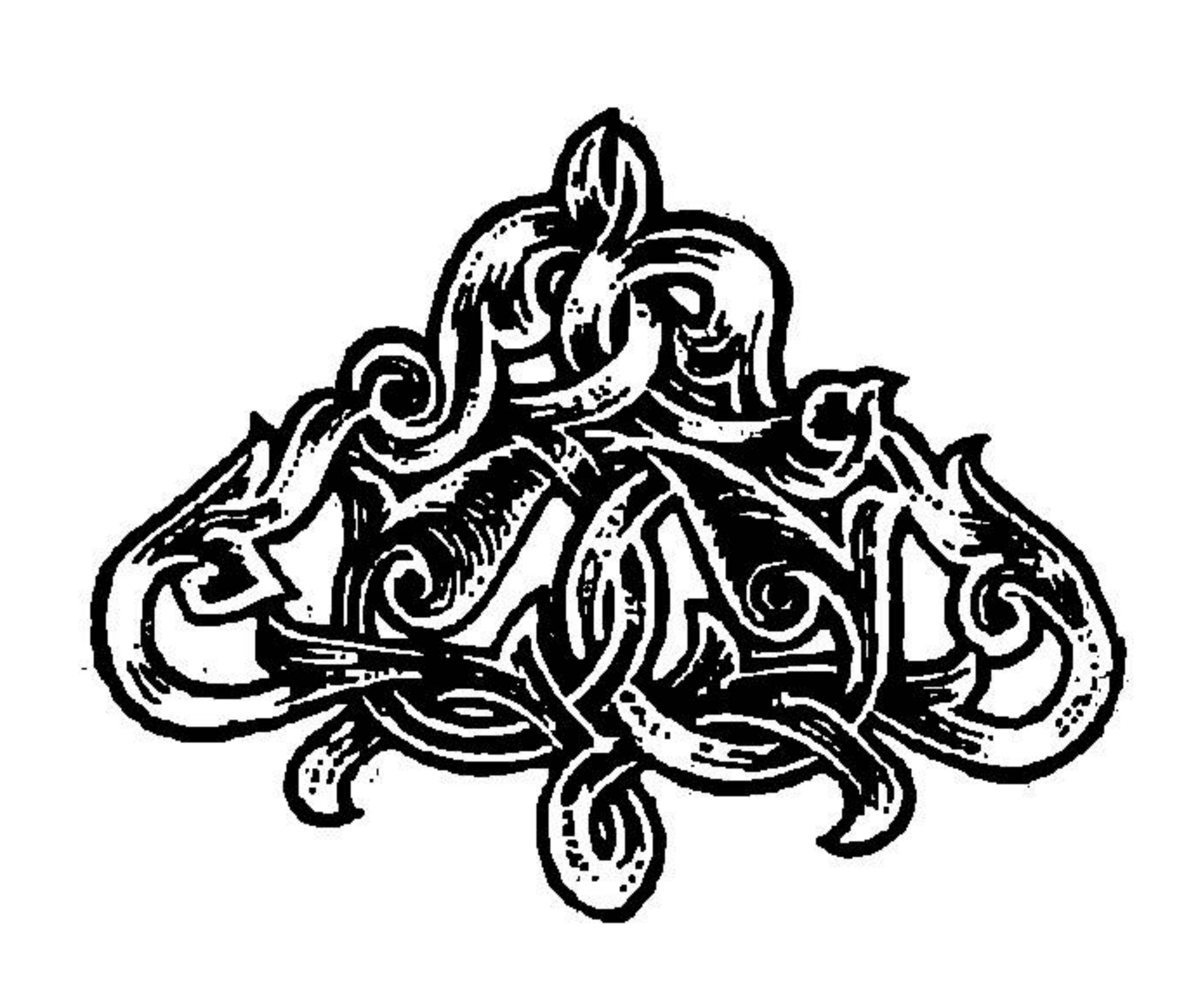
— Кто навеял грусть на мое небо? Приведи его пред мои очи, архангел Михаил,— сказал Господь.

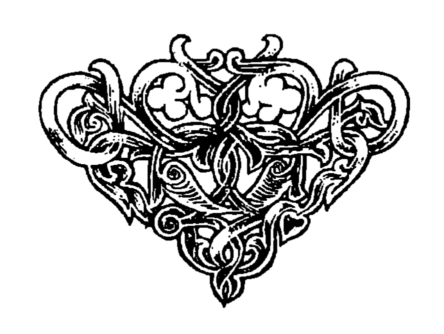
Козак, ослепленный светом Божьего Престола, упал на колени, прикрыл глаза рукой и говорит:

— Господи, увела ведьма моего коня. Ни на земле, ни в преисподне, ни на небе его нет. Господи, где мой конь?

— Твой конь при тебе! — сказал Господь и простер свою десницу над козаком.

Открыл козак глаза: лежит он на своем жупане в степи, среди душистых трав, тут же пасется его конь, а восходящее солнце осыпает его лучами.

Н. Романенко

ДЕВОЧКА ВЕРА

Напротив острова Хортица, на левом берегу Днепра, среди широкой долины был большой двор. Двадцать домов было в нем с огородами да пасеками. Двумя кругами расположились дома в долине, которую пересекал ручей, вытекавший из горы. На горе той рос лес, а за ним простиралась необозримая степь, поросшая высокой густой травой. Жил на этом дворе господарь Радомир со своими сыновьями, внуками, правнуками и дочкой Еленой. Радомир был высокий восьмидесятилетний старец. Он и опекун, и судья, и заступник во всем своей задруге. Сзывал он задругу ударами булавы о медный котел, стоявший у него во дворе. И как только загудит медный котел, каждый оставлял свою работу и спешил на отцовский двор.

Однажды, когда все сошлись на звук медного котла, Радомир возвестил:

— Завтра начинаем страду.

Едва забрезжил рассвет, все дружно вышли в поле, а с первыми лучами солнца Радомир стал молиться: «Благослови, Белобоже, нашу страду и позволь ее закончить».

Помолившись, он обратился к детям:

— Я зажну первый сноп пшеницы. А ты, мой старший сын, скрути четыре свясла и свяжи ими этот сноп. Я его принесу в жертву Белобогу на острове Хортица. Ты, мой второй сын, забей три кола в землю и как только увидишь дым на острове, перевяжи их свяслами, это для бога Велеса и его златорогих черных туров.

Вскоре поплыл Радомир со старшим сыном и дочерью Еленой на Хортицу. А на Хортице росла трехсотлетняя священная липа, под которую приходили люди общинами или по одному, чтобы молиться. На восток от священной липы стоял из белого камня жертвенник Белобога, а на запад темнел жертвенник Чернобога. Проходя мимо священной липы, увидел Радомир под ней спящую маленькую девочку. Вот уже и пшеница на жертвеннике догорела и солнце близилось к полудню, но никто так и не пришел за ребенком.

— Наверное, какая-нибудь несчастная мать оставила здесь свою девочку в надежде, что ее заберут к себе добрые люди. Она проснется и может утонуть в Днепре. Прими ее, отец, в нашу задругу,— попросила Елена.

Тем временем девочка проснулась. Поднял ее Радомир и произнес:

— Принимаю тебя в нашу задругу, даю тебе имя Вера. Тебе, Белобог, и Тебе, Велес, вверяю ее, оберегайте ее от всякого зла.

Девочка обняла ручонками Радомира за шею и прижалась своей головкой к его лицу.

К вечеру же, когда все вернулись с поля, созвал их Радомир ударами о медный котел к себе во двор, из своего дома на руках вынес Веру, показал ее всем и сказал, что нашел девочку под священной липой и принял в задругу. И если кто-либо чужой будет спрашивать о ребенке, пусть придет к нему.

Росла Вера в семье Радомира, росло и благополучие, и достаток в его хозяйстве: в десять раз больше урожай зерна, в десять раз умножились стада коров и табуны лошадей. Мир и спокойствие воцарились в дружине. Вера стала дорогим членом семьи, так как все убедились, что вместе с ней к ним пришло счастье.

Однажды, когда Вере уже исполнилось десять лет, пошла она вместе с подругами в лес по грибы. И вот все дети вернулись из лесу, а Веры среди них не было. И отправились старшие на поиски девочки.

А Вера, отстав от детей, прошла лес и вышла в степь. Там увидела она пасущихся златорогих черных туров.

— Не бойся их, Вера, они тебе ничего плохого не сделают!— услышала она голос.

Оглянулась Вера, а около нее стоит высокий русобородый человек. Одежда на нем голубая, подпоясан он золотым кушаком. На голове широкополая из золотой соломы шляпа, а в руках длинный пастуший посох, венчавшийся золотыми рогами.

— Бог Велес и его златорогие туры!— обрадовалась Вера.— Мне отец рассказывал о тебе. А еще он сказал, что ты вместе с Белобогом мои опекуны,— сказала Вера радостно и стала гладить туров, которые наклоняли к ней свои головы.

— Твой отец ищет тебя, Вера,— произнес бог Велес.

А в это время старый Радомир шел по лесу и громко звал Веру, девочка побежала к нему.

— Батюшка, вон бог Велес со своими турами,— ой, да его уж нет,— произнесла Вера, глядя туда, где только что паслись туры и стоял Велес.

— Никому не говори, что ты видела бога Велеса, моя Верочка,— сказал ей Радомир.— А теперь идем домой, все там тебя ищут.

Прошло еще четыре года. Однажды к Радомиру пришли два каких-то человека и позвали его на Совет, который должен был состояться на острове Хортица, и на него должны были прибыть двенадцать старейшин соседних дворов.

Через два дня вернулся Радомир. Печальным было его лицо. Созвал он свою задругу и сказал ей дрожащим от горя голосом:

— Каждые тридцать лет сжигают украинцы в жертву Чернобогу живого человека, избранного от двенадцати задруг: один раз добра молодца, а другой — красну девицу. Тридцать лет тому назад сожгли восемнадцатилетнего юношу, которого ребенком нашли под священной липой, на этот раз назначили нашу Веру, поскольку и мы ее нашли под священной липой. За Веру взамен предлагал я сто коней и сто быков в жертву Чернобогу, но Совет не согласился, и уже завтра придут за ней.

Вскрикнула задруга и смолкла: печаль запечатала уста их и иссушила слезы.

Уже на другой день съехались одиннадцать задруг и окружили двор Радомира. А с рассветом, еще до восхода солнца, обрядили девушки Веру в черную рубаху,

распустили ее русые косы, связали и положили на носилки, покрытые черной плахтой. Двенадцать молодцев в черном взяли носилки на плечи и понесли их на берег Днепра. Тут поставили носилки с Верой в ладью и поплыли на Хортицу, где на жертвеннике должны были сжечь ее.

Первые лучи послало на землю восходящее солнце, и люди стали молиться Белобогу, а Радомир, упав на колени, молился и бил поклоны: «Не дай, о Белобоже, сжечь Веру, утешение моей старости!»

Вскоре лежала Вера на поленьях, сложенных на жертвеннике. Но лишь загорелись дрова, как с ясного неба полил дождь и погасил огонь.

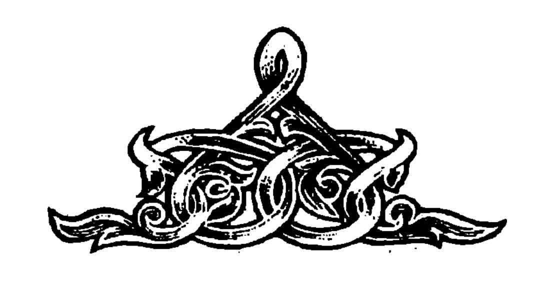
— Отче Радомир!— сказал старейшина чужой задруги,— Бог не хочет принять жертву, потому что ты не от всего сердца отдаешь Веру на сожжение. Он прогневается на всех нас и нашлет грады, бури и мор. Возьми факел и сам зажги костер.

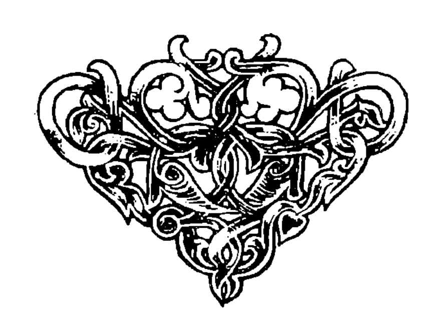
Вдруг откуда ни возьмись заревели черные туры на берегу Днепра, кинулись они в реку и поплыли к Хортице.

— Златорогие туры Бога Велеса,— закричали люди и сбежались под священную липу. А туры вышли из воды на остров, подошли к жертвеннику, а самый большой тур поднялся на дыбы, взял Веру на свои золотые рога и вмиг, переплыв реку, они исчезли вместе с Верой в степи.

Разъехались ладьями люди, возвращался домой со своими чадами и Радомир. А когда подошла вся семья ко двору, навстречу им выбежала Вера.

Черновцы, 2 августа 1927 г.

Н. Романенко

УТОПЛЕННИК

В русалкин праздник девушки села Радомировки, разросшегося из двора отца Радомира, собрались на берегу Днепра и стали пускать венки на воду: чей веночек плыл ровно и далеко по реке — та останется еще на целый год в девичестве, а те, чьи веночки кружились на воде и плыли к берегу,— выйдут замуж.

— Бросай, Марта, свой венок!— кричали подруги, обращаясь к самой красивой девушке, дочери сотника.

— Не веночек мой, а мой злат перстенечек брошу в Днепр. Кто принесет мне перстенечек, за того и замуж пойду!— сказал Марта и бросила перстень в реку.

Вечером собрались подруги у двора сотника. Вышла к ним и Марта.

— Ну-ка, девушки, поиграем в ястреба! Ты, Марточка, будешь голубкой, ты, Елена,— ястребом,— сказала одна из девушек.

Взялись девушки за руки и окружили Марту. Вдруг перед ней появился какой-то козак. Жупан на нем мокрый, полинявший, чуб облезлый, лицо синюшное, лишь черные глаза горят.

— Я нашел твой перстень, Марта. После Рождества приду за тобой!— сказал и исчез.

— Утопленник, утопленник,— закричали подруги и разбежались.

Осталась Марта на улице одна-одинешенька. Стоит и не шевельнется, словно к земле приросла. Вышла мать, завела дочь в светлицу, а Марта лишь дрожит со страха.

Уложила ее мать в постель, укрыла, дала напиться горячего отвара из целебных трав — не помогло.

Позвали шептух и знахарей, те в один голос: «Тут ни травы, ни заговоры не помогут. У твоей дочери, сотничиха, со страху сердце замерло. Если найдется кто-нибудь, кто захочет поменять свое живое сердце на ее замершее, выздоровеет она».

Сотник обещал четверть червонцев тому, кто излечит его дочь, но никто не вызвался. Никто не захотел поменять свое живое сердце на ее замершее.

Однажды в горячий полдень заехал во двор сотника какой-то чужеземный молодец на белом коне. Лежит Марта на завалинке на солнце, а опечаленные родители сидят около нее. Привязал молодец коня у плетня, подошел к хозяину и говорит:

— Приехал я, сотник, твою дочку сватать.

Взглянул сотник на незнакомца, а он, правду сказать,— добрый молодец, чернобровый, жупан на нем бархатный, сапоги сафьяновые, сабля да пистоль серебром изукрашены. По всему видно, богатого рода.

— Нет, добрый молодец, ничего не выйдет из твоего сватанья,— отвечает сотник. — Дочь моя хворая. Испугалась она утопленника, и сердце ее замерло от страха.

Усмехнулся молодец, удивился: как, мол, можно утопленника испугаться.

— Даю тебе, девушка, мое живое, горячее сердце,— обратился молодец к Марте.

Девушка встрепенулась, как пташечка, румянец заиграл на ее личике, глаза заблестели — стала она здорова.

Хотел было сотник поблагодарить молодца, а тот побледнел, словно мел, как будто дух его с телом распростился. Стоит неподвижно.

— Ой, молодец, что с тобой?— вскрикнул сотник.— Жена, давай-ка вдвоем заведем его в светлицу. Он отдал Марте свое живое сердце, а в его груди теперь ее замершее.

Ввели молодца в светлицу, уложили в постель, а он смотрит помутневшим взором, будто не понимает, что с ним происходит. Хлопочут родители у постели больного, а Марта разнуздала коня, напоила его у колодца, завела

в конюшню и насыпала полный желоб овса. Гладит коня и разговаривает с ним, будто с человеком, а конь жует овес и смотрит на Марту своими мудрыми глазами.

За обедом сотничиха и говорит:

— Завтра Ивана Купала. В эту ночь все звери говорят человеческим языком, а в полночь зацветает папоротник чудесным цветком, и освещает он голубым светом зарытые в землю клады.

«Буду я всю ночь сидеть около коня молодца, может быть, он мне скажет, как помочь его хозяину»,— думает Марта. Жаль ей бедного молодца, который как неживой лежит на постели.

Настала ночь. Марта тихонько оделась и осторожно, чтобы не разбудить родителей, вышла из светлицы. Пришла она в конюшню, а конь обернулся к ней и говорит:

— Садись, Марта, на меня. Понесу тебя в лес, где вот-вот зацветет папоротник. Как только загорится цветок и поднимется, чтобы исчезнуть в воздухе, поймай его в кулак и не выпускай. А вернемся домой, положи этот цветок моему хозяину на сердце, он выздоровеет. Потом иди пешком в Киев, в самую Печерскую Лавру. Там купишь у монахов шапочку святого Николая, а на базаре купи серебряный гребень. Когда будешь возвращаться из Киева домой, иди берегом Днепра, брось гребень в воду и скажи: «На тебе, русалка, серебряный гребень, а ты отбери у утопленника мой злат перстенек». А когда наступит вечер, пошли молодца на Днепр к русалке за перстнем и дай ему шапочку святого Николая. А забудешь дать, затянет русалка молодца в реку. Только шапочка эта спасет его от погибели.

Понесся конь с Мартой и вскоре остановился на опушке леса. Посреди опушки пышный куст папоротника, а вокруг него резвятся-веселятся лешие. Увидели коня, окружили его, хотят Марту стянуть своими ручищами. Да у девушки-то сердце молодецкое, не боится она, хотя вид их страшен: рога да копыта, уши длинные да бороды козлиные. Вдруг как ударит гром — на папоротнике и распустился красный цветок, да такой яркий, что всю опушку осветило ярким светом. Марта поймала тот цветок в кулак. И понес ее конь домой. У самого крыльца

соскочила девушка с коня и поспешила в светлицу. Положила она спящему молодцу цветок на сердце, а сама вышла да и пошла в Киев.

Помолилась она в Печерской Лавре всем святым, купила у монахов шапочку святого Николая, а на базаре — серебряный гребень. И отправилась в обратный путь. На другой день, идя вдоль Днепра, бросила Марта в реку серебрняый гребень и сказал все, как ее конь научил. Приходит она домой, а во дворе народ толпится, в светлице ее поют да кадилами кадят.

— Что происходит?— спрашивает Марта.

— По тебе поминки справляют. Прослышали мы, что тебя утопленник забрал,— отвечают ей люди.

А сотник, увидев ее, говорит:

— Смотрите, люди, моя Марта жива и невредима. Она ходила на богомолье в Киев. А теперь я прошу всех на пир свадебный. А вы, девушки, приходите вечером венок вить.

Так приглашал всех счастливый сотник.

Вот вьют-свивают девушки венок, поют свадебные песни, а Марта надела на молодца шапочку святого Николая и послала его к Днепру к русалке за перстнем.

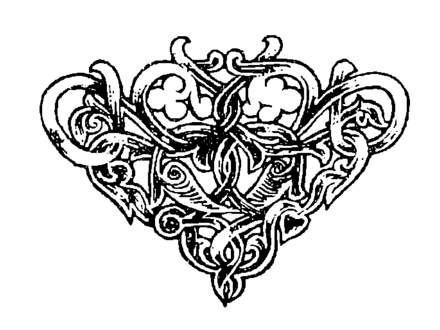
Прошел час, другой, Марте и косу девушки уже расплели, и в венок нарядили, сотничиха священные ленты от маккавейской троицы к венку дочери привязала, а козак не возвращается.

— Пойте, девушки,— попросила Марта подруг, а сама побежала через поле на берег Днепра, откуда она перстень бросила в воду на русалкин праздник. Прибежала, смотрит, а там сражаются на саблях молодец с утопленником. Бросилась Марта между ними, сняла с себя свадебную китицу, прикрепила ее утопленнику на мокрый жупан и говорит:

— Прошу тебя, утопленник, будь моим старшим дружком.

На свадьбе так никто и не догадался, что утопленник был дружком, таким нарядным он пришел, в шелках да бархате.

Черновцы, 5 мая, 1927 г.

Н. Романенко

ПОМАДКОВАЯ КУКОЛКА

Стояла красиво разукрашенная сосенка. На самой ее верхушечке блестела шестигранная звезда с колокольчиками и свечками, а над ней распустил свои белые крылышки ангел. Каждая веточка была украшена по-разному и на каждой горели разноцветные свечки. На одной из веточек висел на ниточке шоколадный трубочист с лесенкой и щеточкой на плече. На другой веточке, прикрепленная голубой ленточкой,— голубоглазая помадковая куколка. Черный трубочист придумывал, как бы ему подобраться к куколке и поговорить с ней. Скучно ведь висеть около золотой рыбки с выпученными глазами.

— Откуда ты, золотая рыбка? — обратился он к ней.

— Из далекого моря! Я много плавала и много видела. Я очень образованная. А ты отчего такой черный? — спросила рыбка.

— Я трубочист. Чищу дымоходы, выметаю сажу, поэтому такой черный.

— Ах, ты трубочист! Чистишь и выметаешь дымоходы! Но такой госпоже в золотых одеждах, как я, не пристало разговаривать с теми, кто лазит по дымоходам,— гордо сказал рыбка и еще больше выпучила свои глаза.

— Но я не только чищу трубы! Я умею и по лесенке лазить и огонь гасить. Вот посмотри,— крикнул трубочист, приставил лесенку к свечке и загасил ее.

— Фу! Какого угару напустил,— чихнула рыбка и отвернулась от трубочиста.

Обидевшись, трубочист больше не обращал внимания

на рыбку. Он пристально смотрел на помадковую куколку, спустился по своей ниточке и раскачивался на ней, чтобы куколка заметила его. Но она смотрела на стол под сосенкой, а там в четыре ряда стояли оловянные солдатики и перед ними с саблей наголо в голубом мундире прохаживался офицерик.

Трубочист рассердился, дернулся — ниточка разорвалась, и он полетел вниз, но удачно зацепился за нижнюю веточку. Подставив лесенку, он по ней стал взбираться наверх, к куколке. Добрался до ее веточки, уселся на нее и прикоснулся своим черным пальчиком к белой ручке куколки.

Она посмотрела на него и спросила:

— Тебе чего?

— Хотел тебя попросить, чтобы ты покаталась со мной на звезде. Вон там вверху есть звезда с колокольчиками и свечечками. Я зажгу их, звезда станет вертеться, колокольчики начнут звенеть, а мы с тобой покатаемся,— ответил ей, кланяясь, трубочист.

— Да, да! Отвяжи меня, я покатаюсь с тобой! — затараторила куколка.

Трубочист развязал голубую ленточку, помог куколке взобраться на веточку, взял ее за ручку, и они вдвоем стали пробираться к звезде. Вскоре они уже были наверху. Трубочист поставил свою лесенку на два колокольчика так, что получился мостик, на который он посадил куколку, зажег свечечки и сам сел рядышком с ней. Зазвенели колокольчики, звезда завертелась колесом.

Куколка развеселилась, она пела и хлопала в ладоши и на радостях подарила трубочисту голубую ленточку, которой была прикреплена к веточке. Трубочист не помнил себя от счастья, он перевязал ленточку через плечо и поклялся куколке в вечной дружбе. Вдруг куколка вскрикнула и двумя ручками ухватилась за трубочиста: неподалеку от них на веточке сидела серая крыса, охорашивая лапкой свои усы и показывая острые зубы. Крыса решила взять куколку себе в жены и пришла сказать ей об этом.

— У меня, дорогая, будешь иметь всего вдоволь. Мои закрома полны белого риса, сладкого сахару и стеариновых свечей. Получишь такой же серый тулупчик, как у меня.

Будешь спать на душистой соломе в самой лучшей норе под полом,— говорила крыса.

— Ах,— шепнула куколка трубочистку,— помоги, спаси меня!

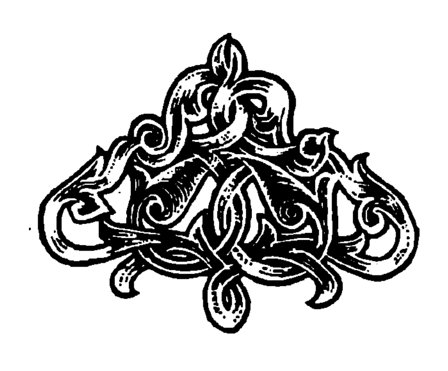
— Прошу, идем вниз,— продолжала крыса.— Я сейчас же заберу тебя с собой, моя дорогая. А не захочешь, так познакомишься с моими зубами.

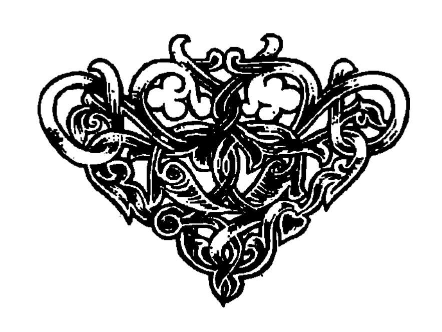
— Не бойся,— успокаивал куколку трубочист.— Там внизу стоит войско, оно защитит нас.

И когда они уже опустились на стол, бросилась куколка к офицеру с просьбой защитить ее от зубастого жениха. Офицер дал команду своим солдатам, и они, вынув сабли, окружили его и куколку. Крыса оскалила зубы и готова была броситься на солдат, но в это время трубочист выстрелил в нее из пушки. Пуля отбила у крысы лапку. Запищала бедная крыса и на трех лапках ускакала в свою нору, а куколка стала благодарить офицера за то, что он спас ее от большого несчастья.

— Как ты осмелился без разрешения стрелять? — закричал офицер на трубочиста и велел солдатам прогнать его. В отчаянии бросился трубочист со стола на пол. А куколка развлекалась с офицером и даже не посмотрела туда, где лежал на полу трубочист.

Но недолго веселилась куколка. Солдатики зашагали в коробочку, и она закрылась, а куколка осталась одна. От скуки она забегала по столу, упала на пол и разбилась рядом с трубочистом, который лежал без головы,— его голову съела злая крыса.

Н. Романенко

ДЕД И БАБА

Однажды возвращались дед и баба из города домой. Вдруг слышат: кто-то плачет недалеко от дороги. Пошли они в ту сторону и увидели: сидит на пенечке малюсенькая девочка.

— Ты почему, деточка, плачешь? — спросила баба.

— Опоздала я домой. Я жила в гнездышке ласточки. А теперь она улетела в теплые края, меня оставила, а я не знаю, куда идти. Мне холодно и голодно,— плачет маленькая.

Взяла баба платочек, завернула в него девочку и понесла с собой.

А жили дед и баба в очень ветхой избушке и в ней, кроме стола, лавки, тапчана с соломой да разваленной печи, ничего не было.

— Ну вот, дед,— сказала баба,— имеем девочку, а где же ее спать положим?

Дед взял соломы, сделал из нее маленький кузовок, выстелил донышко перьями да пухом, накрыл белым полотенечком — вот и получилась чудесная постелька.

— Чем же тебя, деточка, накормить? У меня, кроме сухого хлебца, ничего нет,— заохала баба.

— Принеси мне, бабушка, с огорода какой-нибудь цветок, я из него напьюсь меду. А больше я ничего не ем,— ответила девочка.

Пошла баба в сад, а там белый цветок расцвел. Принесла она его, малютка напилась из цветка, легла в

кузовок и заснула. Легли спать и дед с бабой, не говорят между собой, чтобы малютку не разбудить.

Просыпаются они спозаранку, глядь, что-то не так у них, как было вчера: ложились они спать на солому, а проснулись на пуховых подушках.

— Дед, ты спишь? Отзовись, мне что-то наяву снится. Не знаю, где я,— шепчет баба.

— И я не знаю, где я,— протирает глаза дед.

Сели, осмотрелись: светлица высокая, просторная. На окнах белые занавески. Нет старого стола, лавки — все новое, стол да кресла, шкаф да сундук. Вместо печи-развалюхи стоит новая, и горит в ней огонь, горшки да крынки туда-сюда сами передвигаются, поленья сами из корзины в печь влетают и в огонь кладутся.

— Ну, дед, если и ты видишь это,— говорит баба,— выходит, нам не снится, должно быть, все правда.

Поднялись. Для бабы на сундуке лежит новая юбка с бархатным кафтаном, белый чепец, украшенный красными лентами. Для деда — новая одежда на кресле, под креслом — красивые черевички. Оделись дед с бабой, смотрят друг на друга — не узнают себя.

— Прошу вас, госпожа! Вы не видели моей старухи? Она здесь была.

— Простите, паночку! Тут мой дед был. Вы его не встречали?

— Это голос моей старухи. Не ты ли, бабуся, так нарядилась, что и не узнать тебя?

— Я паночку. И вы так говорите, как мой дед говорил.

— Это, бабуся, не сон, а правда. Посмотри в окно, что там происходит.

Вышли они во двор и глазам не верят. Стоят новые конюшни, а в них волы, кони, коровы. Сено в ясли само накладывается. Молока полные дойницы надоено, и они сами в избу движутся да в горшки молоко выливают. А горшки сами выстраиваются в ряд на полке. По двору куры, гуси, утки ходят, зерно, которое невесть откуда сыплется, поклевывают. Вот и корзинка полная яиц в избу спешит. Ведро само из колодца воду набирает и в избу носит. Вернулись в избу, дивятся всему. И стали они жить, как у Бога за дверьми. Пришла зима трескучая. Метет снегом, шумит ветрами, трещит морозами, а у деда

с бабой цветы в хате цветут, как в цветнике. Девочка пьет медок из цветов, щебечет, стариков веселит. А те не натешатся малюткой. Не успели оглянуться, вот и весна пришла.

— Откройте дверь,— просит однажды девочка,— пришло время идти мне в мир.

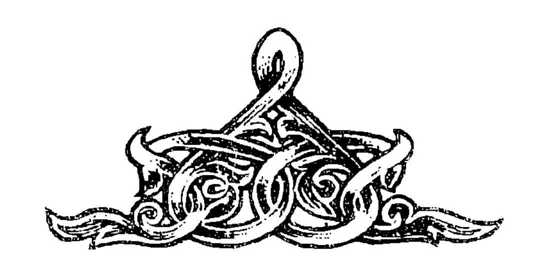
Плачут и просят старики:

— Останься, деточка, у нас! Как же нам без тебя?

— Нет, не могу. Зовет меня моя мать — весна! Вы себе живите в достатке за то, что спасли меня от зимы,— сказала им девочка и превратилась в красную девицу, вся в цветах, а в руках корзинка, полная цветов. Вышла она во двор, поднялась в высь и оттуда рассыпала цветы во все стороны. И зацвели сады, луга и леса.

Старики и не знали, что приютили у себя дочь весны, которой Бог передал цветы всей земли.

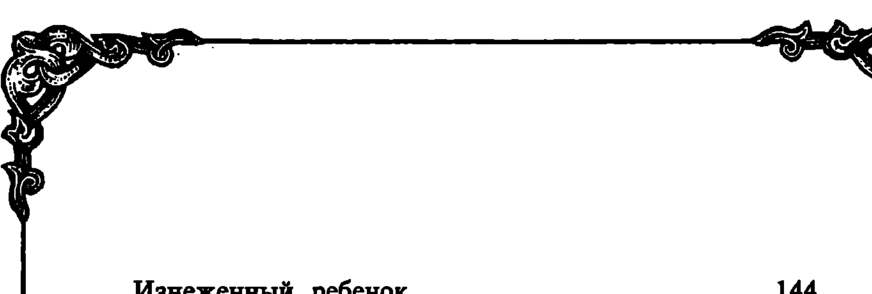
Черновцы, 7 августа 1913

СОДЕРЖАНИЕ

Наше богатство 7
Святоивановская легенда 9
Козаки — святые защитники 12
О запорожцах 15
Кошевой Серко 17
Король Коята 18
Иван Богданец 31
Трем-сын-Борис 43
О богатыре Сухобродзенко Иване и Настасье Прекрасной 52
О царевне, душа которой была в яйце в осокоре 69
Бедный парень и царевна 72
О жене царевича — гусыне 80
Царевич-дурень 84
Два царевича 91
Парень-сирота 95
Голопуз 100
Мать-щука 108
О Марусе — козацкой дочке 111
Летучий корабль 114
Ох 120
О мужике, которому бог подарил столик, козу и бубенцы 128
Бог и святой Петр 135
Как бог наградил бедного мужика 139
Судьба 141
Любопытный барин 143

Изнеженный ребенок 144

Брат Петрусь и сестра Оксанка 147

Разбитый столик 150

Юрза-мурза и ловец, добрый молодец 154

Собачий, жабий, сухопарый
и златокудрые сыновья царицы 159

О богатыре Бухе Копытовиче 165

Сказка о неразумном. *И. Керницкий* 174

Кругосветное путешествие капельки.
Н. Романенко 177

Ярослава и богиня Лада. *Н. Романенко*
(сказка древних языческих времен). 188

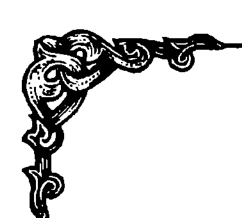
Сон козака. *Н. Романенко* 195

Девочка Вера. *Н. Романенко* 200

Утопленник. *Н. Романенко* 204

Помадковая куколка. *Н. Романенко* 208

Дед и баба. *Н. Романенко* 211

Літературно-художнє видання

Казки, на які ми чекали
У 10 книгах

КНИГА 9

КАЗКИ З-ЗА ГРАТ

Із спецсховища — до читача
(Російською мовою)

Упорядник та перекладач
Михайло Дмитрович Ходоровський

Редактор *З. П. Каменецька*

Художній редактор *А. М. Буртовий*

Технічний редактор *О. І. Дольницька*

Коректори *Л. В. Солтинська, Г. О. Авдєєнко*

Здано до набору 15.06.92. Підписано до друку 3.12.92.
Формат 60×90/16. Папір книжково-журнальний.
Гарнітура «Таймс». Друк. офсетний.
Умовн. друк. арк. 13,5. Умовн. фарбовідб. 17,94.
Обл.-вид. арк. 11, 63. Замовлення 49-3.

Фірма «Довіра»
252001 Київ-1, вул. М. Грушевського, 1 д.

Львівська книжкова фабрика «Атлас»
290005 Львів, вул. Зелена, 20

Казки з-за грат: Із спецсховища — до читача
К-14 /Упоряд. та пер. з укр. М. Д. Ходоровського.—
К.: Фірма «Довіра», 1992.— 215 с.: іл.— (Казки, на які ми чекали: у 10 кн.; Кн. 9).— Рос. мовою.

ISBN 5-85154-062-1

До книги увійшли твори, що з різних причин потрапили до спецсховищ. Знайомі й незнайомі герої казок: мудрі та сильні, дотепні та відважні — уособлюють в собі надії і сподівання народу, прагнення його до краси, добра та справедливості, перемагаючи зло в усіх його проявах, утверджуючи добро на землі.

К $\frac{4803640104}{92}$ 42-92

ББК 82.3 Ук-6

